

НАРОДЫ РОССІИ.

ВЫПУСКЪ II.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Латыши и Литовцы.	7. Вотяки.
2. Финны.	8. Зыряне.
3. Эсты.	9. Черемисы.
4. Карелы.	10. Вогулы.
5. Ливы.	11. Пермьки.
6. Мордва.	12. Евреи.

Четыре хромолитографіи и 7 гравюръ.

Подписная цѣна 1 рубль безъ пересылки.

Въ отдѣльной продажѣ 1 р. 50 в.

Подписка продолжается.

Условія подписки на четвертой страницѣ.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».
ВОЛЬНАЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, д. № 39.
1878.

НАРОДЫ РОССІИ.

ЖИВОПИСНЫЙ АЛБЪОМЪ.

ВЫПУСКЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза»,
Большая Подъячская, № 39.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Доволоно цензурою. С.-Петербург, 1 апрѣля 1878 года.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Удалено

ЛИТОВСКОЕ ПЛЕМЯ.

V. ЛИТОВЦЫ И ЖМУДИНЫ.

Историческая судьба литовскаго народа.

Въ краѣ, прилежащемъ къ отлогому берегу Балтійскаго моря, издревле обитаетъ литовское племя. Съ давнихъ поръ оно принуждено было бороться съ сосѣднимъ нѣмецкимъ племенемъ, безпощадно его истреблявшимъ и уничтожавшимъ, само тѣснило прилегающія къ нему съ сѣвера финскія племена (эстовъ, куровъ и ливовъ), подвергалось болѣе мирному вліянію окружающихъ его съ востока и юга народовъ славянскихъ (поляковъ и русскихъ), но до сихъ поръ успѣло сохранить свою самобытность.

Происхожденіе и время появленія литовскаго племени въ Прибалтійскомъ краѣ совершенно неизвѣстно. Положительно извѣстно только то, что литовское племя принадлежитъ къ семьѣ индоевропейскихъ народовъ, ближе всѣхъ изъ нихъ сродно съ славянскимъ племенемъ и говоритъ языкомъ, который изъ всѣхъ индоевропейскихъ языковъ имѣетъ болѣе сходства съ санскритскимъ, изъ котораго, какъ извѣстно, произошло большинство языковъ народовъ, населяющихъ въ настоящее время Европу. Есть, впрочемъ, много основаній предпола-

гать, что литовцы составляли нѣкогда единое съ нашими предками славянами племя, изъ котораго развились потомъ двѣ самостоятельныя вѣтви—славянская и литовская.

Литовское племя уже въ IX столѣтіи занимало страну, въ которой обитаетъ нынѣ. Оно всегда являлось раздѣленнымъ на единоплеменные народцы, болѣе или менѣе сохранившіе между собою духовную связь языка, вѣрованій, обычаевъ, образа жизни. Главные, долѣ другихъ сохранившіеся между этими отдѣльными народцами были пруссы (борусы), собственно литовцы и латыши. Не будучи соединены подъ одну верховную власть, окруженные многочисленными и сильными племенами, литовцы не могли удержать на долго своей самостоятельности. Пруссы, обитавшіе между Нѣманомъ и Вислою, были покорены нѣмцами и скоро безслѣдно исчезли изъ исторіи оставивъ только свое имя странѣ ими обитаемой и возникшему тамъ нѣмецкому государству—Пруссіи. Можно сказать—чудомъ сохранились и латыши, также подвергшіеся вліянію и истребленію нѣмцевъ, въ лицѣ рыцарей—крестоносцевъ. Только собственно литовцы сомкнулись въ XII вѣкѣ въ единое княжество, которое вошло въ тѣсную связь съ сосѣдними русскими княжествами, часть которыхъ подчинилась потомъ власти князей, развившагося, такимъ образомъ, на литовско-русскихъ земляхъ, Литовско-Русскаго государства. Но скоро оно, соединившись съ сосѣднею Польшею, въ концѣ XV вѣка, утратило свою самостоятельность. При этомъ литовцы увлекли съ собою и связанное съ ними историческими судьбами и искони съ ними сроднившееся бѣлорусское племя, и возвратились вмѣстѣ съ нимъ Русскому государству только въ концѣ прошлаго вѣка, послѣ трехъ раздѣловъ Польши. Въ настоящее время литовское племя состоитъ изъ двухъ главныхъ народностей: латышей и собственно литовцевъ, которые еще подраздѣляются на жмудиновъ, отличающихся отъ литовцевъ только нарѣчіемъ, подобно тому какъ малороссы тѣмъ же отличаются отъ великороссіявъ. Литовцы

и жмудины населяютъ теперь губерніи Ковенскую, сѣверо-западныя части Виленской и сѣверную половину Сувалкской и пограничныя къ послѣдней части Пруссіи. Насчитывается ихъ болѣе полутора милліона.

Характеръ страны.—Занятія, хозяйственный бытъ, жилища, пища и одежда.—Околичная шляхта.

Пространство, населяемое въ настоящее время литовскимъ племенемъ, принадлежитъ къ западному отдѣлу такъ называемой сѣверной полосы постоянного хлѣбопашества. По близости къ Балтійскому морю, обилію озеръ и мѣстами болотъ, воздухъ здѣсь наполняется влажностію. Правда, влажность эта, хотя и благотворна для края по причинѣ его глинистой и песчаной почвы, тѣмъ не менѣе, при холодѣ и вредныхъ испареніяхъ изъ болотъ и во многихъ мѣстахъ изъ лѣсовъ, имѣетъ дурное вліяніе на здоровье жителей. Нерѣдко встрѣчается между литевцами болѣзнь *колтунъ* — прямое слѣдствіе болотныхъ испареній и сырости климата. Впрочемъ, сильные вѣтры, преимущественно господствующіе въ западной части Ковенской губерніи, умѣряютъ вредное вліяніе климата. Въ особенности же вѣтры эти бывають сильны въ мѣстахъ ближайшихъ къ морю. Тамъ, дѣйствіемъ вѣтра поднимаются огромныя массы песку и образуются изъ него холмы. Самая лучшая и теплая погода бываетъ въ концѣ іюля и началѣ августа. Самые сильные морозы бывають въ январѣ. Впрочемъ, состояніе температуры края непостоянно: послѣ сильныхъ морозовъ, при западномъ морскомъ вѣтрѣ, бываетъ иногда дождь. Это непостоянство климата вредно отзывается на земледѣліи. Часто поздніе утренніе морозы весною и ранніе осенью губятъ растенія. Но всего болѣе вредитъ хлѣбному производству недостатокъ снѣговъ. Не менѣе холода и морозовъ имѣетъ неблагоприятное вліяніе на ра-

стительность и теплая погода, продолжающаяся иногда до поздней осени, потому что тогда появляются на озимыхъ всходахъ черви, которые совершенно ихъ истребляютъ. Вообще же теплая погода начинается весною здѣсь въ апрѣлѣ, осень же съ сентября продолжается до половины декабря.

Литовцы и жмудины издавна были земледѣльческимъ народомъ, какимъ остались и до послѣднихъ дней. Основу ихъ благосостоянія, особенно населяющихъ Ковенскую губернію, составляетъ воздѣлываніе льна. Впрочемъ и другія отрасли сельско-хозяйственной промышленности, тѣсно связанныя съ земледѣліемъ, находятся въ хорошемъ состояніи и вполне удовлетворяютъ потребностямъ мѣстнаго населенія. Почва глинистая и песчаная, но съ значительною примѣсью растительной земли, составляя какъ-бы особый видъ чернозема, достаточно плодородна и, не смотря на не особенно совершенные способы обработки, окупаетъ съ избыткомъ трудъ земледѣльца. Садоводство, хотя и не особенно развито, — также составляетъ не малое подспорье въ хозяйствѣ поселянъ. Здѣсь, на открытомъ воздухѣ, произрастають яблоки и груши различныхъ родовъ, бергамоты, дули, вишни, сливы, черешни, дыни и арбузы. Обиліе листовенныхъ лѣсовъ (особенно липъ) на Литвѣ и Жмуди способствуетъ развитію пчеловодства. Ни въ одной странѣ не получается меду лучше литовскаго, потому что въ немъ очень мало воску и притомъ медъ высокаго качества. Почти въ каждомъ селеніи можно встрѣтить пчеловодовъ; пчелы здѣсь въ большомъ уваженіи, и у простого народа убить пчелу — считается весьма предосудительнымъ проступкомъ.

Литовцы, а въ особенности жмудины, до такой степени привязаны къ домашней жизни, что никогда почти не пускаются въ отдаленныя мѣста, посѣщая только близъ лежащіе города: Вильну, Либаву, Ригу, Тильзитъ, Кенигсбергъ и Ковну, куда они отправляются для продажи хлѣба и льна. Эта привязанность къ домашнему быту служитъ съ одной стороны причиною малаго развитія торговли въ краѣ (тор-

говля находится въ рукахъ евреевъ), а съ другой—придаетъ особенный характеръ торговымъ сдѣлкамъ, отличающійся недовѣрчивостію и уклончивостію.

Съ открытіемъ весны, до окончанія уборки хлѣба, главное занятіе литовскихъ поселянъ составляютъ полевныя работы, а свободное время посвящается исправленію сбури, орудій и надворнаго строенія. Осенью и зимою занятіе крестьянъ составляютъ: обработка льна, молотьба хлѣба, отвозъ его на продажу, ухаживанье за скотомъ, приготовленіе дровъ на топливо. Весенніе и зимніе вечера они занимаютъся витьемъ веревокъ и починкою разныхъ хозяйственныхъ вещей. Между крестьянами встрѣчаются довольно искусные столары, слесари и кузнецы. Женщины, кромѣ присмотра за домашнимъ хозяйствомъ, лѣтомъ ухаживаютъ за огородами и помогаютъ въ полевыхъ работахъ. Зимомъ онѣ придутъ ленъ, пеньку, овечью шерсть и приготавливаютъ изъ пряжи разныя ткани: полотна, скатерти, *миласъ* (крестьянское сукно). Здѣшнія полотна отличаются своею тонкостію и добротою. Во многихъ мѣстностяхъ женщины довольно искусно ткутъ и красятъ шерстяныя матеріи, употребляемыя ими въ домашнемъ быту, и даже ткутъ ковры. Въмѣсто гаруса, употребляютъ хорошо выкрашенныя нитки изъ тонкой шерсти. Въ прибрежныхъ мѣстахъ вяжутъ рыболовныя сѣти.

Общій характеръ страны представляетъ довольно часто расположенныя небольшія мѣстечки, деревни, и отдѣльные поселки. Довольно часто можно видѣть предъ домами поселянъ небольшіе сады или цвѣтники, въ которыхъ растутъ фруктовыя деревья, разноцвѣтныя шиповники, а иногда розы, маргаритки, настурціи, желтыя лиліи, макъ, ароматическій горошекъ, рута, а также въ значительномъ количествѣ хмѣль, который разводитъ почти каждый хозяинъ. Все это обнесено плетнемъ и представляетъ издали довольно пріятный видъ. Но по внутреннему устройству дома литовцевъ бѣдны, нечисты и часто устраниваются безъ трубъ. По обилію лѣса они большею частію прочной постройки.

Окна весьма узкія, продолговатныя, прорубаются при соединеніи двухъ бревенъ; только зажиточные поселяне имѣютъ въ своихъ домахъ окна средней величины. Крыши соломенные. Изба въ Ковенскомъ уѣздѣ и сопредѣльныхъ частяхъ другихъ уѣздовъ называется по литовски *мѣне*, въ Шавельскомъ уѣздѣ, Поневѣжскомъ и части Новоалександровскаго—*гричой*, — на Жмуди — *траба*. Она разграничивается сѣнями на двѣ части: въ одной помѣщается семейство хозяевъ и работники, въ другой—кладовыя. У богатыхъ поселянъ есть особая пріемная для гостей, называемая *секліча*, или *секмича*. Предъ домою находится небольшой квадратный дворъ, по сторонамъ котораго расположены амбары и сараи. *Свирни* (небольшой амбаръ)—необходимая принадлежность каждаго хозяйскаго двора; въ ней хранится хлѣбъ въ зернѣ и мукѣ, крупа и разныя огородныя овощи.

Жмудины въ отношеніи красоты постройки домовъ и опрятности далеко превосходятъ литовцевъ. Особенно въ Тельшевскомъ уѣздѣ, смежномъ съ Пруссіей, дома жмудиновъ вообще красивы и довольно высоки, имѣютъ большія окна и выведенныя въ крышу трубы. Всѣ строенія, составляющія дворъ, называются *нума*; собственно изба—*траба*; послѣдняя состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: для хозяевъ, работниковъ, склада вещей и продуктовъ. У зажиточныхъ поселянъ имѣется особая комната для гостей, называемая *алькерисъ*. *Траба* съ высокою соломенною крышею. Порогъ въ домѣ жмудина, какъ передній уголъ у литовца, играетъ весьма важную роль. При заложеніи новаго дома жмудины закапываютъ подъ порогомъ деревянный крестикъ и какую либо малую вещь изъ домашняго скарба, какъ завѣтный, выше всего почитаемый памятникъ своихъ предковъ. Злѣйшій врагъ, переступившій черезъ порогъ дома, принимается какъ пріятель хозяина, и никто безнаказанно не можетъ обидѣть пріятаго. Предваренный о прибытіи челоуѣка ненавидимаго, жмудинъ всячески старается не допустить его въ свой домъ, опасаясь, чтобы

нога врага его не осквернила порога, черезъ который, по народному повѣрью, самъ Богъ входитъ въ избу.

Комнаты въ домѣ жмудиновъ всегда опрятно убраны, имѣютъ полъ вымытый, потолоки украшены воткнутыми за перекладину цвѣтами и душистою травою; полы посыпаны ельникомъ. По стѣнамъ висятъ образа работы деревенскихъ живописцевъ. На другой половинѣ, гдѣ помѣщается челядь, въ зимнюю пору находится и животныя: овца или коза, новорожденный теленокъ, а иногда и свинья съ поросятами.

Подобно расположенію литовскихъ строеній, у каждаго жмудина при домѣ находится *свирня*, гдѣ сложены въ большомъ порядкѣ хлѣбъ, ленъ, мука, крупа и отличный бѣлизны полотна, главнѣйшее издѣліе и нарядъ жмудянокъ. Въ прежнее время въ свирняхъ хранили военную сбрую; въ рѣдкой жмудинской пѣсни не упоминается о ней. Въ свиронкѣ плачетъ невѣста, когда ее выдаютъ замужъ; въ свиронкѣ кроитъ она полотна для несносныхъ сватовъ, въ свиронкѣ она общается отцу и матери, сестрамъ и братьямъ, что черезъ недѣлю послѣ свадьбы она воротится переодѣтая въ цвѣтной повойникъ къ своимъ роднымъ и т. п.

У жмудиновъ постель составляетъ важную принадлежность въ домашнемъ быту и служитъ доказательствомъ достатка и порядка въ хозяйствѣ. Перины и подушки — необходимая принадлежность каждаго хозяина. Жмудины обыкновенно спятъ въ амбарахъ, и здѣсь, для предохраненія себя отъ холода, покрываются тонко набитыми перинами. Приданое невѣсты непременно должно составлять нѣсколько перинъ и по крайней мѣрѣ двѣнадцать подушекъ. У литовцевъ, напротивъ, постель не составляетъ предмета особенной важности. Худо сколоченная кровать, постланная сѣномъ или соломой и покрытая простынею, съ подушкою или безъ нея, служитъ для хозяевъ мѣстомъ отдохновенія. Челядь и младшіе члены семьи спятъ на лавкахъ или устроенныхъ, поближе къ печкѣ, нарахъ. Въ Литвѣ для освѣщенія

употребляютъ большею частію лучину, а по Жмуди сальные свѣчи домашняго издѣлія. Впрочемъ, въ послѣднее время стали входить во всеобщее употребленіе керосинъ, извѣстный здѣсь подъ названіемъ *петруль* (петролеумъ).

Хозяйственныя принадлежности литовцевъ и жмудиновъ удовлетворяютъ только необходимымъ нуждамъ. Кухонный приборъ ихъ составляютъ большой мѣдный котелъ, нѣсколько глиняныхъ горшковъ, желѣзная сковорода, большая глиняная эллиптической формы миска, употребляемая для жареной баранины, телятины или свинины. Столовой приборъ состоитъ изъ глиняныхъ, деревянныхъ и оловянныхъ мисъ и тарелокъ; вилки и ножи употребляются только въ домахъ зажиточныхъ поселянъ, и то при посѣщеніи гостей. Складные ножи составляютъ постоянную принадлежность мужчинъ и женщинъ въ дорогѣ, при полевыхъ работахъ и въ лѣсу.

Литовцы и жмудины ѣдятъ три раза въ день: рано утромъ одно или два кушанья ирѣсныхъ, и въ обѣдъ и на ужинъ кисляя и мясныя блюда. Кромѣ обыкновеннаго кушанья, у нихъ въ употребленіи еще нѣкоторыя, исключительно имъ принадлежащія, блюда. Таковы напримѣръ: *хлодникъ*, приготовляемый на уксуѣ и водѣ изъ мелко искрошенныхъ корней красной свеклы, сметаны, укропа, свѣжихъ огурцовъ, круто сваренныхъ яицъ, раковъ или телятины, употребляемый лѣтомъ и всегда съ примѣсью льда. *Ботвинки* — кислый супъ изъ свеклы и ветчины, забѣленный сметаной; *верещакки* — жареное на маслѣ свиное сало, приправленное соусомъ и лукомъ; *сошникъ* — кисловатый супъ, приготовляемый изъ гусиной и поросячьей крови и потроховъ этихъ животныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ супъ подается жениху, ищущему руки дочери хозяйна, какъ знакъ несогласія на бракъ. *Шупеня* — ячменная каша съ горохомъ и свѣжимъ свинымъ саломъ, — подаваемая жениху, служитъ знакомъ, что онъ хорошо принятъ въ домѣ. Поросячій хвостъ, воткнутый въ эту кашу посрединѣ миски, означаетъ у жмудиновъ,

что родители согласны выдать свою дочь за того, кто за нее сватается. *Пенсак* — постное кушанье, приготовляемое изъ толченыхъ въ ступѣ ячменныхъ зеренъ и гороха. *Конопляники*, или конопляные пироги, пекутся изъ ячменной муки, смѣшанной на-половину съ толченными и конопляными зернами. *Скабенутра*, — приготовляемая слѣдующимъ образомъ: берутъ очищенный жареный картофель, свеклу, лѣсные груши, ячную и гречневую крупу, посыпается все это перцемъ и другими пряностями, потомъ варятъ и заливаютъ все это кислымъ молокомъ. Затѣмъ кушанье это, слитое въ особую посуду, стоитъ нѣсколько дней для того, чтобы лучше скисло. Лѣтомъ крестьяне носятъ скабенутру въ поле въ пузыряхъ или кожаныхъ мѣшкахъ.

Поселяне въ лѣтнее время носятъ *кумала* — кафтанъ, сшитый изъ толстаго холста — *дробе* или изъ ткани льняной, смѣшанной съ шерстью и нерѣдко подкрашенной въ синій или зеленый цвѣтъ; обыкновенный же костюмъ ихъ *спрмена*, кафтанъ изъ сѣраго домашняго сукна, называемаго *миласъ*. Зимой подъ кафтанъ надѣваютъ баранью шубу. Покрой платья отличается болѣе удобствомъ, чѣмъ изящностію формы. Одежда эта, обыкновенно, напередѣ застегивается желѣзными или мѣдными крючками и опоясывается, по большей части, зеленымъ или пестрымъ поясомъ и даже платкомъ. Молодые парни носятъ яркихъ цвѣтовъ пояса и фуражки или шапки съ козырьками и различной формы мѣховыя шапки, крытыя сукномъ. На Жмуди употребительны еще шляпы валеныя изъ черной шерсти, и въ Литвѣ соломенные изъ домашняго издѣлія. Обувь составляютъ сапоги и кожаные «ходаки» въ родѣ употребительныхъ въ великороссійскихъ губерніяхъ котовъ, которые привязываются къ ногамъ шнурами, охватывающими вмѣстѣ и онучи; но въ восточной части Ковенской губерніи, собственно у литовцевъ, употребляются и лапти. Сапоги же, хотя ихъ имѣютъ почти все поселяне, надѣваются очень рѣдко, по большей части только въ праздничные

дни, исключая крестьянъ особенно зажиточныхъ, которые всегда носятъ сапоги. Волосы въ Литвѣ и на Жмуди стригутъ обыкновенно въ кружокъ, а бороду брѣютъ, оставляя одни усы.

Женщины покрываютъ головы бѣлыми или другаго цвѣта платками, а иногда и чепцами. Дѣвушки обыкновенно не покрываютъ головы, а заплетаютъ волосы въ двѣ косы, украшая концы ихъ лентами яркихъ цвѣтовъ. На шею надѣваютъ множество бисерныхъ, а дочери зажиточныхъ хозяевъ и коралловыхъ ожерельевъ. Платьемъ для женщинъ вообще служитъ рубашка, короткія юбки и разноцвѣтные фартуки; кафтаны похожи на мужскіе, но гораздо короче. Обувь замужнихъ женщинъ составляетъ родъ «ходакая», а дѣвушка носятъ башмаки, особенно по праздникамъ. Нужно замѣтить, что жмудины вообще, а преимущественно жители уѣздовъ, прилегающихъ къ Пруссіи и Курляндіи, будучи болѣе зажиточны, чѣмъ литовцы, также далеко превосходятъ ихъ и опрятностію одежды. Особеннымъ богатствомъ одежды отличаются приходы Свѣдотскій и Купишскій Вилькомірскаго уѣзда и нѣкоторые — Новоалександровскаго. Здѣсь, даже въ будни, женщины носятъ юбки изъ тонкой, голубаго цвѣта, шерстяной матеріи, а въ праздники и шелковыя съ множествомъ складокъ назади. Онѣ надѣваютъ также атласныя и бархатныя «шнуровки» (корсеты), безъ рукавовъ, обложенныя галунами. Шнуровки эти застегиваются серебряною цѣпочкою или такими же крючками. Все носятъ башмаки. Въ Вилькомірскомъ уѣздѣ замужнія женщины покрываютъ головы большими платками, свернутыми на подобіе чалмы. Дѣвцы убираютъ голову множествомъ ленточекъ и натуральныхъ цвѣтовъ. Старухи сверхъ платковъ надѣваютъ бархатныя шапочки, составляющія также и необходимую принадлежность свахи.

Относительно степени благосостоянія, вообще нужно сказать, что оно распредѣлено между литовскими и жмудскими поселянками далеко неравномѣрно. Дѣло въ томъ, что здѣсь, какъ и вообще въ за-

падною краѣ Россіи, большинство крестьянъ были крѣпостные. Послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, по закону 19 февраля 1861 года («Положеніе о крестьянахъ»), предоставлено право на землю только тѣмъ изъ нихъ, которые къ этому времени пользовались землею; крестьяне же, не владѣвшіе въ это время поземельными участками, оставлены безъ земли. Хотя въ послѣдствіи и были приняты мѣры къ обезпеченію участи этихъ безземельныхъ, но число ихъ до настоящаго времени еще очень велико. Такъ, изъ общаго числа крестьянскаго населенія Ковенской губерніи—318,800 душъ мужскаго пола — третья часть, а именно 110,800 душъ, не имѣетъ земли и представляетъ массу батраковъ, кутниковъ и бобылей, не имѣющихъ никакой собственности и изыскивающихъ средства къ существованію наемнымъ трудомъ у помѣщиковъ и крестьянъ, владѣющихъ землею и ведущихъ самостоятельное хозяйство. Кутники еще имѣютъ собственные дома, но такъ какъ они построены не на собственной землѣ, то за наемъ ея приходится платить. Вслѣдствіе значительнаго числа бѣдныхъ и безземельныхъ крестьянъ, заработная плата очень низка. Такъ какъ землею литовскіе крестьяне владѣютъ не сообща, какъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, а подворными участками, то и среди самыхъ надѣленныхъ землею крестьянъ встрѣчается рѣзкое различіе: одни имѣютъ 3 десятины, иные 10 и 15, между тѣмъ какъ другіе 50 и даже 100. Само собою разумѣется, что и степень ихъ благосостоянія также различна.

Въ Ковенской губерніи находится весьма много селеній, называемыхъ «*околицами*», въ которыхъ живутъ мелкопомѣстные дворяне (шляхта), вмѣстѣ съ своими бывшими крестьянами, и однодворцы, т. е. тоже дворяне, имѣющіе небольшой земельный участокъ. Каждый изъ нихъ живетъ про себя и весьма рѣдко видитъ своихъ еосѣдей, исключая случайной встрѣчи при полевыхъ работахъ. Дома шляхтичей мало чѣмъ лучше крестьянскихъ избъ: они отли-

чаются величиною, большими окнами и особенно фруктовымъ садомъ, въ которомъ между яблонными, грушевыми и вишневыми деревьями расположены часто пчелиные ульи. Сарай для скота, сѣнникъ, овинъ, свирня и складъ дерева и дровъ принадлежатъ также къ отличительнымъ признакамъ панскаго дома. Дворы, хотя обнесены плетнями для защиты луговъ и огородовъ отъ домашнихъ животныхъ, но воротъ нигдѣ не видно. Въѣздъ на дворъ есть продолженіе кривой грязной улицы и едва доступенъ за грязью въ дождливую погоду даже лѣтомъ, не говоря уже о веснѣ и осени. Дома пановъ состоятъ изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ сѣнями, и кухни—съ очагомъ. Одна половина—свѣтелка для пановъ—съ печью и трубою; другая—курная хата— для работниковъ. Здѣсь, какъ и въ крестьянскихъ избахъ, держатъ животныхъ: гусей, куръ, телятъ, кроликовъ и т. п. Здѣсь же во время жатвы накрывается столъ для рабочихъ, которые обыкновенно собираются разъ въ день для ужина, такъ какъ обѣдъ берутъ съ собою въ поле.

Бытъ околичной шляхты имѣетъ большое сходство съ житьемъ-бытьемъ мелкопомѣстныхъ дворянъ въ Малороссіи. Простота нравовъ такая же, какъ тамъ. Паненки (барышни), нерѣдко совсѣмъ босыя и почти всегда безъ чулокъ, выходятъ на лугъ въ росу и на грязный дворъ и даже до хлѣбовъ, неприступныхъ за грязью въ самую лучшую сухую пору года. Встаютъ по околицамъ рано, съ восходомъ солнца, часа въ три лѣтомъ, завтракаютъ около 9 часовъ утра и послѣ или даже предъ обѣдомъ отдыхаютъ. Ужинъ у старыхъ пановъ не въ обычаѣ. Чай съ хлѣбомъ и сыромъ замѣняютъ его по большей части, и только для рѣдкихъ гостей дѣлаютъ исключеніе.

Наружный видъ литовскаго народа не представляетъ никакихъ отличительныхъ особенностей отъ обычнаго арійскаго типа, къ которому принадлежитъ большинство народовъ средней и западной Европы. Цвѣтъ кожи литовца ничѣмъ не отличается отъ бѣлаго

цвѣта европейца. На продолговатомъ лицѣ, подобномъ малороссійскому, бросается въ глаза величина рта, часто несоразмѣрная, особенно у женскаго пола. Глаза большею частію голубые, волосы блѣнокурные, у малолѣтнихъ на подобіе льна. Вообще можно сказать, что литвинки, хотя въ молодости свѣжія и румяныя, не отличаются красотой, и правильныя черты лица почти не встрѣчаются между ними. Онѣ рано старѣются и уже въ среднемъ возрастѣ являются блѣдными, истощенными, морщиноватыми. Впрочемъ, простолудины тѣлосложенія крѣпкаго, сильны, здоровы и способны переносить непогоды и неудобства деревенскаго быта. По всѣмъ этомъ примѣтамъ, литовцы занимаютъ, такъ сказать, средину, между славянами и своими сѣверными сосѣдями—скандинавами.

Привязанность къ своей родинѣ и вѣрѣ, гостепріимство, бывшее въ языческія времена подъ покровительствомъ особыхъ боговъ, простодушіе, мужество и у жмудиновъ—хитрость составляютъ главныя черты въ характерѣ литовца. Миролюбіе и добродушіе литовскаго поселенина обнаруживается въ его домашней и общественной жизни. Довѣріе его къ честности другихъ, истекающее изъ собственной совѣтливости, простирается до того, что крестьянскія жилища, однако разбѣянные по лѣсамъ и рошамъ, не только ничѣмъ не огорожены, но даже въ отсутствіе хозяина остаются незапертыми. Цѣломудріе и чистота нравовъ литовскаго народа и его набожность можетъ быть поставлена въ примѣръ другимъ племенамъ. Деревянный крестъ, какъ выраженіе народной набожности, находится на Жмуди почти предъ каждымъ домомъ. Такіе же кресты и столбы съ рѣзнымъ изображеніемъ Іоанна Крестителя, какъ покровителя страны, столь часто ставятся по дорогамъ, что иногда отстоятъ другъ отъ друга на нѣсколько десятковъ шаговъ. Набожный жмудинъ предъ каждымъ изъ нихъ снимаетъ шапку и прочитываетъ «Отче нашъ». Но эта набожность не мѣшаетъ, впрочемъ, литовцамъ сохранять вѣру въ колдовство, наговоры и имѣть много суевѣрій,

отъ которыхъ не совсѣмъ свободны, впрочемъ, и другіе, болѣе развитые народы.

Одинъ авторъ (Юцевичъ) такъ характеризуетъ жмудиновъ: «Крестьянинъ жмудскій живъ, веселъ и дѣятеленъ какъ на полѣ, гдѣ онъ охотно и безъ принужденія занимается своею работою, такъ и въ дорогѣ, когда, запрягнувъ четыре лошади въ огромную брику, нагруженную льномъ или льнянымъ сѣменемъ, ѣдетъ въ Ригу, Митаву или Либаву. Рѣдко можно видѣть его грустнымъ; съ бодрымъ видомъ, напѣвая деревенскую пѣсню, онъ встрѣчаетъ счастье и несчастье».

По народному литовскому понятію, трудолюбіе есть главное достоинство мужчины и женщины; дѣвушка не должна выходить замужъ, прежде чѣмъ не покажетъ работу своего рукодѣлья. Такъ въ одной литовской пѣснѣ выхваляется дѣвица за то, что хорошо шьетъ, придетъ, бѣлье моетъ. «Отчего ты, дѣвица, не ходишь въ хороводъ?»—«Сидѣла дѣвица за столикомъ ткала красно, матери угождала, отъ того и въ хороводъ не ходила». «Хорошая дѣвица, говорится въ другой пѣснѣ, въ хороводъ идетъ изъ за станка, а изъ хоровода придетъ,—за красно берется». Точно также и молодцу честь и хвала за трудъ: «Хорошій молодецъ въ хороводъ идетъ, плугъ принарядивши, а изъ хоровода придетъ—землю пашетъ». Восхваляя свою возлюбленную, молодецъ говоритъ, что онъ узнаетъ ее между всѣми дѣвицами по чистой одеждѣ, по тонкой ткани, по новому ткацкому станку. То и есть дѣвицѣ, что она пряжа, да ткеть хорошо, да сѣно грестъ умѣетъ, да бѣлье въ пруду моетъ!

Почти всѣ пѣсни литовскаго народа, говоритъ одинъ изслѣдователь (Н. И. Костоморовъ), отличаются непринужденною нравственностію и деликатностію: въ нихъ не воспѣваются преступленія или злодѣянія, и нѣтъ ничего соблазнительнаго, развращеннаго. Въ этой поэзіи не слышно ни раздражающаго вопля отчаянія, ни неистоваго смѣха; нѣтъ ни ослѣпительнаго свѣта, ни чернаго мрака; какая-то

тайственность развита въ ея созданіяхъ; міръ, куда она вводитъ насъ, напоминаетъ весенній вечеръ при ясной зарѣ, въ душистомъ воздухѣ, среди младенческой, только что воскресшей изъ-подъ снѣга природы; чувствуется разомъ и упоеніе молодой жизни и легкая грусть.

Нѣкоторые мотивы этихъ пѣсень поразительно напоминаютъ мотивы русскихъ пѣсень. Мы приведемъ здѣсь одну изъ литовскихъ пѣсень въ подлинникѣ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ дать понятіе объ языкѣ литовцевъ:

О пер Дунајели,
О пер ванденели,
Атплауниа лажьями.

Там ланва бвнялис
Аксялю шувялем
Гальваля шугаво,
Гелтонус плаукелјус
Дунајели лејидо.
Мергужеля mano,
Балта лелвјеля!
Иш уаво ширдялес
Угняля сукуре.
Иш тово ширдялес
Угняля сукуре,
Лигаус леменелю
Стрѣбляя шидражѣ...

По русски это будетъ такъ:

Вотъ по Дунаю,
Вотъ по водицѣ,
Приплываетъ челночекъ.
Въ этомъ челнѣ молодецъ
Золотымъ гребнемъ
Голубушку чесаль,
Русые волосы
На Дунай опускаль.
Дѣвушка, моя
Бѣлая лилеюшка!
Изъ твоего сердечка

Огонекъ зажгли.
Изъ твоего сердечка.
Огонекъ зажгли,
Изъ ровнаго стана
Лукъ выстрогали...

Хотя отличительною чертою большинства литовскихъ пѣсень должно признать унылость мотивовъ, такъ что даже знатоку литовскаго языка трудно отличить напѣвъ свадебный отъ похороннаго, но, по содержанию своему, въ числѣ ихъ немало есть, такъ сказать игриваго, веселаго характера. Вотъ одна изъ такихъ пѣсень:

Эй, что говоритъ хмѣль,
Изъ земли выростая,
Тромъ-тадь, рататадь,
Изъ земли выростая:
«Если вч меня не подопrete
Я по земелькѣ поползу
Тромъ-тадь, рататадь
По земелькѣ поползу...
Говоритъ ячень,
На горѣ находясь:
«Я зерно
Очень крѣпкое».
Говоритъ хмѣль,
Въ саду находясь:
«Я мудръ, очень добръ» и т. п.

Иногда пѣсни эти сопровождаются пляскою; но пляска эта не отличается ни особенною живостію, ни рѣзвостію, ни игривостію. Нѣкоторыя отъ этихъ плясокъ носятъ на себѣ явный слѣдъ древности, дней давно минувшихъ, времени язычества. Такова на примѣръ, пляска *кирвасъ* (топоръ), происходящая обыкновенно въ открытомъ полѣ. Она состоитъ въ томъ, что всѣ танцующіе располагаются въ кругъ, который сзавляется попеременно изъ мужчинъ и дѣвицъ. Въ срединѣ круга становится дѣвушка съ топоромъ въ рукахъ и тогда всѣ участвующіе начинаютъ кружиться при пѣніи слѣдующей пѣсни:

Пляшите, пляшите—
Сегодня время.

Кто пляшетъ, кто веселится,
Тотъ наше дитя.

Богинь
Попросите—о, о!

И богини намъ помогутъ,
Если не сегодня, то завтра!

Сегодня пьемъ, гуляемъ,
Ибо наше время.

Кто можетъ знать,
Что завтра будетъ?

Смѣло ребята съ дѣвицею выскочить,
Прижать къ сердцу сердечку

И расцѣловать.
Ты, красная дѣвица,
Одного изъ насъ выбери!
Кто смѣлѣе всѣхъ—
Къ тому топоръ брось,
Го, го, къ тому топоръ брось!

При послѣднихъ словахъ дѣвушка подбрасываетъ топоръ вверхъ, а мужчины стараются поймать его на воздухъ, и тотъ кто поймаетъ топоръ, выходитъ въ средину круга и пляшетъ съ дѣвушкою. Сдѣлавъ нѣсколько круговъ, цѣлуетъ ее и уступаетъ мѣсто другой дѣвушкѣ, и пѣсня начинается снова.

Это пѣсня съ призываніемъ богинь веселья, это хватаніе топора живо напоминаютъ древнія воинственныя пляски литовцевъ около жертвеннаго алтаря и есть, безъ сомнѣнія, такой же остатокъ сѣдой древности, какъ и многое другое въ бытѣ, нравахъ и обычаяхъ литовскаго народа.

Древняя религія литовцевъ.—Ея слѣды въ обрядахъ и вѣрьяхъ настоящаго времени.

Географическое положеніе страны, занимаемой литовцами, имѣло большое вліяніе на бытъ ихъ и характеръ. Литва—это плоская равнина, склоняющаяся къ Балтійскому морю, покрытая мрачными лиственничными лѣсами и изрѣдка малыми холмами, обильно орошенная рѣками, рѣчками, озерами и болотами, съ постоянно почти облачнымъ небомъ. Уединенные въ своемъ прибрежномъ углу, разсѣянные среди обширныхъ лѣсовъ, литовцы долѣ другихъ племенъ удержали слѣды глубокой старины, и ни у одного изъ народовъ, живущихъ въ Европѣ, не сохранилось въ современномъ быту такъ много остатковъ стараго, первобытнаго времени. Въ характерѣ литовскаго народа есть много самозаключенности, много заронившагося въ глубину души и тамъ заснувашаго, много какъ-бы таинственнаго. Не даромъ въ западной Россіи названіе литовца равносильно названію колдуна. Позже всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ принявшіе христіанство, литовцы, долѣе, даже до нашего времени, сохранили явные слѣды своихъ языческихъ вѣрованій. Въ своихъ пѣсняхъ, сказаніяхъ, преданіяхъ они до сихъ поръ обращаются къ своимъ древнимъ богамъ, а въ ихъ обрядахъ—повторяются стародавніе обряды языческихъ временъ. У литовцевъ не осталось никакихъ письменныхъ памятниковъ древности, по которымъ можно-бы было составить себѣ понятіе объ ихъ древнемъ бытѣ, но ихъ вполне замѣняютъ для насъ пѣсни; въ нихъ вся ихъ исторія, ихъ міеологія, ихъ бытъ.

Какъ и всѣ другіе народы, литовцы въ древнее время были язычниками. Главнымъ божествомъ у нихъ считался Перкунасъ (славянскій Перунъ), громовержецъ, кромѣ котораго признавалось еще множество другихъ божествъ лѣсныхъ, водяныхъ и воздушныхъ. Кромѣ доб-

рых боговъ, были у литовцевъ излые, и между ними главный Пикулусъ, богъ ада. Жертвы богамъ приносили въ видѣ растений и животныхъ, изъ числа которыхъ болѣе другихъ предпочитался козель. Есть также свидѣтельства о существованіи человѣческихъ жертвоприношеній: люди увѣчные, больные, которымъ жизнь надоѣла, приносили себя въ жертву; отцы приносили богамъ своихъ больныхъ дѣтей. Въ городѣ Рошовѣ обиталъ верховный жрецъ литовцевъ — Криве. Онъ избирался изъ числа жрецовъ на всю жизнь и не могъ оставить своего сана и должности иначе, какъ обрекая себя на сожженіе на кострѣ изъ священныхъ деревьевъ. Его особа окружена была чрезвычайною таинственностію; онъ показывался чрезвычайно рѣдко и въ отдаленныхъ краяхъ, гдѣ его не доводилось лицезрѣть, вѣрили, что Криве не умираетъ, а всегда одинъ и тотъ же. Святость мѣста Рошова въ народѣ поддерживалась уваженіемъ къ неугасимому огню; огонь этотъ не прекращался ни на минуту при неусыпномъ надзорѣ жрецовъ (называвшихся у литовцевъ *войцелотами*) и поддерживался дубовыми деревьями изъ священной рощи. Не только въ мѣстахъ, назначенныхъ для богослуженія, но и въ каждомъ домѣ былъ свой священный огонь, поддерживаемый какъ предохранительный талисманъ отъ всякихъ бѣдъ. Трупы умершихъ тѣже предавались огню. Язычники литовцы вѣрили въ безсмертіе душъ, и воображали себѣ будущую жизнь продолженіемъ настоящей. Они вѣрили, что каковъ бы кто ни былъ на землѣ, богатъ или бѣденъ, рабъ или господинъ, — таковъ будетъ онъ и въ будущей жизни. До сихъ поръ литовцы вѣрятъ, что мертвецы летаютъ по воздуху другъ къ другу на свиданіе, отъ кладбища къ кладбищу. Тотъ, кто родился въ ночь подъ воскресный день, можетъ видѣть полетъ мертвецовъ.

Изъ всѣхъ мифологическихъ вѣрованій въ литовскихъ пѣсняхъ уцѣлѣли болѣе всего слѣды поклоненія солнцу, небеснымъ свѣтиламъ и явленіямъ, что объясняется тѣмъ, что въ земледѣльческомъ быту и жизни, и работы измѣряются по годичнымъ и метеорологиче-

скимъ черемѣвамъ. Солнце въ литовскихъ пѣсняхъ олицетворяется существомъ женскаго пола и называется божьей дочерью. Оно существо благое для человѣка, справедливое и сострадательное къ несчастію. «Гдѣ ты пребываешь Сивнита, дочь божія, говорится въ одной пѣснѣ. Сивнита отвѣчаетъ: «За морями, за горами, я призрѣвала сиrotь, согрѣвала пастуховъ, всемъ раздавала блага! Солнцу прислуживаютъ утреннія и вечернія звѣзды; утренняя — зажигаетъ ей огонь, — вечерняя приготовляетъ на ночь постель. Луна представляется существомъ мужскаго пола и супругомъ Сивниты. Въ одной пѣснѣ рассказывается, что мѣсяцъ прежде ходилъ по небу со своей супругой, и выходили и заходили они вмѣстѣ, и на ночлегъ вмѣстѣ возвращались. Но однажды, когда, по обычаю, Менесь (мѣсяцъ) повелъ Сивниту домой и уложилъ спать, самъ ушелъ отъ нея погулять и влюбился въ Аушрину (утренницу). Солнце, проснувшись, пошло по небу одно, безъ супруга. Узнавъ объ этомъ, Перкунасъ разрубилъ невѣрнаго мечемъ пополамъ, и оттого мѣсяцъ является съ половиною лица, и оттого свѣтъ его такой грустный.

Въ настоящее время болѣе всего сохранилось остатковъ древнихъ вѣрованій и обычаевъ въ различныхъ обрядахъ литовскаго народа при рожденіи, крещеніи, при свадьбѣ и погребеніи, и также при нѣкоторыхъ праздникахъ.

Такъ, новорожденнаго младенца бабка обмываетъ въ холодной водѣ, что называется купать «въ потѣ Лаумы» (богини). Крестины справляются болѣе или менѣе торжественно, причемъ каждый входящій гость приноситъ водку, а женщины кушанье. Не женатые должны давать по нѣсколько грошей повивальной бабкѣ. Въ этотъ же день кумъ и кума даютъ гостямъ обѣдъ «обѣдъ кумовывъ», для котораго первый обязанъ доставить водку, а послѣдняя закуску. Все это сопровождается различными припѣвами. Такъ, если не достанетъ водки, кума беретъ пирогъ и съ нимъ подходитъ къ куму, припѣвая:

«Жуме ты, ты, ты!
Чтобы водка была
И сладкая и вкусная,—
Вотъ пирогъ на закуську!»

Родильницу и дитя первое время послѣ родовъ стараются скрыть, полагая, что первая можетъ еще болѣе страдать отъ взоровъ постороннихъ, а дитя подвергается сглазу. До году ребенка держать безъ рубашки, говоря, что будетъ еще время свой вѣкъ сносить. Когда у ребенка прорѣжется первый зубъ, родственники дѣлаютъ пирушку, во время которой поютъ особня пѣсни, въ которыхъ прославляютъ и благодарятъ Бога, что сократилъ страданія ребенка и далъ міру трудолюбиваго человѣка.

Браки у литовцевъ совершаются рѣдко по влеченію сердца, но болѣе по хозяйственнымъ расчетамъ. Бываютъ случаи, что до вступленія въ бракъ женихъ и невѣста совершенно не знаютъ другъ друга. У жудиновъ, напротивъ, браки основываются на взаимной склонности.

Когда родители жениха порѣшаютъ начинать свадьбу, они посылаютъ свата. Для этого избирается обыкновенно лицо, близкое къ дому избираемой. Сватъ беретъ за-пазуху бутылку водки и отправляется для переговоровъ. Войдя въ домъ, сватъ встрѣчаетъ хозяевъ обычнымъ привѣтствіемъ: «Да будетъ благословенъ Иисусъ Христосъ!» потомъ здоровается со всѣми, вынимаетъ бутылку, спрашиваетъ рюмку и, получивъ ее, выпиваетъ прежде самъ, потомъ приглашаетъ присутствующихъ. Родители уже знаютъ обыкновенно въ чемъ дѣло, но сватъ не обращаетъ на это вниманія и начинаетъ разговоръ издалека:

«У стараго Жирблиса съ Бученева, говоритъ онъ, напримѣръ, есть молодой голубъ какъ луна; бѣда, что нѣтъ ему голубицы. Ахъ какой голубъ, какой голубъ!... За горами мы слышали, что у васъ есть голубица. Нельзя ли соединить этихъ голубей? Сколько было бы птенчиковъ бѣлыхъ, золотыхъ, алмазныхъ»...

Родители, если согласны, отвѣчаютъ: «Герай, благослови Деве» (хорошо, благослови Богъ); если-же не согласны на бракъ, то говорятъ: «Нѣтъ у насъ голубицы». Въ случаѣ согласія допиваютъ всю водку; если же нѣтъ, то обязаны поставить столько, сколько выпито.

Если сватовство состоится, то назначается день для дальнѣйшихъ переговоровъ и обрученія, которое сопровождается также угощеніемъ.

Послѣ обрученія женихъ даетъ невѣстѣ подарки, деньги на кольца и т. п. и подаетъ объявленіе въ костелѣ. При этомъ ксендзъ дѣлаетъ жениху и невѣстѣ экзаменъ, требуя знанія главнѣйшихъ молитвъ и заповѣдей. За три дня до бракосочетанія невѣста ходитъ ежедневно по всѣмъ домохозяевамъ своего села и приглашаетъ ихъ на свадьбу, кланаясь и цѣлуя каждого изъ приглашенныхъ. Бракосочетаніе совершается всегда во вторникъ. Празднованіе свадьбы начинается съ понедѣльника въ домѣ родителей жениха и продолжается цѣлую недѣлю. Съ вечера брачнаго дня идетъ пированіе съ танцами какъ у жениха, такъ и у невѣсты, при чемъ поются различныя пѣсни.

Свадебныя пѣсни литовцевъ болѣею частью грустнаго содержанія, не отъ страха тягости супружеской жизни, а болѣе по причинѣ сожалѣнія о лѣтахъ дѣтства, разлуки съ родной семьей. Дѣвица переходитъ въ другой домъ; это выражается на поэтическомъ языкѣ пѣсень «за море». Сама мать груститъ съ нею: «Пойди мой доченька, моя молодая, говоритъ мать, — пойди во рутовый садочекъ! Что то твоя рута, твоя зеленая, твоя пышная. Наклонилась твоя вѣточка до земли. Сорви моя доченька, моя молодая, цвѣточки въ саду. Вотъ уже цѣлый дворъ нарядныхъ гостей; засядутъ они за бѣлыя столы, а съ ними жениховы сестры. Ты уѣдешь, моя доченька, моя молодая, съ гостями въ чужую сторону, не услышишь какъ загруститъ твой батюшка, какъ вздыхать станетъ твоя родимая матушка; не увидишь, какъ будутъ танцовать твои сестрицы, только услышишь, какъ станетъ куковать кукушка, да синее море будетъ шумѣть у берега!»... «Помостила-бы я мосты, поетъ невѣста,

изъ чистаго серебра, чтобы можно было воротиться къ матушкѣ, къ моей молодости; зазеленѣтъ рута, зацвѣтутъ розы, а молодости моей никогда не увижу. Какъ вы хотите, чтобы я весела была? обращается невѣста къ сестрамъ: я никогда не ворочусь къ матушкѣ; кто мои руки - ноги согрѣтъ, кто меня ласковымъ словомъ приголубитъ. Свекоръ согрѣтъ руки и ноги; милый заговоритъ ласковымъ словомъ»...

Въ день свадьбы, рано поутру, женихъ отправляется къ невѣтѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ товарищей (друзей), одѣтыхъ въ лучшіе кафтаны, опоясанныхъ красивымъ поясомъ, въ фуражкахъ, обвязанныхъ ленточкою, за которою заложена вѣтка изъ руты. При этомъ головы лошадей, находящихся въ упряжи, украшаются павлиньими перьями, дуга цвѣтами, а къ уздечкамъ привѣшивается множество мелкихъ колокольчиковъ.

Невѣста встрѣчаетъ жениха въ сопровожденіи подругъ, которыя одѣты въ суконныя куртки съ разноцвѣтными фартуками; головы ихъ украшены цвѣтами, а шея коралловыми ожерельями. Обыкновенный подвѣнечный нарядъ невѣсты составляетъ шелковая юбка съ оборками и синій суконный кафтанъ съ простыми отворотами. На голову надѣваютъ рутяный вѣнокъ, который привозитъ женихъ. Въ домъ невѣсты завтракаютъ, танцуютъ подъ скрипку и потомъ отправляются въ костель. Жители деревень, лежащихъ на пути свадебнаго поѣзда, запираютъ на околицѣ ворота, не пропуская проезжающихъ, пока невѣста не броситъ имъ свадебныхъ пироговъ. Во время поѣздки въ костель поютъ разныя пѣсни.

По совершеніи обряда, свитѣ дѣлаютъ обѣдъ, послѣ котораго возвращаются въ домъ невѣсты, гдѣ ея родители встрѣчаютъ молодыхъ съ бѣлымъ хлѣбомъ и стаканомъ пива на тарелкѣ. Тутъ гуляютъ до вечера, по наступленіи котораго, во время танцевъ, сваты платкомъ покрываютъ голову молодой, которая начинаетъ плакать; ее ведутъ къ вечернему столу, а дружки поютъ пѣсни о потерѣ вѣнка.

Въ полночь гости отправляются въ домъ молодого, гдѣ гуляютъ до утра.

На утро дружки проводятъ изъ амбара (гдѣ спятъ обыкновенно новобрачные) къ жилому дому соломенную веревку, запрягаютъ шесть лошадей, всю упряжь заворачиваютъ въ солому, кучера объявляютъ также съ головы до ногъ соломой. Устроивъ такой маскарадъ, ѣдутъ за свахами. По пріѣздѣ послѣднихъ, идутъ торжественно къ молодымъ съ музыкою, съ пѣснями, снимаютъ вѣнокъ съ головы невѣсты и надѣваютъ чепчикъ или повойникъ. Бабка приноситъ блюдо съ водою мыться, въ которое сваты бросаютъ по рублю, а прочіе дружки по полтинѣ, чтобы молодые были бѣлѣе серебра. Затѣмъ молодыхъ приводятъ въ жилой домъ, гдѣ опять начинается пиrowанье и танцы, во время которыхъ вѣшаютъ соломенное чучело подъ именемъ свата, какъ виновника свадьбы. Въ этотъ день невѣста сама приготовляетъ кушанье и угощаетъ гостей, почему это пиrowанье и называется «обѣдъ невѣсты». Родители жениха не участвуютъ въ свадьбѣ.

Замѣчательны также нѣкоторые обычаи и повѣрья при кончинѣ и погребеніи литовцевъ. Такъ, при долгихъ страданіяхъ умирающаго, дѣлаютъ отверстіе въ крышѣ дома надъ его головою, чтобы душа скорѣе отлетѣла на небо; умершему поспѣшаютъ закрыть глаза, чтобы онъ не заманивалъ другихъ на тотъ свѣтъ. Жмудины кладутъ въ гробъ молодого человѣка съ кнутомъ за поясомъ, дѣвницу — съ вѣнкомъ на головѣ, а дѣтей — осыпаютъ цвѣтами. Кнутъ, по мнѣнію ихъ, нуженъ для путешествій на томъ свѣтѣ и во время поѣздокъ для посѣщенія мертвецовъ.

Родственники, оплакивая покойника, вычисляютъ его добродѣтели. Полная глубокаго чувства, литовская народная поэзія создала особый разрядъ пѣсенъ похоронныхъ, гдѣ плачутъ о мертвыхъ сродникахъ, родителяхъ, дѣтяхъ. Вотъ, на примѣръ, въ одной пѣснѣ сестры-сироты плачутъ на материнной могилкѣ и ведутъ съ матерью разговоръ

«Ахъ вы мои дѣточки, мои сироточки, говорить имъ изъ могилы матушка: что вы тутъ сидите, вы ѣсть пить хотите!»—«Будемъ ѣсть зеленую траву, а пить будемъ утреннюю росу, отвѣчаютъ дочери,—лишь бы намъ провѣдать нашу матушку».

Оплакиваніе покойника не обходится безъ водки, которою обыкновенно подчуютъ до излишества приходящихъ въ домъ покойника для пѣнія молитвъ, а въ особенности послѣ погребенія.

Еще болѣе остатковъ древняго языческаго быта можно замѣтить въ обрядахъ и вѣрованіяхъ, соединенныхъ съ различными христіанскими праздниками, къ которымъ какъ бы приноровлены древніе языческіе праздники. Такъ, напримѣръ, св. Георгій считается покровителемъ домашняго скота, и поэтому въ день его памяти (23-го апрѣля) литовцы приносятъ въ костель, какъ жертву, различныхъ домашнихъ животныхъ, особенно молодыхъ козловъ. Духовенство, впрочемъ, не старается искоренить этотъ явный остатокъ язычества, а даже его поддерживаетъ. Чтобы и бѣдные могли участвовать въ приношеніяхъ въ день св. Георгія, нѣкоторые настоятели костеловъ заказываютъ восковыя фигуры лошадей, козловъ, овецъ и т. п., которыхъ церковныя сторожа продаютъ у входа въ костель. Каждый, купившій такую фигуру обноситъ ее сначала нѣсколько разъ около костела съ молитвами и потомъ кладетъ на алтарь.

У жудиновъ особенное чествованіе воздается св. Агаѳи, также очевидно замѣнившей въ понятіи народа одну изъ языческихъ богинь. Нѣтъ почти не одного селенія, въ которомъ бы не было ея деревяннаго изображенія. Св. Агаѳа преимущественно спасаетъ отъ огня. Въ день празднованія ея памяти освящается въ костелахъ хлѣбъ, который хозяева тщательно сохраняютъ. Во время пожара кусокъ такого хлѣба обносятъ вокругъ горящаго строенія, послѣ чего пожаръ, по народному повѣрью, долженъ прекратиться. Св. Агаѳа изображается обыкновенно съ хлѣбомъ въ рукѣ.

Въ день Св. Іоанна крестителя (Ивановъ день, 24-го іюня) литовцы, подобно малороссамъ и бѣлоруссамъ, полагаютъ, что вѣдьмы собираются въ одно мѣсто для пляски. Мѣстомъ сбора считается гора Шатрѳа въ $2\frac{3}{4}$ верстахъ отъ мѣстечка Лукники въ Шавельскомъ уѣздѣ. Въ предостереженіе себя отъ вѣдьмъ употребляютъ различныя травы и святую воду. Въ ночь на тотъ же день, для очищенія себя отъ грѣховъ, перепрыгиваютъ чрезъ разложенный костеръ или купаются въ рѣкѣ. Св. Матѳей считается также покровителемъ Литвы и Жмуди, и день его памяти (21-го сентября) сопровождается празднествомъ, для котораго существуютъ особыя пѣсни.

VI. Л А Т Ы Ш И.

Народный характер. Историческая судьба и современный бытъ.

Латыши составляют одну изъ отраслей литовскаго племени и населяютъ въ настоящее время южную часть губерніи Лифляндской, западную часть Витебской и всю площадь губерніи Курляндской. Считается ихъ всего болѣе милліона душъ.

Съ самыхъ древнихъ временъ латыши представляются народомъ независимымъ и никогда не составляли они, подобно литовцамъ, отдѣльнаго независимаго государства или общества, съ своимъ управленіемъ, законами и учрежденіями. Когда, въ началѣ XIII столѣтія, на Балтійское побережье явились нѣмецкіе рыцари крестовосцы, они застали латышей во враждѣ съ сосѣдними финскими племенами—ливами и эстами, и воспользовались этимъ. Латыши приняли сторону новыхъ пришельцевъ и усердно помогали нѣмцамъ въ истребленіи своихъ сосѣдей. Только тогда, когда утомленные постоянной борьбою ливы и эсты погибли подъ гнетомъ чужеземнаго порабощенія, и латыши увидѣли опасность, и пробовали отстоять свою самостоятельность, но уже было поздно. Имъ суждено было поднасть той же участи порабощенія, какую они приготовили своимъ врагамъ. Впрочемъ латыши достигли полнаго торжества надъ ливами; послѣдніе исчезли, и латышская народность заняла ихъ мѣсто, хотя и подъ властью нѣмцевъ. Остатки ливовъ, недобитыхъ старыми и но-

выми врагами своими, были такъ немногочисленны, что съ теченіемъ вѣковъ передѣлались въ латышей, оставя на нихъ слѣды финской подмѣси. Впрочемъ не одни ливы слились съ латышами: куры, литовцы, русскіе и скандинавы, въ видѣ болѣе или менѣе многочисленныхъ группъ вошли съ теченіемъ столѣтій въ составъ латышскаго племени и оставили на немъ замѣтные слѣды. Поэтому латышское населеніе различныхъ мѣстностей Курляндіи и Лифляндіи, гдѣ не успѣли еще сгладиться черты народной жизни, представляетъ замѣтныя особенности то въ обычаяхъ и нравахъ, то въ мѣстномъ нарѣчій, то въ живыхъ еще вѣрованіяхъ и преданіяхъ. Въ самомъ языкѣ латышей можно отыскать слѣды языковъ многихъ народностей, но болѣе всего онъ и по составу словъ, и грамматическому строенію, сходенъ съ языкомъ славянскимъ*), что объясняется впрочемъ тѣмъ, что латыши, какъ отрасль литовскаго племени, составляли въ глубокой древности одно славяно-литовское племя. И до сихъ поръ латыши сознаютъ свое близкое родство съ литовцами и русскими, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ вмѣстѣ, охотно вступаютъ въ бракъ съ ними и отдаютъ своихъ дѣтей за нихъ.

Изъ крестовъ скована Русская земля,

поется въ одной латышской пѣснѣ:

А латышская обитель господами;
Черезъ крестъ восходить солнце,
А чрезъ господъ заходить.
Русскому я даю свою сестрицу,
А самъ беру себѣ литвинку.
Хожу я къ русскимъ, хожу я къ литовцамъ,
Вездѣ мнѣ зятя—родня.

*) Изъ 4,500 первообразныхъ словъ около 1,000 насчитывается имѣющихъ сходство съ славянскими. Напримеръ, *граммата*, громота, книги; *свезте* святой, *блюода*—блюдо; *ваарит*—варить; *гасложа* госпожа; *драук*—другъ, *зем*—земля; *купчиса* купецъ; *свеице*—свѣча и т. д.

За то глубокое, неискоренимое чувство неприязни чувствуют и латыши къ своимъ порабитителямъ. Въ теченіе шестивѣковаго своего подчиненія власти нѣмцевъ латышскому народу пришлось вынести столько утѣсеній и бѣдствій, что не могутъ загладить ихъ долгіе годы болѣе благоприятныхъ отношеній. До начала настоящаго столѣтія латышскіе крестьяне находились въ полной зависимости отъ нѣмецкихъ владѣльцевъ, и не только ихъ имущество, но и самая жизнь находилась въ рукахъ послѣднихъ. Не меньшія тягости приходилось выносить и другой части латышскаго народа, подпавшей власти польскихъ пановъ (въ нынѣшней Витебской губерніи). До самаго освобожденія отъ крѣпостной зависимости латыши были полными рабами своихъ помѣщиковъ, и терпѣли чрезвычайную нужду. Немудрено, что латышскіе крестьяне вспоминаютъ объ этихъ временахъ какъ о періодѣ тяжкаго рабства, какъ это ясно выражается въ латышскихъ пѣняхъ, описывающихъ ихъ быть во время крѣпостнаго состоянія.

О, Боже, куда мнѣ дѣваться!

поется въ одной пѣснѣ:

Лѣса наполнены волками да медвѣдами,
Лѣса наполнены, волками да медвѣдами,
Поля наполнены господами....

*
**

Боже, накажи отца,
Накажи и мать мою,
Которая дала мнѣ вырости
Въ этой невольничьей землѣ.....

Въ настоящее время быть латышскихъ крестьянъ конечно измѣнился къ лучшему, но слѣды прошлаго еще не совсѣмъ исчезли.

Шестивѣковое рабство латышей оказало невыгодное вліяніе не только на ихъ экономическій бытъ, но и развитіе ихъ характера: отъ

природы мягкій, добродушный и чувствительный, ихъ характеръ замѣнился безхарактерностію и отсутствіемъ воли. Они ласковы, гостепріимны и откровенны съ тѣмъ, кому удастся внушить къ себѣ довѣріе; но вмѣстѣ скрытны и, вслѣдствіе долгаго угнетенія, недоувѣрчивы ко всему чужому. Приобрѣсти ихъ довѣріе трудно; но разъ получившій его будетъ пользоваться имъ всегда. Самые строгіе порицатели латышей признаютъ въ нихъ бойкія умственные способности и находчивость, которую ихъ изворотливый умъ примѣняетъ ко всѣмъ обстоятельствамъ. Повидимому имъ недостаетъ только одного—предпримчивости, которою въ столь высокой степени одаренъ русскій народъ, но это—слѣдствіе долгаго стѣсненія свободы и стносится только къ отживающимъ свой вѣкъ поколѣніямъ. Латыши легко и безропотно покоряется всему и даже въ иныхъ обстоятельствахъ показываетъ какую-то непринужденность, веселость, покорность и легкость въ перенесеніи такого положенія; обиду или наказаніе латыши готовы простить при первомъ ласковомъ словѣ. Будучи вообще миролюбивы и добродушны, онъ въ самомъ разгоряченномъ состояніи довольствуется тѣмъ, что осыпаетъ противника бранью, не трогая его кулакомъ и не вставая даже съ мѣста. Въ характерѣ латыша замѣтно упрямство, и разъ онъ считаетъ себя правымъ—ни за что не уступить другому.

Латыши вообще честны. Покражи между ними встрѣчаются рѣдко, въ особенности болѣе цѣнныхъ и значительныхъ вещей, такъ что почти въ поговорку обратилось замѣчаніе, что латыши изъ ларчика съ золотыми и мѣдными монетами возьметъ только послѣднія. Величайшимъ преступленіемъ считается кража чего нибудь принадлежащаго къ крестьянскому хозяйству, и подобныя случаи въ общемъ мнѣніи преслѣдуются строго. Нравственность латышей находится также на довольно высокой степени, особенно въ послѣднее время. Развратъ и пьянство, особенно послѣднее, сильно развитое въ прежнее крѣпостное время, нынѣ совершенно исчезли и замѣнились умѣрен-

нымъ употребленіемъ пива. Религіозность ихъ, особенно принадлежащихъ къ сектѣ герингутеровъ, и исповѣдующихъ католическую вѣру, также высока. Католики любятъ религіозное пѣніе и потому всѣ лѣтнія полевые работы ихъ оканчиваются хорошею духвсною пѣсней предъ первымъ попавшимся на пути близъ околицы крестомъ. Безграмотныхъ между латышами можно встрѣтить чрезвычайно рѣдко; самые бѣдные хотя кое-какъ разбираютъ книги. Религіозность не препятствуетъ впрочемъ сохраненію среди латышей многихъ вѣрованій, остатковъ язычества. И до сихъ поръ латышскій крестьянинъ на каждомъ шагу соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ предохраняетъ свои дома, свое имущество и всѣ свои предпріятія отъ вреднаго вліянія злыхъ духовъ или способствуетъ благопріятному вліянію добрыхъ. Въ особенности у латышекъ много держится обрядовъ и вѣрованій старины. Въ латышскомъ краѣ и теперь еще, почти повсемѣстно, можно слышать веселыя, невинныя пѣсни въ честь Лиги, древне-латышскаго божества радости и земныхъ наслажденій.

Трудолюбіе считается у латышей главнымъ достоинствомъ какъ мужчины, такъ и женщины. Будучи вообще не особенно крѣпки и сильны, они способны однако къ самому упорному и продолжительному труду. Латышъ обыкновенно высокаго роста, строенъ, спину и грудь имѣетъ плоскія, плечи не широкія, шею длинную, глаза сѣрые. Длинные, большею частію свѣтлые, волосы, не закрываютъ ушей. Женщины латышскія обладаютъ здоровымъ сложеніемъ и довольно стройны. Лицо у латышской женщины продолговатое, черты лица довольно крупныя, глаза открытыя, носъ прямой, зубы нѣсколько выдающіеся, подбородокъ широкій, шея длинная, голова нѣсколько сжатая, грудь не высокая.

Латыши, мужчины, въ Лифляндіи и Курляндіи не носятъ ни усовъ, ни бороды. Только латыши католики Витебской губерніи любятъ носить бороду, но и они должны брить ее, когда идутъ въ церковь, такъ какъ ксендзы сильно преслѣдуютъ ношеніе бородъ

которая считается ими за признакъ симпатіи къ русскимъ. Той же причиною должно объяснить и бритье бородъ у латышей-лютеранъ Лифляндіи и Курляндіи, такъ какъ нѣмецкіе бароны требовали его отъ своихъ подчиненныхъ. Нынѣ, впрочемъ, понемногу начинаетъ входить въ обычай и здѣсь отпускать бороду и усы.

Старики пользуются у латышей большимъ уваженіемъ. Дѣло, пользу котораго латышъ не совсѣмъ понимаетъ, едвали удастся понудить его исполнить даже самыми строгими мѣрами. Но сказалъ какойнибудь старикъ, пользующійся общимъ уваженіемъ, что слѣдуетъ сдѣлать то-то и то-то — и тогда безъ всякихъ возраженій будетъ сдѣлано по его словамъ. Нынѣ, впрочемъ, и въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, замѣтна перемѣна, и молодежь обнаруживаетъ болѣе самостоятельности.

Балтійскіе латыши Курляндіи и Лифляндіи живутъ разсѣянно въ отдѣльныхъ усадьбахъ, хуторахъ. По мѣрѣ приближенія съ Лифляндской стороны къ Витебской губерніи замѣчается склонность латышей селиться деревнями. Отдѣльныя, разсѣянныя усадьбы начинаютъ группироваться по двѣ, по три, такъ что на самой границѣ Лифляндіи и почти по всей Витебской губерніи латышская народная жизнь уже сосредоточивается въ деревняхъ.

Латыши, въ особенности глухихъ, удаленныхъ отъ городовъ мѣстностей, отличаются значительною привязанностію къ старинѣ, хотя и уступаютъ въ этомъ русскимъ крестьянамъ. Преданія прежнихъ вѣковъ живутъ не только въ разныхъ, вѣрованіяхъ и различныхъ видахъ повѣрій, но и во всемъ быту латышскаго народа. Дома строятся какъ строили предки, старинныя обычаи хозяйства свято соблюдаются, и только съ большими усиліями прививаются улучшенія и нововведенія, и легче всего въ одеждѣ.

Крестьянскій дворъ состоитъ у латышей изъ слѣдующихъ строеній: жилого дома, конюшни, хлѣва для скотины, бани, риги и клейты (клѣты), или домашняго магазина для склада всего запаснаго иму-

щества. Все это обыкновенно сложено из сосновых бревенъ, крыто соломой, или, что еще чаще, — гонтомъ и расположено кругомъ небольшого двора. Отдѣльно отъ прочихъ строеній, для безопасности отъ огня, располагаются только риги, иногда баня, когда имѣется возможность построить ее возлѣ рѣки. Частоколь, деревянный заборъ или земляной валикъ отдѣляютъ дворъ отъ окружающихъ его полей и соединяютъ въ одну группу всѣ строенія; ворота оставляются только съ одной стороны.

Главное строеніе назначается для жилья и состоитъ большею частью изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ сѣнями, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ, по устройству въ нихъ очага, составляютъ кухню. Въ крышѣ надъ сѣнями оставляется отверстіе для дыма или устраивается деревянная или кирпичная труба. Вправо отъ сѣней находится помѣщеніе, состоящее изъ одной или двухъ комнатъ — для хозяина и его семьи; сложенная изъ кирпичей или изразцовая печь отапливается снаружи, со стороны сѣней; вокругъ избы устроены скамьи, а сверху лежанка; окна большею частью находятся со стороны двора. Работники и хозяйская прислуга имѣютъ помѣщеніе на противоположной сторонѣ отъ сѣней, состоящее почти всегда изъ одной комнаты, раздѣленной иногда перегородкой для устройства особыхъ помѣщеній для мужчинъ и женщинъ. Къ хозяйской половинѣ примыкаютъ обыкновенно двѣ коморки для храненія припасовъ; подъ одною крышею съ домомъ находится иногда клеѣта и сарай. Прочія принадлежности къ хutorу и хозяйственные строенія очень малы и двери въ нихъ къ сторонѣ двора. Каждый родъ домашнихъ животныхъ имѣетъ особый хлѣвъ или отгороженное помѣщеніе. Баня, обыкновенно тѣсная и низкая, составляетъ одну изъ необходимыхъ принадлежностей каждаго хutora. Латыши, такъ же какъ и русскіе, до употребленія бани большіе охотники и считаютъ непрѣмьною обязанностію посѣщать ее еженедѣльно по субботамъ.

Все это относится къ жилищу болѣе или менѣе зажиточнаго «хо-

зяина» собственника или арендатора. Но они составляютъ меньшинство, а болѣе значительная часть населенія далеко не пользуется достаткомъ. Какъ въ Лифляндіи и Курляндіи такъ особенно въ Витебской губерніи есть немало поселянъ, жилище которыхъ составляетъ курная изба съ бревенчатымъ потолкомъ и землянымъ поломъ. Въ такой избѣ большею частью два небольшія окна и на супротивъ печи имѣется небольшое отверстіе для выхода дыма и пропуска въ избу вѣшняго воздуха. Латышская хата не имѣетъ никакихъ религиозныхъ украшеній, и только деревянное, совершенно почернѣвшее отъ дыма распятіе, даетъ знать посѣтителю, что онъ находится въ христіанскомъ жилищѣ. Сѣни, равняющіяся четвертой части всего жилища, отдѣляютъ избу отъ кладовой или клѣти. Внутри изба отличается тѣнотою, крайнею мрачностію, неопратностію и дурнымъ воздухомъ. Все украшеніе ея составляютъ двѣ лавки у стѣнъ, скамьи и кровать. Полкъ и шкафовъ нѣтъ; вмѣсто нихъ служитъ простой плетеный изъ сосновыхъ драниченъ ящикъ, подвѣшиваемый къ столбу или стѣнѣ; въ этотъ ящикъ складывается убогая посуда латышей, двѣ-три глиняныя миски и потребное число деревянныхъ ложекъ.

Въ домашнемъ быту латышъ отличается умѣренностію, бережливостію и предусмотрительностію, и въ теченіе года ведетъ ровную жизнь. Обыкновенную его пищу составляютъ огородныя растенія, капуста, горохъ; въ болѣе или менѣе зажиточныхъ хозяйствахъ въ большомъ количествѣ употребляется пища молочная. Изъ кушаньевъ латышскаго стола особеннымъ предпочтеніемъ пользуется путра, или скабепутерь — супъ, приготовляемый изъ ячменной крупы съ примѣсью кислаго молока. Мясо вообще въ маломъ употребленіи и то только въ праздничные дни осенью. Селедки, покупаемыя въ портовыхъ городахъ, находятся въ общемъ употребленіи; прочіе же виды рыбъ употребительны только въ прибрежныхъ мѣстностяхъ. Сыръ, до котораго латыши большіе охотники, изготовляется въ большомъ количествѣ отчасти для продажи, но болѣе для собственнаго упо-

требления. Курение табаку составляет общую потребность, и рѣдко можно видѣть латыша, который не имѣлъ бы во рту короткаго чубука съ фаянсовой трубкою. Въ окрестностяхъ городовъ, гдѣ вообще латыши зажиточнѣе и болѣе уклоняются отъ быта своихъ предковъ, многіе курятъ ниспихъ сортовъ сигары.

У латышей Витебской губерніи и среди большей части населенія Лифляндской и Курляндской приготовленіе хлѣба отличается характеристическими особенностями, доказывающими бѣдность крестьянъ. Вымолоченную рожь, нисколько не отдѣляя просѣвкой отъ пыли и половы, а въ неурожайные годы даже примѣшивая послѣдней, сушатъ въ печахъ, толкутъ въ деревянныхъ ступахъ, мелютъ на ручныхъ жерновахъ, а за тѣмъ, отдѣлив просѣвкою на довольно рѣдкихъ рѣшетахъ отъ большихъ лишь соломинокъ и неразмельченыхъ зеренъ, употребляютъ для печенія хлѣба. Приготавливаемый такимъ образомъ хлѣбъ отличается неприятнымъ видомъ; онъ вообще бываетъ цвѣта изъ желтаго чернаго, слишкомъ тяжелъ, водянистъ, легко разламывается на части, въ коихъ ясно виднѣется: мякина, части соломы, несовсѣмъ размолотыя зерна. Во время большихъ неурожаевъ, въ муку для печенія хлѣба прибавляютъ еще папоротникъ и мохъ.

Для одежды употребляется грубое сукно *вадмалъ*, выдѣлываемое двухъ сортовъ: одно—болѣе толстое и плотное—для зимняго платья, а другое—болѣе легкое—для лѣтней одежды. Національный цвѣтъ одежды, какъ у женщинъ, такъ и у мужчинъ,—естъ бѣлый и свѣтлосѣрый, но въ послѣднее время сталъ предпочитаться темнубурый. Покрой платья весьма различенъ въ различныхъ мѣстностяхъ, и въ Лифляндіи и Курляндіи все болѣе и болѣе приближается къ городскому или такъ называемому нѣмецкому. Наболѣе костюмъ сохранился въ первобытномъ видѣ въ Витебской губерніи и Винавскомъ и Гольдингенскомъ уѣздахъ губерніи Курляндской. Въ послѣднихъ верхнее платье состоитъ у мужчинъ—изъ бѣлыхъ кафтановъ съ длинною талією и съ

многими складками. Кафтанъ безъ ворстника и края полъ и рукавовъ въ Гольдингенскомъ уѣздѣ обшиваются шнурками. Верхнее платье застегивается не пуговицами, но прикрѣпляется посредствомъ петель, шнурковъ и пояса, причемъ остается открытою верхняя часть груди, подъ которою виднѣется рубашка съ узорчатымъ воротникомъ, съ мѣдными или серебряными застѣжками. Нижнее платье доходитъ только до колѣнъ или икръ, которыя обертываются платкомъ или портянками. Въмѣсто сапогъ нерѣдко употребляются лапти изъ мягкой березовой и липовой коры и пасталы (пасталогъ)—обувь, состоящая изъ куска кожи, обертывающаго ногу и собраннаго складками около ступни. Женщины носятъ лѣтомъ черныя холщевыя платья съ короткою и узкою талією и юбкою, достигающей только до икръ. Платье не имѣетъ рукавовъ, замѣняемыхъ бѣлыми рукавами рубашекъ, и спереди прикрѣпляется шнурками и петлями. Талія опоясывается поясомъ изъ мѣдныхъ колецъ. Икры, какъ у мужчинъ, обертываются голубыми платками, а на ноги надѣваютъ лапти или пасталы, впрочемъ только зимою, а лѣтомъ женщины большею частію ходятъ босыя. Волосы спереди причесываются гладко, а сзади подбираются въ одну косу. На голову надѣвается мѣдное кольцо, у дѣвушекъ замѣняемое вѣнкомъ—вайнгагъ. Основаніемъ ему служить то же кольцо металлическое или изъ болѣе мягкаго матеріала, а украшеніями служатъ бисеръ, камни и т. п. Кромѣ того, изъ вѣночка торчатъ прикрѣпленныя къ нему щетинки, на которыхъ наизаны кусочки разноцвѣтныхъ блесковъ. Сзади отъ него виситъ пара цвѣтныхъ красныхъ лентъ. Иногда эти украшенія замѣняются цвѣтами и разнообразно завитыми лентами. Любовь латышей къ украшеніямъ, къ цвѣтамъ,—замѣчательна. При каждомъ, несовсѣмъ бѣдномъ, хуторѣ замѣтно стараніе дѣвицъ развести кое-какіе цвѣты. Дѣвицы въ вѣнкахъ изъ живыхъ цвѣтовъ, а парни съ шляпами, украшенными, цвѣтами встрѣчаются нерѣдко лѣтомъ. Замужнія, вмѣсто вѣнка и кольца, носятъ также особаго рода шапочки (чепцы).

Бѣлый передникъ съ узорами дополняетъ описанную одежду лѣтомъ.

Зимю женщины надѣваютъ на талію родъ спенсера или камзола изъ шерстяной матеріи, краснаго и зеленаго цвѣта. Для защиты отъ непогоды, поверхъ платья надѣваютъ большой платокъ—зимю изъ шерстяной, а лѣтомъ—изъ льняной матеріи. Платокъ этотъ, называемый *вилайнесь*, большею частью собственнаго издѣлія, въ видѣ покрывала закрываетъ значительную часть стана латышки. Въ различныхъ мѣстностяхъ вилайнесъ бываетъ различнаго цвѣта и съ различными узорами; они встрѣчаются то полосатые по одному направленію, то по двумъ, то бывають одноцвѣтные безъ полосъ. Преимущественно цѣнятся вилайнесъ чисто бѣлаго цвѣта, почитающійся украшеніемъ дѣвиць. По краямъ бѣлыхъ вилайнесъ часто виситъ бахрома. Вилайнесъ застегивается на груди большою брошкою, держащею платокъ на тѣлѣ безъ помощи рукъ. Въ Виндавскомъ уѣздѣ эти платки бывають чернаго или голубаго цвѣта и по краямъ обшиваются погремушками.

Въ окрестностяхъ Либавы одежда латышей походитъ на жмудскую и эстонскую. Мужчины носятъ верхнее платье, шитое болѣе покроемъ сюртука, изъ шерстяной матеріи темно-коричневаго цвѣта; которое застегивается не петлями и пряжками, а посредствомъ металлическихъ пуговиць. Женщины носятъ юбки и темно коричневые камзолы съ рукавами, а голову прикрываютъ платкомъ.

У латышей Витебской губерніи одежда также не прихотлива, груба и проста какъ и жилища, и пища. Мужчины и женщины носятъ рубахи изъ бѣлаго толстаго льнянаго холста, безъ всякихъ украшеній, какія встрѣчаются у великороссовъ и въ особенности у малороссовъ. Покрой ихъ, у мужчинъ и женщинъ, совершенно одинаковъ; женская только нѣсколько длиннѣе мужской, и нижняя часть ея (отъ пояса) дѣлается изъ самого грубаго холста, изъ котораго мужчины лѣтомъ носятъ пантолоны—*ивзесъ*. Къ небольшому числу домашней

рабочей одежды латышей принадлежитъ здѣсь камзолъ—родъ куртки съ отложнымъ воротникомъ и лацканами, какъ у сюртука, съ двумя большими карманами и крючками, вмѣсто пуговиць. Камзолъ носятъ какъ мужчины, такъ и женщины; онъ шьется изъ синей шерстяной матеріи или же изъ сукна домашняго приготовленія. Верхнюю и вмѣстѣ праздничную одежду какъ мужчинъ, такъ и женщинъ въ лѣтнюю пору составляетъ свита, или *свѣйти*, изъ сѣраго сукна, а зимю тулупъ или коужухъ. Мужская суконная шапка съ козырькомъ покрываетъ голову мужчинъ, а головной платокъ, большею частію бумажный или же шерстяной, и рѣдко шелковый, оканчиваетъ нарядъ женщины. Кромѣ того, мужчины имѣють зимнія сѣрыя *ивзесъ*, а женщины праздничныя льно-шерстяной полосатой матеріи юбки и собственнаго издѣлія сѣробѣлые съ разноцвѣтными коймами платки.

Въ окрестностяхъ Митавы, а также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ латышскіе крестьяне зажиточнѣе, они замѣняютъ свою національную одежду платьемъ нѣмецкаго покроя. Верхнее платье состоитъ изъ нѣмецкаго сюртука, обыкновенно синяго, или куртки темно-коричневаго цвѣта, а нижнее платье изъ обыкновенныхъ панталонъ суконныхъ или другой шерстяной матеріи. Подъ сюртукомъ носится пестрый, преимущественно красный жилетъ. Лапти и пасталы надѣваются только на полевыхъ работахъ, въ городъ же или въ праздникъ въ кирку латышъ является обыкновенно въ сапогахъ. Зимю латыши носятъ, вмѣсто бѣлыхъ тулуповъ, длинныя шубы изъ черныхъ барашковъ, обтянутыя темнокоричневою шерстяною матеріею, и опоясываются кожанымъ поясомъ. Женскій полъ имѣетъ еще большую наклонность къ чужеземнымъ нарядамъ и часто можно встрѣтить латышскихъ крестьянокъ, которыя въ своей одеждѣ нисколько не отличаются отъ нѣмокъ-горожанокъ, носятъ обыкновенныя женскія шляпки, бумажныя, шерстяныя или шелковыя платья, имѣють различныя серебряныя и золотыя украшенія, и вообще стараются не

только въ одеждѣ, но и въ манерахъ и во всемъ своемъ бытѣ подражать городскимъ женщинамъ.

Важное мѣсто въ одеждѣ латышей занимаютъ перчатки, безъ которыхъ латышъ не принимается ни за какую работу. Перчатками невѣста даритъ своихъ гостей въ день свадьбы, и задолго до этого времени изготовляетъ ихъ въ большомъ количествѣ; определенное число перчатокъ отпускается каждому изъ работниковъ въ число платы.

Хотя латышъ характера невеселаго вообще, но увеселеніа онъ любить, и каждый пиръ латышскій бываетъ очень шумный. Мужчины поютъ пѣсни рѣдко, только въ хмѣльномъ состояніи, но тихо; между женщинами пѣніе развито чрезвычайно сильно; безъ него онѣ рѣдко производятъ работы какъ въ полѣ, такъ и у себя дома. Эго можетъ быть объясняется тѣмъ, что на латышкахъ не съ такою силою лежало бремя шести-сотъ лѣтняго рабства, какъ на латышахъ, и, благодаря своему веселому нраву, онѣ могли подъ часъ забыть свое горе. Большею частію эти пѣсни состоятъ всего изъ четырехъ стиховъ и относятся къ обыкновеннымъ случаямъ жизни. Весьма не многія заключаютъ воспоминанія о времени языческихъ. Замѣчательно, что ни одна изъ латышскихъ пѣсенъ не воспѣваетъ подвиговъ прежнихъ народныхъ героев.

Въ весеннее время, съ наступленіемъ вечера и окончаніемъ полевыхъ работъ, изъ селъ, мѣстъ и деревень латышскаго края со всѣхъ сторонъ несутся пѣсни. По всей окрестности, украшенной дарами природы, господствуетъ весенняя тишина. Среди этой жизни, полной тишины и прохлады, воздухъ вдругъ поражается мелодическими звуками, которые съ возрастающею силою раздаются съ холма не вдали отъ крестьянской усадьбы. Это пѣсни латышскихъ дѣвушекъ, которыя послѣ тяжелой дневной работы, тѣшатся веселымъ хоровымъ пѣніемъ, жертвуя этой забавѣ часть времени, остающуюся имъ для ночнаго отдыха. •Вечеромъ, дѣвушки, такъ прекрасно, вечеромъ ве-

село намъ ликовать; вечеромъ пѣсня далеко раздается; вечеромъ примемся весело пѣть» ... слышится изъ хоровода.

Но вотъ раздается новая пѣсня. Въ тактъ, но быстро и возвышеннымъ голосомъ, начальница хора или, собственно, вѣщательница — *тэйцел*, провозглашаетъ нараспѣвъ первыя двѣ строки или первую половину четверостишія, а хоръ подхватываетъ протяжно и полногласно послѣдніе стихи. Такимъ образомъ на-перерывъ съ эхомъ раздаются пѣсни изъ веселаго круга дѣвиць, въ серединѣ котораго стоитъ вѣщательница. Вскорѣ въ окрестностяхъ слышатся два-три другіе хора, и каждый изъ нихъ какъ бы соперничаетъ съ другими превосходствомъ пѣнія. Подобно тому, какъ пѣніе птичекъ прерывается отъ усталости, такъ и вечернее пѣніе латышекъ оканчивается вслѣдствіе физическаго утомленія, а не по недостатку пѣсень, ибо, какъ поется въ одной изъ нихъ:

Кто можетъ пропѣть всѣ пѣсни?
Кто можетъ проговорить всѣ рѣчи?
Нельзя же перейти чрезъ быстрый ручей
Не перекинувъ перекладины.

Но не въ одни только весенніе и лѣтніе вечера раздаются пѣсни латышекъ. Вѣшая колыбель своему новорожденному младенцу, мать-латышка поетъ заунывную пѣсню, выражающую глубоко-сердечныя заботы и опасенія о будущности малютки. Пѣснями же сопровождаются и различные случаи жизни, начиная съ крещенія младенца и кончая свадьбою и похоронами.

Свадьба латышская очень похожа на русскую свадьбу. Молодой латышъ, выбравши себѣ невѣсту, отправляетъ къ ней и ея родителямъ своихъ по крайней мѣрѣ двухъ свахъ. Придя въ домъ избранной, свахи обращаются къ ея отцу съ цвѣтистою рѣчью, смыслъ которой заключается въ томъ, что въ домъ скрывается что-то живое, которое пришли искать. Затѣмъ свахъ онъ представляетъ всѣхъ имѣю-

щихся въ домъ дѣвушекъ, за исключеніемъ невѣсты, которая обыкновенно скрывается. Наконецъ появляется и она, и если дастъ свое согласіе, то вскорѣ за этимъ первымъ сватовствомъ слѣдуетъ второе, для котораго, въ сопровожденіи всѣхъ первыхъ и другихъ новыхъ лицъ, отправляется и самъ женихъ, и лично повторяетъ невѣстѣ свое предложеніе. Женихъ обыкновенно ѣдетъ верхомъ и главное его украшеніе составляетъ *куртъ*—шюль, который долженъ имѣть каждый женихъ, хотя бы онъ не носилъ его прежде. Всѣ провожающіе жениха носятъ названіе свахъ и должны имѣть съ собою одну или нѣсколько бутылокъ водки, смотря по состоянію. Ёдутъ они съ колокольчиками и украшенными дугами. Прибывъ на мѣсто, угощаютъ родителей невѣсты и другихъ гостей, приглашенныхъ туда. Родители невѣсты ни за что не станутъ угощать этихъ свахъ первые; но, получивъ угощеніе, они отвѣчаютъ тѣмъ же — и обрученіе совершилось.

До свадьбы, часто за недѣлю, приглашаютъ гостей чрезъ особыхъ посланцовъ, умѣющихъ изложить приглашеніе въ цвѣтистыхъ оборотахъ. По окончаніи вѣчанія приглашенные гости, имѣя во главѣ свадебнаго маршала, отправляются къ родителямъ невѣсты. Родственники и приглашенные жениха называются увозчики, а родственники невѣсты догончики; они составляютъ во все продолженіе пировапія двѣ какъ бы враждующія партіи, изъ коихъ каждая въ пѣсняхъ и шуткахъ старается уязвить противную сторону. Это безъ сомнѣнія остатокъ древняго обычая увоза или похищенія невѣсты. Родственники невѣсты должны первые оставить свадьбу и уѣзжаютъ обыкновенно всѣ вмѣстѣ. При этомъ они строго должны караулить свои экипажи и лошадей, ибо родственники жениха всѣми силами стараются подшутить надъ ними, испортить телѣги и упряжь, пугать лошадей при отъѣздѣ и т. п. Часто случается, что латышь сядетъ съ своей женой въ телѣгу и мститъ, ничего не опасаясь, лошадей; лошадь убѣжитъ, а телѣга останется на мѣстѣ. Подобная шутка развеселяетъ всѣхъ.

Всѣхъ свадебныхъ гостей невѣста должна одарить перчатками или полотенцами, изъ которыхъ послѣднія, въ видѣ шарфа, обвязываются черезъ плечи мужчинъ и служатъ украшеніемъ во время свадебнаго поѣзда. Поэтому то — перчатки и полотенца вмѣстѣ съ полотнами и тканями для хозяйки составляютъ главную часть приданаго (пура) латышской дѣвушки. Одна или двѣ овцы и нѣкоторое количество ежегодно засѣваемого льна доставляютъ ей главнымъ образомъ матеріалъ для изготовленія пуры. Для превращенія этого матеріала въ перчатки, чулки, полотенца и т. п. дѣвушки употребляютъ все свободное отъ хозяйственныхъ работъ время. Иногда безъ всякаго освѣщенія бѣдная дѣвица вяжетъ и вышиваетъ по ночамъ, при лунномъ свѣтѣ, не смотря на то, что въ слѣдующее утро ей придется рано вставать на работу. Нетрудолюбивая дѣвица, дѣвица съ пустымъ пуromъ не можетъ надѣяться выйти за мужа за хорошаго «батюшкина сына».

Смерть латышь встрѣчаетъ съ большимъ спокойствіемъ, и только женщины въ своихъ похоронныхъ пѣсняхъ оплакиваютъ покойниковъ. Память умершихъ латышь справляетъ особымъ днемъ, въ вечеръ котораго не работаетъ и въ тишинѣ проводитъ съ своими друзьями, и если услышитъ при этомъ шумъ, то приписываетъ его умершимъ духамъ, для которыхъ устраиваетъ особое пиршество, при чемъ даже днемъ зажигаетъ свѣчи.

Спокойный и мирный и нѣсколько застѣчивый характеръ латыша отражается и въ народныхъ его пляскахъ. У нихъ все тихо, медленно и безъ малѣйшаго признака страстнаго увлеченія, встрѣчаемаго при этомъ у другихъ народовъ. У танцующаго латыша двигаются только ноги; вся остальная часть тѣла остается почти неподвижна и слегка только покачивается голова, при чемъ глаза постоянно устремлены внизъ. Важнѣйшая изъ народныхъ плясокъ называется *смо* и пляшется двумя парами. Изъ хорошихъ плясокъ любимѣйшая *кикектъ*, для которой мужчины становятся съ одной сто-

ропы, а дѣвушки — съ другой, образуя улицу, въ которую вступаютъ для пляски пары по очереди; пляска сопровождается пѣніемъ пляшущихъ. Народные музыкальные инструменты, сохранившіеся нынѣ въ Виндавскомъ уѣздѣ, состоятъ изъ волынки и особаго рода балайки (когеле) о шести струнахъ, изъ которыхъ звукъ извлекается гусинымъ перомъ. Попадаетъ также большая деревянная труба — *тоуре*.

Національный праздникъ латышей, празднуемый особенно весело и торжественно, — есть Ивановъ день (24-го іюня).

Въ древности у латышей-язычниковъ самымъ важнымъ и торжественнымъ праздникомъ въ году былъ праздникъ Лиго, бога любви и земныхъ радостей, совершавшійся въ теченіе цѣлой лѣтней ночи. Этотъ древній праздникъ у латышей-христіанъ обратился въ праздникъ Иванова дня (т. е. собственно ночь на 24-ое іюня). Празднуется онъ такимъ образомъ.

Вечеромъ, съ солнечнымъ закатомъ наканунѣ Иванова дня, когда кончаются домашнія работы и домъ приберется и украсится къ празднику, дѣвушки и женщины группами выходятъ изъ всѣхъ усадебъ и дворовъ на всю лѣтнюю ночь. Они ходятъ по садамъ и полямъ съ пѣснями, выбирая самыя красивыя и самыя душистыя травы и цвѣты. Собранные въ эту ночь травы, по народному вѣрованію, имѣютъ цѣлебную силу, и особенно полезны домашнимъ животнымъ. Самый обходъ полей имѣетъ цѣлю привлечъ на нихъ благоволеніе добрыхъ силъ. Пѣсня приглашаетъ самого Ивана обойти поля и посмотрѣть что пьютъ, что ѣдятъ, чѣмъ засѣваютъ поля его дѣтки:

Черезъ годъ приходитъ Иванъ
Навѣстить своихъ дѣтушекъ.
Что они ѣдятъ, что пьютъ,
Чѣмъ засѣваютъ поля.

* *
*

Возьми, Иванъ, вороного коня,
Объѣзжай мою ниву,
Вытопчи плевелы и буколю,
Пускай растетъ чистая рожь.

Съ пѣснями о хлѣбѣ и цвѣтахъ, обойдя сады и поля, отдѣльныя группы сходятся вмѣстѣ гдѣнибудь на возвышенности у горячей смоляной бочки или костра, и тутъ раздается музыка и идутъ пляска и игры. Съ большими связками травы и цвѣтовъ женщины и дѣвушки расходятся по домамъ, и здѣсь нерѣдко гадаютъ о своей судьбѣ. Такъ дѣвушка умываетъ лицо и не утираетъ его: кто во снѣ подастъ ей полотенце, тотъ ея суженый. Ходятъ также дѣвушки въ Ивановъ вечеръ смотрѣть въ воду, и юноша, изображеніе котораго увидитъ ктонибудь изъ нихъ, и есть суженый.

Многіе рвутъ цвѣты и втыкаютъ гдѣнибудь въ стѣнѣ, и если цвѣтокъ увянетъ въ теченіе ночи, тотъ въ томъ году умретъ.

По возвращеніи домой домочадцевъ, каждая хозяйка обязана угостить ихъ масломъ, сыромъ и пивомъ. Поэтому, подходя ко двору, они поютъ:

Добрый вечеръ, Иванова матушка,
Ждала ли ты насъ?
Сладкаго пива наварила-ли?
Мягкяго сыра приготвила-ли?

А по окончаніи угощенія, благодарятъ хозяевъ припѣвомъ:

Съ Богомъ приходимъ,
Съ Богомъ уходимъ,
Съ Богомъ пусть пребываетъ
Благословеніе на этой избѣ!
Осѣни, Боже, то мѣсто,
Гдѣ мы шли, гдѣ ѣли;
Уроди, Боже, два колоса
На одномъ стеблѣ.

ФИНСКОЕ ПЛЕМЯ

Финское племя суть наиболѣе многочисленное въ Россіи послѣ русскаго; оно разбросано на огромномъ протяженіи отъ запада на востокъ, отъ Финляндіи до Сибири, и считаетъ въ себѣ болѣе 3.882,000 душъ обоого пола. Кромѣ Финляндіи, оно составляетъ 87% населенія въ губерніи Эстляндской, 46% въ Лифляндской, 32% въ Олонецкой, 26% въ Казанской, 22% въ Симбирской и 15% въ Вятской.

За исключеніемъ Финляндіи, Эстляндской и Лифляндской губерній, гдѣ финны составляютъ сплошное населеніе, въ другихъ мѣстахъ они сливаются болѣе или менѣе съ русскимъ населеніемъ. Финновъ дѣлятъ на двѣ группы: западную и восточную. Къ западной группѣ принадлежатъ слѣдующія отрасли финскаго племени:

1) Собственно финны — живущіе въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ и отчасти въ Петербургской губерніи; ихъ всѣхъ считается нѣсколько болѣе 1.539,000 душъ обоого пола.

2) Эсты, населяющіе губерніи Эстляндскую и Лифляндскую, въ числѣ 700,000 душъ.

3) Карелы — въ числѣ 336,000 душъ — населяютъ губерніи: Олонецкую, Архангельскую, Петербургскую, Новгородскую, Тверскую и отчасти Ярославскую.

4) Лопари — въ числѣ 3,000 душъ, живущіе въ Архангельской губерніи.

5) Ливы — въ числѣ 2,000, живущіе въ Курляндской губерніи. Такимъ образомъ, общее число финновъ западной группы доходитъ до 2.580,000 душъ обоого пола.

Къ восточной группѣ относятся слѣдующія отрасли:

1) Мордва — въ числѣ 700,000 душъ обоого пола — живетъ въ губерніяхъ: Астраханской, Саратовской, Симбирской, Самарской, Оренбургской, Казанской, Нижегородской, Пензенской и Тамбовской.

2) Вотяки — въ числѣ 235,000 душъ живутъ въ губерніяхъ: Вятской, Пермской, Оренбургской и Казанской.

3) Черемисы — 210,000 душъ — живутъ въ губерніяхъ: Казанской, Вятской, Нижегородской, Костромской, Мермской и Оренбургской.

4) Зыряне — въ числѣ 90,000 душъ — живутъ въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ.

5) Пермьяки — 60,000 душъ — въ Пермской и Вятской губерніяхъ.

6) Вогулы — въ числѣ 3,000 душъ — живутъ въ Пермской губерніи; кромѣ того, до 4,000 изъ нихъ живетъ въ Сибири.

Такимъ образомъ, всего финновъ восточной группы насчитывается 1.302,000 душъ.

Переходя къ этнографическимъ очеркамъ разныхъ отраслей финскаго племени, мы начнемъ съ западной группы, и притомъ съ многочислѣннѣйшей отрасли — съ собственно финновъ, населяющихъ великое княжество Финляндское.

І. Ф И Н Н Ы.

Историческій очеркъ финскаго племени.

Финны составляютъ главную массу населенія великаго княжества Финляндскаго и пограничныхъ съ нимъ мѣстъ губерніи С.-Петербургской. Незначительная часть финскаго племени—кареллы живутъ въ губерніяхъ Архангельской, Петербургской и Олонецкой.

Финны съ давнихъ поръ занимаютъ мѣсто настоящаго ихъ поселенія. Еще первый лѣтописецъ русскій, перечисляя различные сосѣдніе славянамъ народы, упоминаетъ, между прочимъ, о финскихъ племенахъ ями или еми и карелахъ. Ями жили въ нынѣшней южной Финляндіи, а карелы вокругъ Ладожскаго озера, откуда они потомъ и были оттѣснены славянами въ глубь Финляндіи. Въ настоящее время финны по главнымъ нарѣчіямъ языка раздѣляются на два поколѣнія: тавастландцевъ—жителей западной Финляндіи и кареловъ—жителей восточной Финляндіи. Русскіе называли ихъ прежде чудью, а иныхъ зовутъ чухонцами; сами же себя финны называютъ суомалайнъ, т. е. житель Суоміи, такъ называется на финскомъ языкѣ Финляндія; названіе же финль—пѣмецкаго происхожденія и означаетъ жителя болотистой мѣстности.

Уже изъ разсказа перваго русскаго лѣтописца видно, что въ его

время (въ IX и X вѣкахъ) финны были народомъ совершенно осѣдлымъ, имѣли города, занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ, охотою, рыбною ловлею и т. д., вели мирную жизнь и никогда не отличались воинственностію. Не смотря на свою относительную многочисленность, финны никогда не славились побѣдами или завоеваніями, а напротивъ сами время отъ времени должны были подчиняться то шведамъ, то славянамъ. Изъ старинныхъ лѣтописей и хроникъ извѣстно, что изъ двухъ финскихъ племенъ, населявшихъ то время Финляндію, карелы всегда находились въ тѣсныхъ и дружественныхъ сношеніяхъ съ сосѣдними новгородскими славянами и вмѣстѣ съ ними сражались съ своими единоплеменниками—емью. Впослѣдствіи, когда шведы, подъ предлогомъ просвѣщенія финновъ христіанскою вѣрою, вступили въ Финляндію съ цѣлію покорить себѣ ее, новгородцы выступили на защиту кареловъ, которые съ ихъ помощію долго отбивались отъ шведовъ, легко покорившихъ себѣ ями. Вообще въ это время не проходило десятка лѣтъ, чтобы не опустошали кареловъ шведы, а ями—новгородцы. Въ новгородскихъ лѣтописяхъ постоянно встрѣчаются извѣстія въ родѣ слѣдующаго: въ такомъ-то году «новгородцы ходили войною въ ями; села пожгли, скотъ побили, людей побрали въ плѣнъ, пришли домой все здоровы». Подобнымъ же образомъ и шведамъ часто удавалось опустошать подвластную новгородцамъ Карелію. Такимъ образомъ, продолжалось дѣло до монгольскаго ига, когда новгородцамъ уже было не до того, чтобы защищать карель отъ шведовъ. Дѣйствительно, съ половины двѣнадцатаго до половины тринадцатаго вѣка шведамъ удалось таки покорить своей власти всю Финляндію. Въ 1156—57 г.г. король шведскій Эрикъ Святой силою огня и меча обратилъ финновъ въ христіанскую вѣру; а для упроченія христіанства и, главное, своей власти, шведское правительство переселило въ Финляндію многихъ шведовъ, которые вообще образовали высшія сословія: духовенство, дворянство, помѣщиковъ, чиновниковъ и купцовъ; собственно же

финны составляют главную массу крестьянства. Финны приняли от шведов католическую вѣру, но съ возникновеніемъ протестанства — послѣднее сдѣлалось господствующимъ, и въ настоящее время финны самые ревностные приверженцы его. Около 50,000 душъ въ Кареліи исповѣдуютъ православную вѣру.

Хотя новгородцы и потеряли свою власть надъ Карелією, но они никогда не перестали считать ее своею собственностью. Послѣ уничтоженія самостоятельности Новгорода, Карелія вмѣстѣ съ Ингерманландією (нынѣ С.-Петербургская губернія) вошла въ составъ Московскаго государства. Отъ этого, послѣ уничтоженія монгольскаго ига, московскіе государи, подобно новгородцамъ прежняго времени, должны были вести постоянныя войны за обладаніе этими землями. Во время этихъ войнъ неоднократно Карелія и Ингрія были опустошаемы шведами, а южная Финляндія — русскими, и финскіе города переходили изъ рукъ въ руки, пока наконецъ, ослабленное во времена самозванцевъ, Русское царство должно было уступить всю Финляндію и Ингрію шведамъ по договору, заключенному въ 1617 году. Петръ Первый успѣлъ захватить часть Кареліи и часть Финляндіи, а затѣмъ по Абоскому миру (въ 1743 г.) и наконецъ по договору 1809 г. (въ Фридрихсгамѣ) Финляндія, подъ именемъ великаго княжества Финляндскаго, отошла отъ шведовъ и вошла въ составъ Россійской имперіи.

Выйдя изъ подъ власти шведовъ, Финляндія не освободилась до сихъ поръ окончательно отъ ихъ вліянія. Принявъ отъ шведовъ умственное образованіе, систему земледѣлія, общественное и государственное устройство, финляндцы до сихъ поръ неизмѣнно сохраняютъ ихъ. Этому много способствуетъ то обстоятельство, что, какъ мы выше сказали, господствующіе классы въ Финляндіи шведскаго происхожденія, шведскій языкъ считается языкомъ официальнымъ и только въ настоящее царствованіе допущено употребленіе въ судахъ языка финскаго и т. п. Въ послѣднее время (съ половины текущаго

столѣтія) обнаруживается среди финновъ стремленіе поднять свою національность и освободиться изъ подъ вліянія шведовъ, проявляющееся въ возникновеніи финской литературы. Но и до сихъ поръ національныя стремленія финновъ не получили должнаго удовлетворенія, и идетъ глухая, хотя и мирная борьба между языками шведскимъ и финскимъ.

Природа страны, характеръ населенія, пища, одежда и жилище.

Природа, исторія и религія, какъ и вездѣ, имѣли огромное вліяніе на образованіе характера финновъ, на складъ ихъ жизни.

Что касается природы Финляндіи, то она не обладаетъ благоприятными условіями для жизни и успѣшной дѣятельности человѣка. Правда, трудолюбивое финское племя въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ занимающее это мѣсто, успѣло одержать много побѣдъ надъ суровою природою и добиться возможности сравнительно сносно существовать среди нея; но побѣды эти дались ему не легко и многое еще остается сдѣлать въ будущемъ.

Огромныя пространства, занятыя болотами, озерами, лѣсами, и ничтожное количество земель, способныхъ къ обработкѣ, — вотъ характеристическія черты природы Финляндіи. По сдѣланнымъ въ послѣднее время вычисленіямъ оказывается, что въ Финляндіи лѣса занимаютъ *половину* всей поверхности, лѣса и болота вмѣстѣ — *три четверти* ея, — а лѣса, болота и озера почти *девять десятыхъ* общей поверхности; обработанныя же земли едва составляютъ *одну двадцатую* часть.

Большая часть Финляндіи имѣетъ характеръ горной страны, хотя высокихъ вершинъ здѣсь очень мало. Большія пространства земли вовсе не имѣютъ землянаго покрова и представляютъ сплошную ка-

менную массу, на которой дико разбросаны обломки гранита, и других породъ. Небольшія горныя группы изъ красноватаго и сѣраго гранита безъ всякой связи между собою разбросаны по всей странѣ и среди нихъ лежатъ безчисленныя озера.

Совершенно открытыя болота покрываютъ четвертую часть всей Финляндіи. Финляндскія болота простираются иногда десятки верстъ въ длину и въ ширину. Они имѣютъ совершенно ровную поверхность, поросшую мхомъ и желтоватыми травами, имѣя видъ зеленоватыхъ озеръ, изъ которыхъ кое-гдѣ выдаются островки темнаго песчанаго бора. Весною, послѣ таянія снѣговъ, всѣ болота обрастаютъ въ озера. Только въ началѣ іюня они принимаютъ видъ настоящихъ болотъ, проходимыхъ лишь мѣстами вдоль узкихъ песчаныхъ косъ или островковъ. Существованіе болотъ составляетъ одну изъ причинъ, замедляющихъ развитіе земледѣлія. Разсчитано, что болота Финляндіи при испареніи поглощаютъ столь огромное количество теплоты изъ окружающаго воздуха, что въ продолженіе одной ночи въ состояніи охладить до 0° температуру дня $+12^{\circ}$ тепла. Отсюда ранніе морозы, губительно дѣйствующіе на посѣвы. Вообще Финляндія обладаетъ довольно суровымъ климатомъ, потому что принадлежитъ къ сѣверному арктическому и сѣверному холодному поясамъ. Холодная и продолжительная зима, жаркое и короткое лѣто и быстрые переходы отъ тепла къ холоду—суть главныя характеристическія черты финляндскаго климата. Но, впрочемъ, наблюденія показываютъ, что эти крайности какъ будто начали сглаживаться, такъ что различіе между большими холодами и жарами становится незначительнѣе и климатъ постоянно дѣлается ровнѣе и умѣреннѣе. Это можно объяснить тѣмъ, что годъ отъ года увеличиваются обработанныя пространства земли, высушиваются многія болота и уменьшаются лѣса. Замѣчательна также разница между климатомъ прибрежнымъ и внутренней части края. Согрѣтое лѣтнимъ солнцемъ, море не такъ скоро охлаждается какъ материкъ, и поэтому зима на-

ступаетъ раньше во внутренности края, чѣмъ на побережьяхъ. Напротивъ того, весною холодныя морскіе вѣтры охлаждають береговую часть страны и замедляютъ тамъ развитіе растительной жизни, въ то время какъ оно уже началось во внутренности края.

Болѣе счастливыми климатическими условіями обладаетъ юго-западный уголъ Финляндіи, гдѣ, благодаря вліянію моря, климатъ умѣренъ, и хотя лѣтніе ночные заморозки изрѣдка вредятъ урожаю, земледѣліе здѣсь совершенно обезпечено. Менѣе благоприятными условіями обладаетъ средняя Финляндія, обильно покрытая озерами и болотами, гдѣ земледѣліе, хотя и составляетъ главный промыселъ жителей, подвергается многимъ случайностямъ, особенно морозамъ, и не можетъ служить обезпеченіемъ народонаселенія. Наконецъ сѣверная и сѣверовосточная часть Финляндіи—страна великихъ холодовъ и продолжительныхъ дней и ночей, съ растительностію весьма скудною.

Но, представляя не мало препятствій успѣшному развитію земледѣлія, природа Финляндіи даетъ возможность съ пользою заниматься скотоводствомъ, на развитіе котораго въ послѣднее время обращается особое вниманіе финляндскаго населенія, равно и другими промыслами. Такъ многочисленныя лѣса даютъ возможность къ различнымъ промысламъ по обработкѣ дерева: смолокуренію, изготовленію угля, разныхъ подѣлокъ и т. п. Омывающее берега Финляндіи море и многочисленныя внутреннія озера даютъ возможность заняться рыболовствомъ, которое во многихъ мѣстахъ доставляетъ значительныя выгоды. Наконецъ судостроеніе и судоходство даютъ пропитаніе десяткамъ тысячъ народа. Вообще финляндцы отличные моряки, и финляндскія суда можно встрѣтить почти во всѣхъ моряхъ міра. Фабричная дѣятельность развита въ Финляндіи слабо; только рудокопство и каменная ломка доставляютъ жителямъ немаловажныя выгоды.

Само собою разумѣется, что различіе природныхъ условій, зависящихъ отъ нихъ занятій и промысловъ ведетъ къ различію въ бытѣ

населенія: бытъ приморскаго жителя или жителя судоходной рѣки во многомъ отличается отъ быта обитателей глухихъ мѣстностей внутренней Финляндіи; различіе быта отражается и на особенностяхъ характера. Но, не смотря на различія въ частностяхъ, природа и исторія создали нѣкоторыя общія черты въ характерѣ финновъ. Такъ всѣ изслѣдователи приписываютъ финнамъ трудолюбіе, твердость и настойчивость въ достиженіи цѣли. Не трудно объяснить эти черты вліяніемъ окружающей финновъ природы и историческихъ условій, среди которыхъ они поставлены были долгое время. Въ самомъ дѣлѣ, занявши страну, покрытую лѣсами, болотами, голыми каменными массами, кое-гдѣ только присыпанными землею, съ холоднымъ и суровымъ климатомъ, финнъ долженъ былъ употребить невѣроятныя усилія, терпѣніе и тяжкіе труды, чтобы сдѣлать свою страну способною къ осѣдлой, земледѣльческой жизни. Соответственно природѣ, кака-то угрюмая важность и задумчивость выражается въ его лицѣ, походкѣ, словахъ. Онъ говоритъ медленно и обдуманно и съ такою же медленностію исполняетъ свою работу; но за то работа его добросовѣтна, прочна и надежна. Съ другой стороны, многочисленныя и опустошительныя войны, иногда въ конецъ разорявшія его отечество, лѣтніе морозы, въ одну ночь уничтожающіе всѣ надежды на хорошую жатву, приучили его спокойно выносить несчастье и покоряться судьбѣ. Получивъ въ наслѣдство отъ шведовъ довольно развитое общественное и государственное устройство, основанное на равенствѣ всѣхъ сословій (крестьяне въ Финляндіи имѣютъ своихъ представителей въ сеймѣ), финскій крестьянинъ не работаетъ предъ болѣе его образованнымъ господиномъ, но въ то же время безпрекословно повинуется законнымъ требованіямъ правительства. Тѣмъ не менѣе, историческими условіями объясняется и раздѣленіе финскихъ поселянъ на два многочисленные класса — крестьянъ-собственникововъ земли и крестьянъ-арендаторовъ чужой земли и вообще безземельныхъ батраковъ. Это раздѣленіе, переходящее изъ рода въ

родъ, положило также рѣзкое различіе въ характерѣ и бытѣ того и другаго класса. На сколько зажиточность и матеріальное довольство крестьянъ-землевладѣльцевъ способствовало образованію изъ нихъ самостоятельныхъ энергичныхъ и предприимчивыхъ людей, какихъ рѣдко можно встрѣтить между поселянами другихъ странъ, на столько же часто встрѣчающаяся бѣдность между безземельными, особенно во внутренней Финляндіи, создала изъ нихъ вилыхъ какъ бы равнодушныхъ къ своей судьбѣ, людей.

Наконецъ историческими-же условіями должно объяснить и замѣтное различіе въ отношеніи наружныхъ свойствъ между карелами — жителями береговъ Ладожскаго озера, и собственно финнами (въ древности ямъ и емь), населяющими остальную часть Финляндіи. Первые, съиздавна находясь въ сношеніяхъ съ русскими, носятъ на себѣ слѣды русскаго вліянія, вторые — шведскаго. Такъ, многіе изъ кареловъ исповѣдуютъ православную вѣру, одѣваются по русски, высокаго роста и имѣютъ черты лица, сильно напоминающія великорусса; въ самомъ языкѣ кареловъ можно узнать множество испорченныхъ русскихъ словъ. Собственно финны, напротивъ, говорятъ на своемъ языкѣ, всѣ исповѣдуютъ протестантскую вѣру, средняго роста, сухощавы, но крѣпко сложены, цвѣтъ лица имѣютъ смугложелтоватой, глаза довольно узкіе, волосы бѣлые, желтые или русые; бороду и усы носятъ не многіе, а болѣею частію брѣютъ.

Одежда финновъ также заимствована отъ шведовъ и напоминаетъ костюмъ нѣмецкихъ крестьянъ, и состоитъ изъ сюртука (у болѣе зажиточныхъ), куртки въ родѣ пиджака, жилета съ мѣдными пуговицами и штановъ при башмакахъ съ пряжками и чулками. Сюртукъ и штаны обыкновенно темносиняго цвѣта, куртка и кафтанъ сѣраго, а жилетъ преимущественно краснаго цвѣта; на головѣ фуражка или круглая шляпа съ большими полями. Женщины носятъ такъ называемое нѣмецкое платье, а также и свой національный костюмъ, въ коемъ наиболѣе характернымъ представляется головной уборъ,

сдѣланный въ видѣ роговъ, и множество металлическихъ украшеній на головѣ, шеѣ, груди, поясѣ. Юбка синяя, полосатая или красная. Вообще красный цвѣтъ, самый любимый въ Финляндіи, употребляется вездѣ, гдѣ можно. Одежда какъ зимою, такъ и лѣтомъ одинакова не только по покрою, но часто служитъ въ теченіи цѣлаго года одна и также: тѣ же куртки и кафтаны зимою, и рѣдкіе, больше старики, употребляютъ шубы. Самый трескучій морозъ какъ-бы не имѣетъ для финна значенія.

Поселяне землевладѣльцы, особенно въ окрестностяхъ городовъ и по большимъ дорогамъ, рѣкамъ и каналамъ живутъ такъ опрятно, такъ хорошо, что нельзя не восхищаться ихъ бытомъ. Большихъ сель въ Финляндіи нѣтъ, такъ какъ финны живутъ уединенно, отдѣльными семьями. Дома ихъ деревянные, на каменномъ фундаментѣ, изъ тесанныхъ бревенъ или даже каменные, по большей части окрашены красною краскою, съ большими свѣтлыми окнами, крыты драницами, тесомъ или гонтомъ. Внутри этихъ домовъ, кромѣ черной рабочей комнаты, служащей вмѣстѣ и кухней, находится обыкновенно одна большая комната, а во многихъ и по одной и по двѣ малыхъ комнаты, служащихъ спальнею для хозяевъ и дѣтей ихъ, для рабочихъ и для храненія одежды и т. д. Всѣ эти комнаты выбѣлены и убраны мебелью домашней, хотя и незамысловатой, но прочной работы. Полы усыпаны обыкновенно можжевельникомъ. Въ кухнѣ съ чрезвычайно аккуратною разставлены по полкамъ блюда, тарелки и прочія принадлежности; вездѣ господствуетъ порядокъ и чистота. Въ главной (передней) комнатѣ каждаго поселянина стоитъ шкафъ; въ немъ, на полкахъ подъ стекломъ, хранится чайный и кофейный приборы и серебряныя ложки. У нѣкоторыхъ поселянъ есть богатые серебряныя кубки, изъ которыхъ въ торжественные дни пьютъ вино, водящееся у каждаго изъ нихъ, и не только простое, но и виноградное. Въ спальнѣ стоитъ широкая раздвижная кровать съ чистымъ бѣльемъ и пологомъ. Занавѣски на окнахъ составляютъ также необходимую

принадлежность финскаго жилища; ихъ можно встрѣтить повсюду— и въ селахъ, и въ городахъ, и у богатыхъ, и у бѣдныхъ; у другаго нѣтъ порядочнаго стула, но есть занавѣски. Это можно назвать народною страстью, первую потребностію. Кромѣ того, у каждаго порядочнаго поселянина, равно какъ и у всѣхъ городскихъ жителей, непремѣнную домашнюю утварь составляетъ нѣсколько пенковыхъ трубокъ въ серебряной оправѣ, красиво разставленныхъ въ углу комнаты. Въ Финляндіи всѣ курятъ, и эта страсть въ особенности развита въ молодомъ поколѣніи. Даже десятилѣтнія дѣти курятъ изъ своихъ коротенькихъ трубочекъ. Куреніе финновъ непріятно, потому-что они безпрестанно поплевываютъ во время куренія. Коренные Финляндцы строго соблюдаютъ чинопочитаніе по трубкамъ; въ этомъ отношеніи часто гостей подраздѣляютъ на три класса: гостямъ перваго класса, самымъ почетнымъ, хозяинъ самъ набиваетъ трубку и подаетъ огонь; втораго класса — онъ указываетъ на трубку и подаетъ огонь; третьяго класса — онъ просто указываетъ на трубку, говоря: «а вотъ огонь». Распространено также жеваніе табаку.

Къ числу домашнихъ принадлежностей финскаго жилища должно причислить также качающееся кресло съ высокимъ задомъ, ножки котораго вставлены въ два изогнутые въ видѣ дуги бруска, такъ что, сидя на немъ, при малѣйшемъ усилии, происходитъ безконечное качаніе. Поселянинъ усаживается на эту качалку въ воскресный день и проводитъ время за чтеніемъ какой нибудь религіозной книги или газеты.

Большую часть рабочей половины финскаго жилища занимаетъ огромная печь съ очагомъ, надъ которымъ виситъ большой мѣдный котель. Въ этомъ котлѣ готовятъ кушанья. Возлѣ него стоитъ шкафъ съ посудой. Кругомъ стѣнъ разставлены бѣлыя, деревянные лавки, служація также кроватями для работниковъ и домашней прислуги; передъ лавками чисто вымытые столы, на одномъ изъ которыхъ всегда можно найти евангеліе.

Кромѣ жилого дома, необходимую принадлежность финскаго двора составляетъ: рига, житница и баня, до которой финны такіе же охотники, какъ и русскіе. Баня эта обыкновенно имѣетъ видъ небольшого, отдѣльно стоящаго домика съ каменною печкой безъ трубы, съ небольшимъ отверстіемъ въ стѣнѣ, вмѣсто окошка, и съ низенькою дверью. Вмѣстѣ съ банею нерѣдко можно встрѣтить въ крестьянскихъ дворахъ и небольшую кузницу, которая служитъ остаткомъ обычая финскихъ крестьянъ своими руками готовить всѣ предметы домашняго обихода. Вообще финскіе дворы отличаются домовитостію и прочностію постройки. Финны имѣютъ большую склонность къ постройкамъ и стараются въ нихъ перещегоолять другъ друга. Всѣ лишнія деньги, часто въ ущербъ достоинству пищи, финны охотнѣе всего употребляютъ на постройки.

Пища финновъ, даже и зажиточныхъ, отчасти вслѣдствіе бѣдности собственныхъ произведеній страны, отчасти по унаслѣдованной съ давнихъ поръ привычкѣ, самая неприхотливая. Мягкій ржаной хлѣбъ у финновъ — роскошь. Обыкновенно-же они пекутъ хлѣбъ два раза въ годъ, въ видѣ сухихъ круглыхъ лепешекъ. Въ срединѣ каждой лепешки дѣлается отверстіе, посредствомъ котораго лепешки нанизываются на шести. Шести эти протягиваются подъ потолкомъ кухни и, по мѣрѣ надобности, съ нихъ снимаютъ лепешки. Кромѣ хлѣба, любимую пищу финновъ составляютъ: масло, картофель, рыба (большею частью соленая) и овощи, изъ которыхъ болѣе другихъ распространены рѣпа и картофель. Молоко, особенно кислое, также составляетъ у финновъ предметъ первой потребности. Его ѣдятъ и пьютъ во всѣхъ возможныхъ видахъ. Въ особой молочной кладовой стоитъ особый чанъ, куда вливаютъ всѣ остатки молока и тамъ оно, перекинувшее, служитъ запасомъ на всю зиму. Пахтанье изъ масла, вкусный и хорошій напитокъ, пока оно свѣжо, можно также получать вездѣ въ Финляндіи. Часто употребляется оно смѣшанное съ водою. Вода и прѣсное молоко составляютъ общій напитокъ въ

Финляндіи, и у зажиточныхъ ставятся въ графинахъ. Но безпрестанное употребленіе молока развиваетъ между финнами разныя желудочныя болѣзни. На молокѣ-же, смѣшанномъ съ водою готовится національное кушанье финновъ — супъ изъ ржаныхъ крупъ и рѣпы. Любимое питье, — кофе у женщинъ и водка у мужчинъ. Хотя финны большіе охотники до водки и употребляютъ ее часто (разумѣется, если имѣютъ средство), но пьянство между ними не замѣтно. Финляндцы еще не такъ любятъ кофе, какъ финляндки, которыя безъ него рѣшительно не могутъ жить. Кофе ихъ вторая натура. Многіе по бѣдности, за неимѣніемъ чего другаго, питаются кофе и онъ ихъ насыщаетъ. Финляндки запиваютъ кофеемъ и радость, и горе; у иной хозяйки въ коморѣ бѣдность, недостатокъ, а ужъ кофейникъ есть навѣрное.

Вообще о финнахъ надобно сказать, что, кажется, нѣтъ народа болѣе неприхотливаго на пищу: простой финнъ довольствуется твердою какъ камень хлѣбною лепешкою, кислымъ молокомъ, картофелемъ и нѣсколькими салакушками (маленькими рыбками); онъ этимъ сытъ и доволенъ и не желаетъ ничего лучшаго. Финны не имѣютъ понятія о щажъ, о супѣ; даже и городскіе жители не всѣ употребляютъ горячее мясное, и это не отъ бѣдности, а просто по укоренившейся привычкѣ. Но, разумѣется, такая привычка къ умеренности развилась не отъ чего другаго, какъ отъ бѣдности, вслѣдствіе скудости даровъ природы и общественныхъ условій. Ибо, какъ мы выше сказали, если часть финновъ, собственно крестьянъ-землевладѣльцевъ, и пользуется достаткомъ, рѣдкимъ въ другихъ странахъ, то другая, и гораздо большая часть, особенно въ глухихъ мѣстностяхъ внутренней Финляндіи, вдали отъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ и путей сообщенія, до сихъ поръ находится въ бѣдности. Особенно это должно сказать о безземельныхъ, живущихъ наемнымъ трудомъ и *торпаряхъ* — т. е. арендаторахъ небольшихъ участковъ; по мѣрѣ улучшенія состоянія торпарей, увеличиваются и

требования собственниковъ земли, и, разумѣется, при такихъ обстоятельствахъ, имъ трудно достигнуть достатка.

Между тѣмъ какъ по береговой дорогѣ, особенно по южной, деревня за деревней и домъ за домомъ свидѣтельствуютъ о достаткѣ населенія края, во внутреннихъ областяхъ Финляндіи можно проѣхать цѣлыя мили, не увидѣвъ слѣда хижины; а если, наконецъ, и встрѣтится жилие, то оно виситъ на скатѣ горы или ютится въ роуцѣ гдѣ-нибудь по берегу озера.

Простъ и безыскусственъ бытъ здѣшняго поселянина. Изба его немного просторнѣе бани, но по виду и обстановкѣ совершенно подобна ей. Внутренность избы представляетъ посѣтителю странную картину: стѣны и полъ, сколоченные изъ неотесанныхъ бревенъ и досокъ сосновыхъ, черны какъ уголь, первая—отъ дыму, а послѣдній—отъ всякой, никогда не смывающейся, грязи. Окно нѣтъ, кромѣ волоковыхъ, въ которыхъ доску по произволу можно отодвигать и задвигать. «Чтобы лучше понять всю особенность такого жилища, говоритъ знаменитый финскій поэтъ Руненбергъ въ своемъ описаніи внутренней Финляндіи, надобно видѣть ее въ зимній вечеръ. Печь, святилище жилища, стоитъ тогда въ полномъ блескѣ. Крупныя сосновыя дрова пылаютъ широкимъ пламенемъ и вся комната наполнена ослѣпительнымъ сіяніемъ, которое еще увеличивается отъ горящихъ лучинъ, то вотнутыхъ въ стѣну, то поддерживаемыхъ свѣтцами. Въ этомъ свѣтѣ движется или чаще покоится множество людей. Женщины сидятъ за прялкою или горшкомъ, а то занимаются другою работою; мужчины дѣлаютъ корзины, сани, лыжи и т. п., нищѣ и нахлѣбники *) лежатъ предъ огнемъ для постоянной статьи домашней работы—щипанія лучины—которая исполняется какимъ-нибудь старичкомъ, спокойно дѣлящимъ тоненькіе дранки еще

*) О нихъ будетъ сказано ниже.

на болѣе тончайшія. Въ это время толпа ребятшекъ обыкновенно валяется на печи. Надъ длиннымъ корытомъ, возлѣ двери, лошадь лакомится сѣчкою, наслаждаясь тепломъ и обществомъ, между тѣмъ какъ пѣтухъ, если онъ еще не занялъ ночлега въ кругу своего семейства, навѣщаетъ своихъ подругъ по всѣмъ угламъ комнаты. Вотъ что представляетъ въ зимній вечеръ съ небольшими измѣненіями всякая финская изба».

Невозможно описать той бѣдности, которая господствуетъ между жителями нѣкоторыхъ мѣстностей внутренней Финляндіи. Скудная, часто противная природѣ, пища дѣйствуетъ губительно на ихъ тѣлесныя силы, а отъ незнакомства съ иными наслажденіями, кромѣ сна и покоя, происходитъ, что они исключительно придерживаются этихъ двухъ удовольствій и не стараются доставить себѣ другія. Рѣдко мысли ихъ простираются далѣе заботы о нѣсколькихъ дняхъ. Промышленность вообще слабо здѣсь развита, да и удаленность отъ городовъ затрудняетъ сбытъ произведеній. Земледѣлію препятствуетъ жестокой врагъ — морозныя ночи. Многія хозяйства такъ терпятъ отъ нихъ ежегодно, что часто жители не могутъ даже засѣвать полей своихъ. Проголодавъ цѣлый годъ, крестьянинъ спѣшитъ убрать свой хлѣбъ прежде, нежели зерно разовѣется и созрѣетъ. Домашній скотъ, который лѣтомъ пасется по берегамъ лѣсныхъ ручьевъ и въ долинахъ горъ, кормится въ проголодь за недостаткомъ соломы и часто въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Небольшое количество жидкаго молока, получаемого въ это время, употребляется на смачиваніе жесткаго хлѣба изъ древесной коры, которая большею частью составляетъ единственную пищу крестьянъ. «Онъ ѣстъ круглый годъ жесткій хлѣбъ» и «онъ неизмовѣрно богатъ» — значать здѣсь одно и то же. «Однажды, говоритъ Руненбергъ, случилось зайти мнѣ на лугъ, съ котораго убирали сѣно. По стѣнамъ гумна развѣшаны были котомки рабочаго люда, и я полюбопытствовалъ заглянуть во многія изъ нихъ. Во всѣхъ нашель я

лепешки, слѣпленные изъ еловой коры: онѣ были чернехоньки внутри, а снаружи подернуты бѣлымъ слоемъ муки. Въ нѣкоторыхъ сумкахъ было сверхъ того немного соленій, жесткой корюшки, въ другихъ нѣсколько зеренъ соли».

Въ составѣ обитателей финской избы названы были выше нищія и нахлѣбники. «Нахлѣбникъ, по словамъ того-же поэта Руненберга, вторая ласточка финскаго поселанина. Подобно ей, они подѣ крестьянскою кровлею требуютъ мѣста для себя и для своихъ. Подобно ей, никогда не получаютъ въ томъ отказа и какъ она, живутъ тѣмъ, что Богъ послалъ. Плата за его постой обыкновенно состоитъ въ томъ, что онъ бросаетъ въ избу дрова въ волоковое окно. Остальной трудъ въ вознагражденіе хозяевъ зависитъ отъ его доброй воли. Такой человекъ, если онъ не знаетъ никакого ремесла, иногда промышляетъ рыбною ловлею, охотою и сверхъ того пользуется безъ позволенія, но и безъ запрета, тою выгодою, что пускаетъ по ихъ землѣ палу (сожигаетъ лѣсъ и кустарникъ) для посѣва рѣпы и обращаетъ произрастенія въ свою собственность. Если ему удастся записаться коровою, то она живетъ вмѣстѣ съ хозяйскими. Такъ какъ нужды нахлѣбника невелики, а по безграничной добротѣ хозяина обязанности еще менѣе значительны, то ясно, что онъ болѣе всякаго другаго слѣдуетъ врожденной склонности финновъ къ безопасности и лѣни. Потому-то и видишь его всегда отдыхающимъ: зимою — передъ печкою на лавкѣ, лѣтомъ — на голой землѣ, на солнцѣ».

Другую непремѣнную принадлежность избы составляютъ нищія. Правда, они остаются не навсегда: но приходятъ и удаляются; но рѣдко выдается день, въ который-бы крестьянинъ, живущій у дороги, не пріютилъ одного или нѣсколькихъ такихъ посѣтителей. «Нищаго у финновъ вовсе не презираютъ, не ставятъ въ ничто. Ему, по ихъ мнѣнію, сопутствуетъ Богъ; нищій часто странствуетъ съ женою и дѣтьми, съ одного двора на другой, и вездѣ встрѣчаютъ его

какъ гостя, а не какъ бѣдняка, живущаго милостынею; въ печкѣ есть жаръ для него, какъ и для другихъ; онъ ничего не требуетъ; всякій и безъ того знаетъ нужды его и удовлетворяетъ ихъ по возможности. Никому и на мысль не придетъ кормить его какими-нибудь остатками; онъ вмѣстѣ съ домашними ѣстъ лучшее кушанье, какое только имѣется у нихъ, т. е. единственное; онъ рассказываетъ, если у него найдется что-нибудь для разсказа; шутитъ, если вздумается шутить; дѣти его, ежели они при немъ, играютъ вмѣстѣ съ хозяйскими дѣтьми. Вечеромъ ложится онъ тамъ, гдѣ сыщеть спокойный уголокъ, на печи или на лавкѣ; онъ незавидуетъ тому, кто занялъ лучшее мѣсто; тотъ на него не сердится, когда ему удастся завладѣть такимъ мѣстечкомъ. Захочетъ онъ уйти, — уходитъ и будь онъ самъ или кто-нибудь другой изъ его семьи слишкомъ слабъ и хворъ, въ такомъ случаѣ крестьянинъ, какъ искони водится, запрягаетъ лошадь и охотно, во всей простотѣ своего сердца, везетъ нищаго или его сродниковъ до ближайшаго двора. Такъ живетъ нищій между финнами. Онъ ѣстъ кору, потому-что и крестьянинъ, его принимающій, ею питается; живи крестьянинъ на бѣломъ хлѣбѣ — и у нищаго была-бы та-же пища».

По обращенію финновъ съ нищими уже можно судить вообще объ ихъ гостепримствѣ. Дѣйствительно, едва-ли есть народъ, который-бы съ подобными средствами такъ радушно дѣлился своимъ добромъ и былъ такъ готовъ исполнить всякое требованіе. Чужому всегда даютъ лучшее, что только удастся достать, и величайшаго труда стоитъ убѣдить кого-нибудь, чтобы онъ принялъ малѣйшую плату за угощеніе. Такимъ гостепримствомъ отличаются всѣ классы населенія и изъ высшихъ особенно — пасторы. Всякій путешественникъ смѣло можетъ заѣзжать въ попилду (такъ называется усадьба пастора) и найдетъ тамъ привѣтъ и обильное угощеніе.

Вмѣстѣ съ гостепримствомъ отличительною чертою финновъ служитъ честность. Не смотря на бѣдность массы, кражи случаются

между финнами очень рѣдко и считаются столь тяжкимъ проступкомъ, что до сихъ поръ, по финскимъ законамъ, наказываются смертною казнію *). Что бы ни запродалъ финнъ въ долгъ, на какую-бы сумму ни ссудилъ деньгами, онъ готовъ довольствоваться однимъ честнымъ словомъ, не требуя росписокъ и документовъ, разумѣется, если лицо заслужило его довѣріе.

Финны услужливы и привѣтливы, когда замѣчаютъ тоже самое со стороны другихъ; въ противномъ-же случаѣ они упрямы и дерзки. При встрѣчѣ съ высшими, каждый финнъ желаетъ счастливаго пути, выражая свое привѣтствіе наклоненіемъ головы и приподнимая фуражку. Это дѣлаетъ онъ съ какою-то важностію, безъ всякаго подобию бодрости и низкопоклонничества, какъ равный равному.

Къ сожалѣнію, бѣдность и неблагоприятныя условія окружающей природы неблагоприятно повліяли на характеръ неимущей массы населенія. Крестьянинъ-бѣднякъ нѣсколько лѣнивъ, безстрастенъ и вообще скупъ на слова. Нравъ у него кроткій, терпѣливый и уступчивый. Бѣдность и стѣсненія, въ которыхъ онъ живетъ, заставили его заключиться въ самомъ себѣ; всѣ душевныя силы его дѣйствуютъ внутрь, такъ-что онъ рѣдко и слабо обнаруживаются дѣломъ. Величавая природа, его окружающая, никогда не доставляла ему удовольствія покорить ее: она всегда являлась предъ нимъ гордою и непреодолимою; тогда какъ душа его съ безсознательнымъ трепетомъ преклоняется предъ нею, силы тѣлесныя дремлютъ и увядаютъ. Но это безсиліе предъ природою, съ другой стороны, отражается на религіозности финновъ, въ которой они какъ-бы ищутъ защиты противъ внѣшнихъ бѣдъ.

Финны чрезвычайно богомольны и строго соблюдаютъ всѣ предписанныя церковью обряды, они не пропускаютъ ни одной обѣдни, и

*) Надобно впрочемъ сказать, что хотя смертные приговоры и произносятся судами, но не исполняются, а замѣняются тюремнымъ заключеніемъ.

хотя иной живетъ далеко отъ кирки, за то отправляется раниже и уж навѣрное не пропуститъ службы; поэтому финскія кирки полны всегда молящимися. Благодаря заботливости духовенства, религіозныя вѣрованія финновъ чисты и очищены отъ многихъ языческихъ суевѣрій и обрядовъ.

Вообще вѣра въ Финляндіи имѣетъ большое значеніе не только въ нравственномъ отношеніи, но она оказываетъ огромное вліяніе и на распространеніе въ народѣ грамотности. Такъ, по закону, никто не допускается къ приобщенію святыхъ таинъ, не пользуется гражданскими правами, не имѣетъ права вступити въ бракъ, кто не знаетъ читать катехизиса и священнаго писанія и кто не умѣетъ объяснить главные догматы вѣры. Поэтому всѣ родители стараются учить дѣтей своихъ грамотѣ, а духовенство, съ своей стороны, обязано имѣть главное наблюденіе за обученіемъ прихожанъ. Для этого пасторы, отъ времени до времени, развѣзжаютъ по своему приходу и экзаменуютъ дѣтей, а кромѣ того, предъ допущеніемъ къ причащенію, всѣ молодые люди собираются на нѣкоторое время къ пастору, который объясняетъ имъ главные догматы вѣры и затѣмъ производитъ экзаменъ. Пасторъ въ Финляндіи пользуется большимъ значеніемъ и уваженіемъ. Онъ проповѣдникъ, учитель, докторъ, адвокатъ, судья. Пасторъ проповѣдуетъ на народномъ языкѣ слово Божіе; онъ сѣетъ въ народѣ первыя сѣмена образованія, къ нему обращается народъ за совѣтомъ въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, за медицинскою помощію въ болѣзни; если крестьяне не поладятъ въ чемъ-нибудь между собою, они идутъ на судъ къ пастору, и его слово — законъ; пасторъ собираетъ подати съ народа и онъ-же ходатайствуетъ предъ высшимъ начальствомъ о нуждахъ своихъ прихожанъ.

Финны чрезвычайно любятъ свое отечество, свой языкъ и гордятся имъ. Даже въ тѣхъ деревняхъ и городахъ, въ которыхъ они находятся въ постоянномъ сношеніи съ русскими, они говорятъ не

иначе какъ по фински. Языкъ финновъ отличается обиліемъ гласныхъ звуковъ. Много усилій стоило финнамъ завоевать себѣ уваженіе къ своему языку, совершенно вытѣсненному - было шведскимъ языкомъ изъ употребленія. Только при нынѣ царствующемъ Государѣ финскій языкъ повелѣно было допускать въ судахъ и училищахъ, но и до сихъ поръ между финскимъ и шведскимъ языками (защитникомъ употребленія котораго являются высшіе классы и правительственныя лица) идетъ борьба.

Вотъ какъ рисуетъ одинъ народный финскій поэтъ (Лютиненъ) это забитое положеніе финскаго языка въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

«Горюетъ финскій языкъ о томъ, что давно его презираютъ, цѣнятъ низко, хотя, по мыслямъ народа, и надобно-бы ему быть въ почетѣ. На все есть у него выраженіе, есть имя на всякую вещь; можетъ онъ толковать законъ, можетъ проповѣдывать Евангеліе.

«Сперва младенецъ растетъ въ пеленкахъ, но наконецъ дѣлается же человѣкомъ не хуже другихъ или и совсѣмъ погибнетъ; а бѣдный финскій языкъ все держать въ пеленкахъ, въ колыбели, будто въ тюрьмѣ, и весь вѣкъ онъ долженъ плакать о своемъ горѣ, по вечерамъ пропадать отъ скуки, смертельно тосковать въ сердцѣ, что все ему приходится стоять за дверью и стучаться по-напрасну...

«Довольно уже въ селахъ Финляндіи поклонялись шведскому языку; чрезъ мѣру большія деньги выдавали за него, даже и въ самыхъ низкихъ лачужкахъ. Довольно уже финскій языкъ стоялъ и кланялся смиренно, чтобы ему въ приговорѣ суда растолковали самое простое выраженіе, или сочинили бумагу, въ которой потомъ счету нѣтъ ошибкамъ!

«Вѣдь финскій-то языкъ ясенъ и понятенъ; станетъ его на все, что ни говорится; все на немъ можно выразить, всякую науку объяснить, по фински можно растолковывать всякое ученье, изъ нѣмец-

кой-ли оно земли или изъ другихъ краевъ. А при томъ, въ финскомъ языкѣ много пріятности и для пѣнія».

Народныя празднества финновъ.

Заботы о пропитаніи, непрерывно тяготящія надъ финнами, не позволяютъ имъ предаваться той живой радости, которую во многихъ другихъ мѣстахъ порождаютъ народныя празднества и игры. Только на святкахъ и на Ивановъ день замѣтно нѣкоторое расположеніе къ веселью. На святкахъ молодежь собирается къ пляскѣ и другимъ забавамъ; въ это время непременно долженъ быть, даже въ хижинѣ самаго бѣднаго, накрытый столъ, который въ теченіе многихъ дней стоитъ какъ праздничное убранство. На немъ собрано все, что въ состояніи доставить хозяйство зажиточнаго финна, что удалось сберечь отъ весенняго голода бѣдняку; все это идетъ на то, чтобы угостить и распотѣшить святочныхъ гостей. Кто-бы ни вошелъ въ жилище финна, онъ каждого старается угостить.

Ночь на Ивановъ день празднуется чуть-ли не веселѣе всѣхъ другихъ празднествъ. Канунъ Иванова дня считается у финновъ чернымъ днемъ. Простой народъ вѣритъ, что въ ночь на Ивановъ день открываются все клады; на томъ мѣстѣ, гдѣ находится кладъ, по ихъ повѣрью, виднѣется въ эту ночь синее пламя; но пламя это можно видѣть не иначе, какъ съ крыши такого строенія, которое перенесено было на третье мѣсто. Иные финны, вслѣдствіе подобныхъ толковъ, переносятъ съ мѣста на мѣсто одно и то-же строеніе (амбаръ, баню, даже избу), чтобы только видѣть кладъ; они также вѣрятъ, что кладъ не дается тому, кто произнесетъ бранное слово. Иные простые финны наканунѣ Иванова дня топятъ баню и готовятъ все, что нужно для мытья: воду, вѣники, мыло и проч., и оставляютъ все это на цѣлую ночь для невидимаго хозяина дома—

«домоваго», который за это вниманіе будетъ снисходительнѣе. Вечеромъ, наканунѣ Иванова дня, финская молодежь пускаетъ по озерамъ и рѣкамъ зажженные смоляныя бочки и кадки, и жжетъ *кокко* (костры) и стрѣляетъ изъ ружей въ честь праздника. Для устройства *кокко* избираютъ обыкновенно высокую, полуобгорѣлую сосну, на песчаной горѣ, которая - бы господствовала надъ окрестностью. Сухое дерево обставляютъ смолистыми, легкогорающими вещами, громоздятъ ихъ какъ можно выше, а въ полночь зажигаютъ всю груды: она пылаетъ при звукѣ скрипокъ, гулъ выстрѣловъ и крикахъ веселящейся кругомъ толпы. Болѣе зажиточные, особенно вблизи городовъ, всю ночь проводятъ въ танцахъ, гуляньяхъ на лодкахъ и прогулкахъ.

Довольно веселый также праздникъ совершается и по случаю счастливаго окончанія жатвы. Три дня сряду въ это время молодежь финскихъ деревень празднуетъ и веселится. Обыкновенно празднество это бываетъ въ домѣ болѣе зажиточнаго. Крестьяне и крестьянки наряжаются какъ можно лучше, и цѣлыя ночи танцуютъ шведскую кадрили и вальсъ, подъ музыку скрипокъ, вообще довольно употребительныхъ у финновъ.

Брачные обряды финновъ весьма разнообразны въ разныхъ мѣстностяхъ и подробное описаніе ихъ было бы утомительно. Празднованіе свадьбы продолжается нѣсколько дней сряду безпрерывно, иногда пять или шесть дней.

Похороны совершаются гораздо проще. Трупъ одѣвается въ бѣлое полотно и съ пѣніемъ переносится въ церковь. Гробъ почти всегда бываетъ чернаго цвѣта, и хотя дѣлается иногда желтый, бѣлый, голубой, но иногда красный.

Поэзія финновъ.

Главнымъ и почти единственнымъ памятникомъ древней самобытной образованности финновъ остаются ихъ пѣсни. Они носятъ на себѣ рѣзкую печать той національности, которой не могла изгладить въ народѣ ни утрата политической независимости, ни время. Главнымъ божествомъ языческихъ финновъ былъ пѣвецъ Вайнемейненъ, котораго они прозвали своимъ гениемъ покровителемъ, богомъ, даровавшимъ имъ поэзію; слѣдовательно они прозвали пѣсни даромъ божественнымъ.

Поэтическая способность была нѣкогда общею принадлежностію народа. Въ прежнія времена народные пѣвцы были чрезвычайно многочисленны въ Финляндіи. Почти на всякой пирушкѣ, на всякомъ праздничномъ собраніи раздавались пѣсни, которыя тутъ - же и сочинялись безъ всякаго приготовленія. Веселье и горе, какое нибудь выдающееся событіе однообразной сельской жизни, чей нибудь подвигъ, общее благо или бѣдствіе, смерть друга или насмѣшки надъ недругомъ — все это попеременно служило предметомъ такихъ импровизацій. Даже женщины во время работы сочиняли и пѣли пѣсни. Нынѣ это народное поэтическое творчество угасаетъ въ Финляндіи отчасти по общему для всѣхъ народовъ закону, по которому съ развитіемъ образованности ослабѣваютъ поэтическія способности націи, отчасти же по излишнему усердію пасторовъ, которые, считая народную поэзію между финнами остаткомъ язычества, всячески старались ее истреблять. Однако-же мѣстами, особенно - же въ сѣверо-восточныхъ частяхъ Финляндіи, въ Саволакскѣ и Карелии еще и нынѣ встрѣчаются пѣвцы между поселянами. Они поютъ пѣсни безъ всякаго приготовленія и наиболѣе удачныя изъ нихъ заучиваются,

въ стихахъ распространяются въ народѣ и распѣваются имъ. Въ финской литературѣ можно найти не мало сборниковъ произведеній такихъ народныхъ поэтовъ. Обыкновенно, на какойнибудь веселой пирушкѣ, выдѣляются изъ толпы два пѣвца: одинъ сочиняетъ, другой повторяетъ слова его такимъ образомъ, что когда первый приближается къ концу строфы, другой начинаетъ ее и повторяетъ всю, въ другой разъ. Первый между тѣмъ придумываетъ новую строфу, которую и принимается пѣть, когда повторяющій останавливается. Оба пѣвца сидятъ другъ противъ друга, колѣни о колѣни и рука съ рукою; во все время, пока продолжается пѣніе, они слегка качаются взадъ и впередъ и на лицѣ ихъ видны важность и раздумье. Конечно тутъ-же поются и старыя пѣсни; однимъ словомъ всякій поетъ то, что знаетъ.

Общій характеръ финскихъ пѣсень есть важность и мрачная тоска, свойства, отличающія впрочемъ вообще пѣсни сѣверныхъ народовъ, но у финновъ свойства эти еще усилены вліяніемъ сѣверной, бѣдной дарами, природы, бѣдностію и тяжестію ихъ судьбы, такъ долго тяготѣвшей надъ ними. Отъ того меланхолическій характеръ преобладаетъ особенно въ старинныхъ пѣсняхъ. Въ ихъ содержаніи очень часто бываетъ плачевное, онѣ наполнены скорбію объ утратахъ и бѣдствіяхъ общественныхъ и семейныхъ. Напротивъ, въ новѣйшее время финскія пѣсни чаще и чаще становятся выраженіемъ сердечной веселости и шутливой насмѣшки; въ нихъ выставляются съ смѣшной стороны то явленія повседневной жизни, то недостатки ближняго. Тоскливость большинства финскихъ пѣсень выражается и въ напѣвахъ; они по большей части утомительно однообразны и неизмѣнны отъ начала до конца пѣсни; только пастушескія и шутливья пѣсни представляютъ болѣе разнообразія.

Поэтическія наклонности финновъ отражаются очень явственно и въ ихъ обыкновенномъ разговорѣ. Безпрестанно употребляемыя сравненія, иносказанія, особенно олицетворенія недушевленныхъ или оду-

шевленныхъ предметовъ составляютъ постоянное свойство рѣчи финна, разумѣется когда онъ разсуждаетъ о какихънибудь болѣе или менѣе важныхъ дѣлахъ. Другой предметъ, сильно поражающій иностранца въ разговорѣ съ финномъ, есть необычайное обиліе пословицъ, существующихъ въ ихъ языкѣ почти на всѣ житейскіе случаи и по большей части превосходныхъ, не только по своему глубокому смыслу, но и по способу выраженія. Онѣ обыкновенно кратки, замысловаты и картинны и нерѣдко выражаются въ стихотворной формѣ. Ихъ такъ много, что нерѣдко изъ нихъ составляется цѣлый разговоръ. Вмѣстѣ съ пословицами финны очень любятъ и загадки, составленіе которыхъ и ихъ угадываніе издавна составляетъ одну изъ любимыхъ общественныхъ забавъ.

Наиболѣе интересный разрядъ пѣсень — суть древнія пѣсни, въ которыхъ выражается міросозерцаніе финновъ, ихъ вѣрованія въ періоды до принятія ими христіанства. Наибольшее число этихъ пѣсень принадлежитъ къ числу заклинаній, которыми, по вѣрованію древнихъ финновъ, удалялись отъ человѣка различныя бѣды и напасти. При поэтическомъ взглядѣ на міръ, финны всякое зло считали существомъ живымъ, слѣдовательно врагомъ своимъ, и притомъ врагомъ коварнымъ, скрытнымъ, но которой упорствуетъ до тѣхъ только поръ, пока человѣкъ не узнаетъ, не проникнетъ въ его замыслы. Какъ скоро это будетъ сдѣлано и выражено, онъ непременно долженъ устыдиться и бѣжать. Такъ произошли заклинанія, которыя приняли форму пѣсень. Въ нихъ описывается сперва происхожденіе зла, потомъ вредъ, причиняемый имъ, и средство противъ него и наконецъ произносится самое заклинаніе. Эти заклинанія въ прежнія времена производились особыми лицами — финскими колдунами. Нынѣ колдуны почти совершенно исчезли въ Финляндіи; но еще въ концѣ истекшаго столѣтія ихъ было тамъ очень много. Они сами твердо вѣрили въ свое искусство и обыкновенно передавали своимъ дѣтямъ, почему оно считалось достояніемъ цѣлыхъ родовъ. Теперь

слѣды колдовства народъ хранитъ только въ закливательныхъ пѣсняхъ, какъ наслѣдіе, оставшееся отъ предковъ.

Такія закливательныя пѣсни составляютъ главную часть наиболѣе замѣчательнаго произведенія финскаго народнаго творчества — поэмъ «Калевала», происхожденіе которой относится къ весьма древнимъ временамъ. Сущность содержанія «Калевалы» заключается въ сношеніяхъ, частію враждебныхъ, частію дружественныхъ, между двумя народами, изъ которыхъ одинъ живетъ въ странѣ Колевы, а другой въ Похіэлѣ. Колевь есть имя родоначальниковъ героев или боговъ, дѣйствующихъ въ поэмѣ, почему край, въ которомъ происходила ихъ дѣятельность — Финляндія — называется Калевалою. Что касается до Похіэлы, то, по мнѣнію большинства изслѣдователей, подъ этимъ именемъ должно разумѣть Лапландію — страну сѣвера. Поводомъ къ враждѣ между двумя народами служило сватовство финскихъ героев за прекрасную невѣсту на сѣверѣ и предложенная женихамъ задача — достать какое-то сокровище, называемое въ пѣсняхъ «Сампо». Что это за сокровище — точно неизвѣстно, но въ пѣсняхъ ему приписывается чрезвычайная благодѣтельная сила, ибо съ помощію его получается хлѣбъ въ удивительномъ изобиліи; вотъ почему оба народа и оспариваютъ другъ у друга таинственную драгоценность, которая сначала находится во владѣніи Похіолы, а потомъ возвращается финнами въ ихъ отечество. Главными лицами со стороны финновъ являются въ поэмѣ пѣвецъ Вейнемейненъ его братъ ковель (кузнецъ) Ильмариненъ и веселый искатель приключеній Лемликейненъ, и со стороны лапландцевъ старуха Лоухи съ дочерью, за которую сватаются финскіе герои. Вейнемейненъ представляется мудрымъ старцемъ и искуснѣйшимъ колдуномъ, которому, слово и пѣніе служатъ всеильнымъ средствомъ чарованій.

Наряду съ закливаніями, въ которыхъ много таинственнаго дѣяго и малозанимательнаго, въ поэмѣ встрѣчаются самыя очаро-

вательные образы и картины, дышащія всею простотою природы, всею свѣжестью младенческаго народа.

Интересна послѣдняя руна (пѣснь) Калевалы, въ которой разсказывается, что одна изъ дѣвъ стороны Калевалы, Маріатта, скушавъ какую-то необыкновенную ягоду, сдѣлалась беременною. Приближаясь къ разрѣшенію, она посылаетъ просить у жены Руотуса позволенія сходить съ нею въ баню, но получаетъ суровый отказъ. Тогда она беретъ вѣникъ и идетъ въ конюшню, на гору Таніо: тамъ дыханіе лошади служитъ ей вмѣсто бани, и она родитъ сына, котораго кладетъ въ ясли на сѣно. При крещеніи святитель спрашиваетъ объ отцѣ его и когда оказывается, что отца нѣтъ, то Вейнемейнену предоставляютъ рѣшить участь ребенка. Онъ предлагаетъ умертвить дитя; но мать вдругъ начинаетъ говорить и объявляетъ этотъ приговоръ не законнымъ. Крещеніе совершается; но разгнѣваемой Вейнемейненъ на вѣки покидаетъ Финляндію, оставляя ей только свою арфу и пѣсни.

Кромѣ этихъ древнихъ пѣсней у финновъ существуетъ множество пѣсней новѣйшаго времени, изъ которыхъ особенно высокими достоинствами отличаются пѣсни лирическія, въ которыхъ, по выраженію одного финлянскаго писателя, выражается довѣрчивая покорность судьбѣ и сознаніе внутренняго значенія жизни. Чтобы дать о нихъ хотя нѣкоторое понятіе, мы приведемъ здѣсь два отрывка въ прозаическомъ переводѣ.

Пѣсня матери, качающей въ колыбели своего сына.

«Чиста на снѣгу бѣлая куропатка, бѣла на заливѣ пѣна морская, во чипе мой малютка, мое дитяtko. Сонъ стоитъ за дверью и спрашиваетъ; сонъ дремлетъ, шепчетъ въ снѣгахъ и приговариваетъ: «есть ли тутъ малюточка въ целеночкахъ, есть ли милый младенецъ въ постелькѣ. Нѣжный сонъ приди къ постелькѣ, сынъ дремлетъ, приди къ люлькѣ младенца, подъ одѣяло малютки, подъ одежду милаго ребенка. Качайся, качайся ягодка черемха! Колыхайся, колыхайся, лег-

кій листокъ. Вотъ я качаю моего сыночка, вотъ я баюкаю моего малютку. Но не знаетъ мать его, невѣдаетъ родившая, качаетъ-ли себѣ будущую опору, баюкаетъ-ли защиту своей старости? Никогда, бѣдная мать, ты, достойная жалости, не ожидай опоры отъ малютки въ колыбели, не жди защиты отъ сына, котораго качаешь. Легко твоя опора достается другому, твоя надежда неизвѣстному. Легко упадетъ дитяtko въ зѣвъ смерти, или уводится на войну, въ толпу сражающихся, попадаетъ подъ огненную пасть пушки или въ неволю».

Или вотъ другая пѣсня, въ которой молодая крестьянка, выданная замужъ на чужую сторону, тоскуетъ по родинѣ:

«Нѣкогда обѣщала я пѣть, когда приду сюда, радостно пѣть какъ весенняя птичка, когда буду гулять по рошѣ и ходить по густому лѣсу. Неся воду изъ колодца, слышу пѣніе двухъ веселыхъ птицъ; ахъ, если-бы я была птицей, если-бы бѣдная, могла пѣть, я бы пѣла на каждой ели, веселила-бы каждое дерево. И я пѣла бы громче, когда-бы увидѣла, что мимо идетъ печальный. Какъ-же

узнаешь печальнаго? О, легко узнать его: тихо идетъ угнетенный и беззаботный, веселится громко.

«Что люди подумали обо мнѣ, что - то за странные слухи разнеслись, когда меня взялъ за мужъ не сосѣдъ, когда я вышла за мужъ не на родинѣ; тамъ я теперь бы слышала домашняго пѣтуха, видѣла бы родимыя пашни, жила бы у нашей горы. Или я слишкомъ много пѣла? Или пила я не въ мѣру, или спала слишкомъ долго? Меня выдали за мужъ за чужаго, меня увезли въ незнакомую сторону. Ахъ лучше бы дома было пить воду, изъ коры березовой, нежели на чужбинѣ пиво изъ кружки серебряной! Ахъ, если-бы у меня какъ у другихъ, была лошадь и къ ней были-бы сани съ двумя полосьями! Я бы легко достала себѣ дугу, отыскала оглобли; есть въ лѣсу для дуги черемуха, для оглоблей рябина. И я не стала-бы медлить, не оглянулась-бы ни разу, не остановилась-бы до тѣхъ поръ, пока въ Саволакѣ не увидѣла-бы дыма надъ отцовскою избой, пока не увидѣла-бы, что топятся родимыя бани.....»

VIII. ЭСТЫ ИЛИ ЭСТОНЦЫ.

Характеръ и народный бытъ.

Эстонцы суть древнѣйшіе обитатели поморья, занятаго Эстляндскою губерніею; въ древнія времена они захватывали пространство еще далѣе къ югу. Хотя они жестоко воевали съ скандинавами, съ Новгородомъ и Псковомъ, однако не чуждались сношеній съ русскими, принимали ихъ нравы и обычаи и даже вступали въ родственныя связи. Въ землѣ эстовъ были даже русскіе города. Названный нѣмцами нынѣшній городъ Дерптъ, есть просто русскій городъ Юрьевъ, основанный русскимъ великимъ княземъ Ярославомъ.

Страна эстовъ въ то время была не богата, почва земли не плодородна, а суровый и непостоянный климатъ, прерывавшій естественный ходъ занятій и необходимую дѣятельность, порождалъ лѣность. Такимъ образомъ, когда у сосѣднихъ народовъ начали проявляться зародыши будущей цивилизаціи, своеволие эстовъ и отсутствіе общихъ интересовъ не допускали никакого организованнаго управленія, а тѣмъ менѣе сосредоточенія власти. Въ такомъ положеніи они столънулись съ нѣмецкими выходцами.

Долгое время они отстаивали свою языческую религію, но, наконецъ, съ появленіемъ въ ихъ странѣ нѣмецкаго ордена меченосцевъ,

здѣсь начало водворяться христіанство. Сдѣлавшись подвластными нѣмцамъ, эстонцы вмѣстѣ съ ними приняли ученіе Лютера и сдѣлались крѣпостными. Историческая-же судьба ихъ всегда была въ зависимости отъ сосѣднихъ государствъ: Швеціи, Даніи, Польши, Россіи и Германіи. Въ 1721 году, послѣ побѣды Петра I надъ шведами, эстонцы окончательно перешли подъ власть Россіи. Ихъ нынѣ считается нѣсколько болѣе 700,000 душъ, изъ числа которыхъ болѣе 400,000 населяютъ сѣверъ Лифляндской губерніи, 260,000 — Эстляндскую губернію, а остальные живутъ въ небольшомъ числѣ въ губерніяхъ Петербургской, Псковской и Витебской.

Наружность эстонцевъ, также какъ и языкъ ихъ, показываютъ явно финское происхожденіе. Ростъ ихъ не высокъ, глазныя орбиты угловаты, скулы широкія, бедра узкія, а волосы мягкіе, свѣтлаго цвѣта и съ рыжеватымъ оттѣнкомъ. Эсты, живущіе по морскому берегу и на сосѣднихъ островахъ, отличаются высокимъ ростомъ и хорошимъ сложеніемъ, что и объясняется примѣсью скандинавской крови. Языкъ ихъ не болѣе какъ отрасль древняго финскаго и подраздѣляется на два говора: ревелскій — у эстовъ, занимающихъ сѣверъ и западъ территоріи, и дерптскій — у эстовъ, живущихъ на югѣ.

Костюмъ эстовъ отличается многими особенностями, при чемъ темныя цвѣта преобладаютъ вообще, и въ особенности на островѣ Эзелѣ. Черный цвѣтъ есть любимый цвѣтъ эстовъ; кромѣ рубахи и лѣтняго платья, почти вся одежда эстонцевъ чернаго цвѣта. Почти всѣ эсты ходятъ въ длинныхъ черныхъ кафтанахъ изъ грубаго сукна; подъ кафтаномъ надѣвается фуфайка изъ голубаго или зеленаго сукна, короткіе кожаные или полотняные панталоны и шерстяные чулки. На головѣ лѣтомъ носится круглая шляпа, а зимою шапка изъ лисьяго мѣха и овечья шуба безъ покрывки. Въ женскомъ костюмѣ замѣчается болѣе разнообразія, въ особенности въ головныхъ женскихъ уборахъ, которыми дѣвушки отличаются

отъ замужнихъ женщинъ. Также разнообразна и женская обувь. По воскресеньямъ эсты носятъ башмаки, на подобіе сандалій, сдѣланныхъ изъ одного куска кожи; островитяне-же носятъ обыкновенные кожаные сапоги.

Почти повсемѣстно, за малымъ исключеніемъ, женская юбка дѣлается изъ полосатаго сукна; на шею навѣшиваются серебряныя цѣпи, унизанныя разными искусственными камнями и серебряными монетами. Къ числу украшеній относится особый рядъ пряжекъ или застежекъ для рубахъ. На головѣ женщины носятъ особый головной уборъ, состоящій изъ бумажнаго картона, который надѣвается на голову, а сверху обвязывается легкою матеріею, украшенною лентами. Ни мужчины, ни женщины не стригутъ волосъ, а женщины даже и не заплетаютъ ихъ, оставляя распущенными по плечамъ. Бородъ мужчины не носятъ. Вообще костюмъ эстовъ весьма скромнъ, и по характеру и цвѣту своему весьма близко подходитъ къ серьезному характеру жителей.

Жилища эстовъ состоятъ изъ бревенчатыхъ избъ, рѣдко на каменныхъ устояхъ. Внутри помѣщеніе не очень просторно, печь обыкновенно состоитъ изъ кучи камней, расположенныхъ въ углу, и на ней-то, при помощи тагановъ, готовятся кушанья. Единственное небольшое окошечко въ избѣ расположено очень низко. Крыши избъ по большей части соломенные, а внутри избы неопрятно и грязно. Бѣлые деревянные столы, сундуки и скамейки, покрытыя грязью и копотью, корыто для корма скота—вотъ вся внутренняя обстановка хаты эстонскаго крестьянина. Весьма нерѣдко въ одномъ помѣщеніи съ хозяиномъ живутъ и домашнія животныя.

Пища весьма непривлекательна и состоитъ обыкновенно изъ чернаго хлѣба съ отрубями и копченой или соленой рыбы. Сельди и свинина составляютъ лакомство для достаточныхъ. Чаще-же всего на столѣ эстонскаго крестьянина является картофель и кислая ка-

пуста. Любимый напитокъ готовится изъ ячменя съ примѣсью хмѣля, и называется *тааръ*.

По характеру своему эсты вообще мрачны и не общительны съ посторонними. Вместе съ тѣмъ они мстительны и коварны. Женщины также не расположены ни къ веселости, ни къ развлечениямъ. Упорные и терпѣливые, эсты очень флегматичны и не легко увлекаются; но обида способна возбудить въ нихъ глубокую ненависть и мщеніе. Такъ эстонецъ глубоко ненавидитъ пришельцевъ—нѣмцевъ и даже именемъ этимъ онъ пугаетъ своихъ дѣтей. Не будучи воинственными по природѣ, они однако храбры, и храбрость ихъ въ соединеніи съ упорствомъ заставляетъ ихъ презирать и самую смерть.

Если эсты угрюмы и не общительны вообще, то нельзя сказать того же про ихъ семейную жизнь. Напротивъ, на сколько они не любятъ общности, на столько же они привязаны къ семьѣ. Можно сказать, что для эстовъ только и существуютъ что семейныя отношенія. Время года оказываетъ большое влияніе на образъ жизни эстонцевъ. Лѣтомъ они работаютъ много; зимою-же больше спятъ. Въ прежнія времена они жили большими селеніями; нынѣ же отдѣльными фермами.

Островные жители весьма неустрашимые моряки. Будучи безкорыстны, эсты въ то же время отличаются честностью, и воровство между ними встрѣчается довольно рѣдко. Къ числу-же недостатковъ ихъ характера слѣдуетъ отнести лѣность, безпечность и пьянство, которое впрочемъ въ послѣднее время замѣтно уменьшается. Что касается до ихъ умственныхъ способностей, то хотя нельзя сказать, чтобы они отличались быстрымъ умомъ или большою смысленностью, но все же они далеко не такъ ограничены въ умственныхъ способностяхъ, какъ о томъ говорятъ нѣмецкіе помѣщики Эстляндіи.

Волотистая неплодородная почва, непостоянство погоды, кратковременность лѣта и ранніе заморозки значительно затрудняютъ развитіе сельскаго хозяйства; не смотря однако-же на эти неблагопріят-

ныя климатическія и почвенныя условія, земледѣліе составляетъ главное занятіе эстовъ. Множество болотъ превращено ими въ плодородныя поля; поля, въ свою очередь, искусственно орошены, такъ что вообще эстонское сельское хозяйство стоитъ на значительно высшей степени нежели русское.

Занимаясь земледѣліемъ, эсты обращаютъ вниманіе и на скотоводство и особенно овцеводство. Отъ здѣшнихъ табуновъ происходятъ наши лошади *обвинки* и *вятки*.

Самый веселый праздникъ для эстовъ — это время жатвы. Что касается вообще до ихъ веселья, то надо замѣтить, что танцы распространены только между островными жителями; но страсть къ качелямъ повсемѣстна. Пѣсни эстонскія воспѣваютъ чистую любовь и красоту природы.

Языкъ эстовъ составляетъ одно изъ самыхъ чистыхъ и мягкихъ финскихъ нарѣчій, безъ всякой примѣси иностранныхъ словъ. Онъ раздѣляется на два нарѣчія: ревелское и дерптское.

Техническія способности эстовъ еще мало развиты; тѣмъ не менѣе однако мѣстами встрѣчаются искусные мастеровые, въ особенности слесаря; на фабрикахъ эстляндскіе рабочіе также отличаются способностями.

Склонность эстовъ къ повѣрьямъ, предсказаніямъ и колдовству сохранилась въ народѣ донынѣ и выражается въ различныхъ обрядахъ и обычаяхъ.

Изъ преданій, живущихъ между эстами, можно упомянуть о богѣ пѣнія *Ваннемуне*.

«У всѣхъ людей и звѣрей былъ одинъ языкъ, на которомъ они говорили и который служилъ имъ для повседневной жизни. Не это былъ языкъ будничныи; онъ давалъ только возможность понимать людямъ языкъ звѣрей, но не было праздничнаго языка, не было пѣсень въ отраду людямъ и въ прославленіе боговъ. Однажды всѣ твари были созданы на общій соборъ, чтобы научить ихъ праздни-

ному языку, то есть пѣснямъ. Собрались всѣ у Дерпта, гдѣ была священная роща. Вдругъ въ воздухѣ раздалось вѣяніе и на землю спустился *Ваннемуне* — богъ пѣнія. Сначала онъ сыгралъ на своемъ инструментѣ прелюдію, а потомъ запѣлъ гимнъ. Рѣка Эмбахъ остановила свое теченіе, вѣтеръ пересталъ дуть, а звѣри и птицы напрягли свой слухъ. Но не всѣ слушавшіе одинаково поняли пѣніе: деревья поняли только шелестъ одежды бога Ваннемуне; вѣтеръ — самые рѣзкіе звуки его пѣнія; звѣри — кто скрипъ, кто звонъ струнъ; пѣвчія птицы, и въ особенности соловей и жаворонокъ, переняли прелюдію; рыбы же видѣли только движеніе губъ Ваннемуне и научились подражать только этому движенію, но остались такими же нѣмыми, какими были и прежде. Изъ всѣхъ слушателей только одинъ человекъ понялъ все, отчего пѣсни его и доходятъ до глубины души и до жилища боговъ».

Изъ суевѣрій можно указать на то, что эстонцы не любятъ умирать на постели; умирающаго обыкновенно кладутъ на полъ. Въ гробъ-же умершаго кладется головная щетка, кусокъ мыла, мелкія монеты и стаканъ съ водкою.

Свадебные обряды эстовъ сохранили въ себѣ очень много языческихъ началъ. Напрасно духовенство старается уничтожить эти обычаи частью смѣшныя, частью вредныя; цаства остается глухою къ увѣщаніямъ своихъ священниковъ, и весьма нерѣдко, вслѣдствіе укоренившихся обычаевъ, крестьянинъ въ нѣсколько дней расточаетъ сбереженія, сдѣланныя долгимъ трудомъ и потомъ и изъ зажиточнаго превращается въ нуждающагося.

Обыкновенно свадьбы устраиваются въ августѣ и сентябрѣ, по окончаніи полевыхъ работъ, или за три, четыре недѣли до Рождества. Это время самое веселое для эстонскаго крестьянина. Старики и молодые — всѣ въ это время предаются танцамъ, веселью и попойкамъ. Нѣсколько старыхъ мужчинъ и женщинъ пріѣзжаютъ прежде всего въ телѣгѣ въ домъ невѣсты, куда привозятъ съ собою нѣсколь-

ко штофовъ водки, а иногда и въ боченкѣ. Предлагая эту водку родителямъ невѣсты, обыкновенно говорятъ: «у васъ есть товаръ, а у насъ купецъ, желающій приобрести этотъ товаръ». Невѣста между тѣмъ спрятана. Но едва только родители выпьютъ водки, что означаетъ согласіе ихъ, какъ сваты тотчасъ - же отыскиваютъ молодую, подводятъ ее къ родителямъ и также заставляютъ ее выпить стаканъ водки.

Здѣсь также, какъ и у великороссовъ и у другихъ племенъ, рѣдко браки совершаются по взаимной склонности между женихомъ и невѣстой. Ясно, что и результаты бывають тѣ же: ссоры, разладъ и всякаго рода непріятности, а часто и взаимная ненависть между мужемъ и женою.

Иногда самъ парень является прямо въ домъ родителей невѣсты и предлагаетъ подарки родителямъ и невѣстѣ. Подарки эти состоятъ изъ разныхъ мелочей, а отцу изъ денегъ. По полученіи согласія, объявляется о свадьбѣ, и невѣста на другой же день получаетъ отъ своего жениха головной уборъ, который носятъ замужнія женщины, и разныя бездѣлушки. По окончаніи свадьбы молодая покрываетъ голову платкомъ, а слѣдующіе за тѣмъ дни носить головной уборъ, подаренный мужемъ, когда она была еще его невѣстою.

Черезъ три недѣли послѣ совершенія брака совершаются чудовищныя пиршества, начинающіяся въ домѣ родителей бывшей невѣсты и оканчивающіяся въ родительскомъ домѣ бывшаго жениха. Пиршества эти продолжаются нѣсколько дней и состоятъ въ ѣдѣ и попойкѣ съ утра до вечера.

Обыкновенно пиршество начинается такъ. Рано утромъ молодая уходитъ въ родительскій домъ, куда около полудня начинаютъ собираться родные и друзья. Вечеромъ пускается туда-же въ путь молодая, въ сопровожденіи цѣлаго кортежа, въ которомъ главные роли играютъ *иссамеесъ*, въ родѣ посаженнаго отца, и *пейе-поисъ*, обыкновенно холостой. Какъ они, такъ и молодой, вооружены обнаженными

саблями и одѣты въ бѣлое платье съ красными кушаками. Впереди всѣхъ ѣдетъ верхомъ *пейе-поисъ*, а позади него въ телѣжкѣ, запряженной рѣзвыми лошадьми, *иссамеесъ* и молодой. За ними всѣ остальные въ сопровожденіи музыканта, играющаго на волынкѣ. По приближеніи къ дому родителей молодой, начинается стрѣльба изъ ружей и пистолетовъ. Затѣмъ *пейе-поисъ* три раза объѣзжаетъ вокругъ хаты, ударяя саблею по крышѣ. Кортежъ на порогѣ хаты встрѣчаютъ мать молодой и нѣсколько старухъ съ пѣніемъ. Тутъ начинается невыносимый концертъ разбитыхъ старческихъ голосовъ, сама же молодая убѣгаетъ и прячется, между тѣмъ какъ всѣ начинаютъ ее преслѣдовать, и вслѣдъ за тѣмъ начинаются танцы. Столы въ это время уже накрыты и уставлены хлѣбомъ, пирогами, мясомъ, яйцами, сыромъ и проч. Когда достаточно напляшутся, то приступаютъ къ ѣдѣ. Это продолжается къ ряду три или четыре дни, причемъ молодой каждый вечеръ, прежде чѣмъ идти спать, ломаетъ ложку свою и своей жены. Когда здѣсь все уже поѣдятъ, и выпьютъ, тогда отправляются пировать къ молодому.

Прежде чѣмъ отправиться туда, на голову молодой надѣвается покрывало, въ которомъ она остается въ теченіе трехъ или четырехъ часовъ. Затѣмъ всѣ поднимаются и отправляются въ путь опять тѣмъ же порядкомъ съ музыкою. За музыкантомъ ѣдетъ невѣста, у которой кучеромъ сидитъ братъ, а если его нѣтъ, то ближайшій родственникъ. Позади всѣхъ ѣдетъ съ своими друзьями молодой съ боченками водки и шива.

По прибытіи въ домъ, молодая садится на колѣни къ своему брату или родственнику, между тѣмъ какъ молодой, *иссамеесъ* и *пейе-поисъ* съ обнаженными саблями въ рукахъ пляшутъ какъ сумасшедшіе. Затѣмъ сажаютъ на колѣни молодой ребенка, которая его цѣлуетъ и даритъ ему связанные ею чулки.

Затѣмъ начинается пляска. Немного спустя съ одной стороны подходитъ къ молодой одинъ изъ парней, надѣваетъ на нее перед-

никъ и даетъ немного серебряныхъ денегъ; съ другой же стороны подходит старуха, снимаетъ съ нее брачный головной уборъ, надѣваетъ вмѣсто него другой болѣе простой, подвязываетъ вокругъ шеи и груди платокъ и въ заключеніе даетъ пощечину.

Въ это время старухи, которыя встрѣчали молодого пѣннемъ въ домѣ родителей молодой, подаютъ гостямъ пиво и медъ и поютъ: «попробуйте; это не горько, а сладко». Каждый изъ гостей даетъ деньги, которыя отдаются молодой. Мужъ между тѣмъ вноситъ корзину съ подарками, которые раздаются гостямъ. Подарки обыкновенно состоятъ изъ чулокъ, рубахъ, поясовъ, рукавицъ и пр. Взамѣнъ этихъ подарковъ каждый изъ гостей обѣщаетъ одарить молодую жену чѣмъ нибудь цѣннымъ; такъ одинъ обѣщаетъ какую нибудь скотину, другой—улей, меблировать домъ и пр. И хотя иногда обѣщанія эти бывають очень тяжелы и не въ моготу обѣщавшему, тѣмъ не менѣе однако онѣ свято исполняются.

Пиръ у молодыхъ продолжается также нѣсколько дней. По окончаніи его молодая на другой день выметаетъ печку и принимается за хозяйство.

IX. ЛИВЫ.

Ливы, которыхъ нынѣ осталось не болѣе 2000 душъ, суть ближайшее родственное эстонцамъ племя. Оно сгруппировано въ узкомъ пространствѣ, прилежащемъ къ Балтійскому морю и отдѣленномъ отъ остальной части Курляндской губерніи болотами и лѣсами. Они поселены въ четырнадцать приморскихъ деревняхъ.

Ливы въ древнее время занимали всю Курляндію и большую часть Лифляндіи, но съ переселеніемъ сюда латышей, ливы отчасти были изгнаны, отчасти смѣшались съ пришельцами, принявъ ихъ языкъ, нравы и обычаи. Въ нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ жительства они занимають узкую приморскую полосу въ 68 верстъ длиною, при чемъ пустошами и болотами между дюнами, часто совершенно непроходимыми, отдѣлены отъ латышей. Только этому обстоятельству они и обязаны сохраненіемъ своего языка и своей народности. Въ остальныхъ мѣстахъ Лифляндской и Курляндской губерній ливы не имѣли возможности скрыться за подобными естественными рубежами и, преслѣдуемые насмѣшками со стороны латышей за свой языкъ, они во всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ латышами должны были употреблять языкъ латышскій, знать который обязывала также и религія.

Жилища, одежда и образъ жизни ливовъ весьма сходны съ ла-

тышскими и все различіе ограничивается мелочными подробностями. Между тѣмъ внутреннія національныя качества ливовъ рѣзко отличаются отъ латышскихъ, и народъ по характеру своему гораздо ближе подходитъ къ эстамъ. Съ издавна знакомые съ моремъ и съ дѣтства привыкающіе къ морской стихіи, ливы хорошіе и предприимчивые моряки. Будучи болѣе эстонцевъ склонны къ общительности, ливы въ тоже время проявляютъ въ своемъ характерѣ болѣе склонности къ порокамъ, проявляя упрямство, гнѣвъ и склонность къ мстительности. Пьянство, воровство, а въ особенности грабежъ судовъ, потерпѣвшихъ у береговъ крушеніе составляютъ весьма частыя пороки ливонцевъ.

Ихъ женщины и дѣвушки одинаково храбры и рѣшительны какъ на сухомъ пути, такъ и на морѣ, и въ частной жизни отличаются хорошею нравственностью. Въ бракъ онѣ вступаютъ поздно, и хотя подобно мужчинамъ отличаются крѣпкимъ сложеніемъ, грубыми формами и цвѣтущимъ здоровьемъ, но тѣмъ не менѣе ихъ нельзя назвать некрасивыми. Будучи ловки и общительны между собою, ливы весьма угрюмы съ чужими.

Также какъ и эсты, ливы живутъ въ дымныхъ и смрадныхъ хижинахъ, освѣщаемыхъ зимою сосновой лучиной и живутъ бѣдно. Большая часть ихъ вовсе не имѣютъ земли, и нанимается работниками къ болѣе зажиточнымъ.

Національная одежда у мужчинъ состоитъ изъ куртки съ стоячимъ воротникомъ и длиннаго кафтана, считаго по образцу эстонскаго, изъ свѣтлосѣрой шерстяной матеріи. Женщины носятъ длинныя тали и полосатяя юбки. Въ послѣднее время ливы, какъ и окрестные латыши, стали одѣваться въ темно-сѣрые цвѣта.

Въ сельскихъ работахъ они употребляютъ воловъ, а не лошадей. Исповѣданія они лютеранскаго, религіозны и набожны по наружи, хотя рѣдко можно встрѣтить между ними признаки искренней глубокой религіозности.

Всѣ свои религіозные обряды ливы выполняютъ на латышскомъ языкѣ, которому, вмѣстѣ съ катехизисомъ, обучаются въ дѣтствѣ въ церковныхъ школахъ, но употребляютъ его съ особымъ произношеніемъ. На своемъ языкѣ они не имѣютъ ни одной молитвы. Женщины говорятъ по латышски хуже чѣмъ мужчины, а нѣкоторыя, не умѣющія читать, понимаютъ его весьма немного; дѣти до девятилѣтняго возраста говорятъ только на своемъ природномъ языкѣ, въ который, вслѣдствіе сношеній съ латышами, вошли многіе латышскіе обороты и слова, измѣненные сообразно съ духомъ языка. Самый же языкъ ливовъ есть особенный, въ который хотя и вошло много словъ финскихъ и эстскихъ, ревельскаго и дерптскаго нарѣчій, но который въ то-же время заключаетъ въ себѣ еще большее число словъ самобытныхъ ливскихъ, не принадлежащихъ ни къ одному изъ означенныхъ языковъ, и притомъ слова сихъ послѣднихъ имѣютъ на ливонскомъ языкѣ совершенно другое значеніе.

Ливы отличаются особою привязанностью къ старинѣ и стараются во всемъ сохранить древній бытъ своихъ предковъ, удерживаясь отъ смѣшенія съ сосѣдними латышами, надъ которыми имѣютъ преимущество въ большей предприимчивости, энергіи и настойчивости. Съ малолѣтства привыкшіе къ опасностямъ моря, они на построенныхъ ими небольшихъ одномачтовыхъ судахъ предпринимаютъ дальніе развѣзды, дохода съ рыбою до Петербурга. Нѣкоторые подобныя моряки умѣютъ даже обращаться съ картою и камшасомъ. Главное ихъ занятіе состоитъ въ рыбной ловлѣ, на которую отправляются даже женщины. Поселенные на песчаныхъ и безплодныхъ мѣстахъ, они сельскимъ хозяйствомъ занимаются весьма неохотно и въ этой отрасли занятій имѣютъ весьма мало свѣдѣній.

Въ умственномъ отношеніи ливы стоятъ несравненно выше латышей и почти всѣ безъ исключенія умѣютъ читать.

Х. КАРЕЛЛЫ.

Наружный видъ карелль напоминаетъ ихъ финское происхожденіе. Общее число ихъ до 360,000 разбросано по разнымъ мѣстамъ Россіи, а именно: въ Финляндіи, въ Новгородской, Тверской, Петербургской губерніяхъ; а также въ Ярославской, Олонецкой и Архангельской.

Нынѣ кареллы въ Россіи совершенно обрусѣли, почти всеѣ, за исключеніемъ стариковъ, забыли свой родной языкъ и только наружнымъ видомъ и главнымъ образомъ цвѣтомъ волосъ напоминаютъ своихъ родичей — финновъ.

Въ нравственномъ отношеніи они отличаются отъ своихъ русскихъ сосѣдей упрямствомъ, скрытностью, недоувѣрчивостью и мстительностью. Въ описаніи природнаго ума весьма замѣтно уступаютъ русскимъ.

Въ частной жизни сохранились многіе древніе обычаи, отражающіеся на одеждѣ, устройствѣ лыжъ и въ наружной отдѣлкѣ винтовки.

Главное занятіе ихъ состоитъ въ звѣриной и птичьей охотѣ и рыбной ловлѣ. Разнаго рода занятія и промыслы у нихъ раздѣлены между разными деревнями. Такъ есть цѣлыя деревни каменотесовъ, столяровъ, стекольщиковъ и др. Почти отовсюду ходятъ они на про-

мысли въ столицы, откуда приносятъ на родину иной образъ жизни, значительныя деньги, цвѣтную одежду, чай и кофе, особенно распространившіеся между простымъ народомъ въ послѣдніе годы. Кромѣ того кареллы занимаются выдѣлкой мѣховъ, судостроеніемъ и льняной промышленностью. Карелльскія лодки очень оригинальны; отличаясь необыкновенною прочностью, онѣ сдѣланы безъ желѣзныхъ гвоздей, а скрѣплены вмѣсто нихъ древесными корнями.

Большинство карелловъ исповѣдуютъ православную вѣру, кромѣ живущихъ въ Петербургской губерніи, которые суть протестанты. Между православными кареллами встрѣчаются также и раскольники.

XI. МОРДВА.

Характеръ и хозяйственный бытъ.

Многочисленное мордовское племя (около 700,000 душъ въ настоящее время) разсѣяно на обширномъ пространствѣ восьми восточныхъ губерній: Нижегородской, Казанской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Астраханской. Преимущественно мордва разселилась по берегамъ рѣкъ: Оки, Волги, Суры, Цны, и Мокши; центромъ же мордовскаго населенія можно считать Пензенскую губернію.

Ученые причисляютъ мордву къ такъ называемому «Чудскому» или финскому племени. Самое же названіе «Мордва» — происходитъ отъ слова «Мѣри», что на мордовскомъ и на другихъ чудскихъ языкахъ значить — «человѣкъ». Оттуда и произошли названія многихъ чудскихъ племенъ: *Меря*, *Мори* (такъ называютъ сами себя черемисы), *Мортъ-Коми* (зыряне), *Мортъ-Удъ* (вотяки), *Мортъ-ва*, и *Мура-ма* (исчезнувшее племя).

Собственно мордва дѣлится также на нѣсколько племенъ, изъ которыхъ самыя многочисленныя: *мокша* и *эрзя*; остальные же мордовскія племена, какъ-то: *терюхане* (въ Нижегородской губ.)

и *каратаи* (въ Казанской губ.) отчасти смѣшались съ русскими, а отчасти представляютъ лишь слабые остатки когда-то сильныхъ и многочисленныхъ народцевъ.

Различія между *мокшей* и *эрзю* — маловажны, хотя эти два племени до сихъ поръ не смѣшиваются другъ съ другомъ и живутъ отдѣльными деревнями. Главное отличие между ними заключается въ языкѣ: мокшанинъ часто не понимаетъ, что говорить эрзянинъ; впрочемъ, у тѣхъ и у другихъ есть много словъ или совершенно сходныхъ, или имѣющихъ общій корень. Нѣкоторое различіе между ними заключается также въ одеждѣ и даже въ наружности. Мокша, вѣроятно, часто входитъ въ сношенія съ русскими и потому наружностью своею напоминаетъ отчасти русскихъ; эрзя же ближе подходитъ къ финскому типу. Эрзяне отличаются свѣтлыми, почти красноватыми волосами; имѣютъ лица широкія, носъ — небольшой, тупой, глаза маленькіе полузакрытые. Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ, напримѣръ въ различныхъ обрядахъ, вѣрованіяхъ, обычаяхъ и. т. под. мокшане и эрзяне совершенно сходны между собой.

Встарину мордовское племя населяло преимущественно мѣстность, окружающую устья рѣки Оки. Еще Несторъ замѣчаетъ въ своей лѣтописи: «а по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, сѣдитъ Муroma — языкъ свой, Мещера — свой, Мордва — свой языкъ». Извѣстный *Нижегородскій летописецъ* говоритъ также: «Великій князь Юрій Всеволодовичъ заложивъ градъ на устьѣ Оки рѣки и нарече имя ему Новградъ Нижній . . . а владѣли тою землею поганіи мордва».

Мордовскія земли дѣлились въ то время на волости и каждая изъ нихъ управлялась независимымъ мордовскимъ княземъ. У мордвы сохранились даже преданія о какой-то княжнѣ Нарчаткѣ, изображеніе которой и понынѣ попадаетъ на монетахъ, которыми любятъ украшать себя мордвки. Жизнь они изстари вели осѣдлую. Обитая въ плодородныхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, изрѣзанныхъ рѣками и испещренныхъ озерами, мордва съ незапамятныхъ временъ прилежно

занималась хлѣбопашествомъ, бортевымъ пчеловодствомъ, а также охотою на звѣрей и рыбною ловлею.

Разнообразныя выгоды, получаемыя этимъ мирнымъ и трудолюбивымъ племенемъ, постоянно соблазняли ихъ сосѣдей—русскихъ, которые имѣли съ мордвою частыя столкновения и нерѣдко въ концѣ разоряли ихъ хозяйства. Впрочемъ, набѣги на мордовскія земли не всегда удавались. Такъ отъ 1103 года въ лѣтописяхъ говорится: «бися Ярославъ съ Мордвою, мѣсяца Марта въ 4 день, и побѣжденъ бысть Ярославъ» (сынъ Святослава Черниговскаго). А въ 1229 году, мордовскій князь Пургасъ, память о которомъ до сихъ поръ еще живетъ въ народѣ, успѣлъ даже подступитъ къ стѣнамъ Нижняго-Новгорода съ несметными толпами мордвы и сталъ разорять его. Но Юрій Всеволодовичъ (Владимирскій) отбилъ Пургаса и совершенно разгромилъ мордву.

Не одни русскіе пытались покорить мордву; она долгое время находилась также подъ владычествомъ приволжскихъ болгаръ. А вскорѣ послѣ покоренія мордвы Юріемъ Всеволодовичемъ, она вмѣстѣ съ русскими, подпала подъ власть татаръ, которымъ стала платить дань звѣриными шкурами и которымъ нерѣдко помогала одолевать русскихъ. Къ этому времени относится слѣдующая легенда: «Было время, когда племя мордовское, живя въ сосѣдствѣ съ русскими, не зависѣло отъ нихъ; но пришла пора—и русскому понадобилась земля мордовская, и сталъ онъ просить у народнаго вожда, или князя мордовскаго, чтобы онъ, по старой дружбѣ и по сосѣдству, уступилъ нѣсколько земли и именно столько, сколько можно охватить пеньковою ниткою, обмотанной нѣсколько разъ вокругъ человѣческой головы. Мордовскій князь согласился на просьбу своего сосѣда, который, выбравъ изъ своего племени, что ни на есть дюжого парня, обмоталъ вокругъ его головы такую безконечно длинную нить, что голова стала цѣлою горою, и нить, будучи размотана, охватила всю мордовскую землю. Спихватился князь, да

уже поздно, и ушелъ за море, уступивъ добровольно свою землю».

Окончательно покорена была мордва только Иваномъ Грознымъ, вслѣдъ за паденіемъ Казани. Но и послѣ того она долго еще не унималась. Такъ во время самозванщины и бунта Стеньки Разина, мордва не разъ поднималась и пробовала даже осаждать по прежнему Нижній-Новгородъ, хотя этого уже не удавалось привести въ исполненіе.

Съ окончательнымъ покореніемъ мордвы при Иванѣ Грозномъ, началось и обращеніе ея въ христіанскую вѣру. Но гораздо больше сдѣлано въ этомъ отношеніи при патриархѣ Никонѣ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Никонъ самъ былъ мордовскаго происхожденія. Отецъ его, говорятъ, былъ обрусѣвшій мордвинъ, крестьянинъ села Вельяминова, Княгининскаго уѣзда (Нижегородск. губ.). Судя по современному портрету Никона, въ чертахъ лица его дѣйствительно проглядываетъ мордовскій типъ; упорство же, вспыльчивость и нѣкоторыя другія черты характера еще болѣе напоминаютъ его родичей. Немудрено, поэтому, что Никонъ обращалъ особенное вниманіе на мордву. Онъ поручилъ рязанскому архіерею Мисаилу обратить все мордовское племя въ православіе. Послѣдній, дѣйствительно, многихъ обратилъ въ христіанство; но уполномоченный, вѣроятно самимъ Никономъ, на слишкомъ крутыя мѣры, Мисаиль вскорѣ раздражилъ мордву и былъ убитъ стрѣлами.

Крещеніе всей мордвы послѣдовало только въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Но конечно и послѣ того язычество долго еще не было совсѣмъ чуждо мордовскому племени. Такъ, въ концѣ прошлаго столѣтія мордва, будучи уже христіанами, продолжала исполнять всѣ свои языческіе обряды. Въ 1809 году между ними явился даже особенный ревнитель язычества, старавшійся отчасти возстановитъ прежнюю мордовскую вѣру. Это былъ крестьянинъ деревни Большаго Сескина, Нижегородскаго уѣзда, Кузьма Алексѣ-

евъ, извѣстный у мордвы подъ именемъ «Кузьки-бога». Да и до сихъ поръ слѣды язычества, какъ мы увидимъ ниже, проглядываютъ еще очень замѣтно почти во всѣхъ ихъ вѣрованіяхъ, обрядахъ и обычаяхъ.

Мордвинны обладаютъ отъ природы здравымъ смысломъ и хорошею памятью; но они до сихъ поръ неграмотны и грубы. Мордвинъ крѣпко преданъ старинѣ и недовѣрчивъ ко всякаго рода нововведеніямъ. Умственная неподвижность, грубые обычаи и разныя суевѣрія и понывѣ составляютъ отличительныя свойства его племени.

Не смотря на это, нужно сознаться, что изъ всѣхъ народовъ финскаго племени, обитающихъ въ Россіи, ни одинъ такъ не обрусѣлъ въ настоящее время какъ мордва. Сліяніе ихъ съ русскою народностью за послѣдніе годы шло весьма быстро. Мордвинъ, еще за 20 лѣтъ передъ этимъ смотрѣвшій совершеннымъ язычникомъ, теперь уже во многомъ походитъ на русскаго крестьянина. Этому способствовало отчасти то положеніе, какое теперь занимаетъ мордва, живя среди густо населенныхъ и чисто земледѣльческихъ нашихъ восточныхъ губерній. А что главнымъ образомъ ускорило обрусеніе мордовскаго племени—это изстари осѣдлый, мирный и земледѣльческій бытъ самихъ ихъ. Подготовленная, такъ сказать, своимъ собственнымъ образомъ жизни къ воспріятію началъ русской гражданственности, мордва легко и какъ бы незамѣтно для самой себя поддается теперь вліянію этой гражданственности,—вліянію за послѣдніе годы, особенно усилившемуся вслѣдствіе нѣкотораго оживленія, обнаружившагося за это время во всей нашей народной жизни.

Вообще, не смотря на упорно-неподвижный характеръ мордвы, она все-таки легко входитъ въ сношенія съ посторонними людьми. Какъ и всякій младенчествующей народъ, мордвинны сколько вспыльчивы и метительны, столько же простудушны и кротки. Если мордвинъ не замѣчаетъ со стороны своего сосѣда—русскаго—явнаго

намѣренія притѣснить или оскорбить его, а напротивъ видитъ въ немъ нѣкоторое участіе къ себѣ, то легко сближается съ нимъ. Иногда достаточно двухъ словъ: «комъ-малать?» (куда идешь), сказанныхъ ласковымъ задушевнымъ тономъ, чтобы окончательно расположить въ свою пользу перваго встрѣчнаго мордвина. При этомъ, мордвинны, никогда первые не рѣшатся нанести обиду, или притѣснить, обмануть кого нибудь. Напротивъ, они славятся въ этомъ отношеніи добродушіемъ и патриархальною честностью. Насколько эти качества присущи мордвинамъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: нѣкоторые изъ землевладѣльцевъ въ нашихъ восточныхъ губерніяхъ при подрядахъ и покупкахъ руководствуются такимъ правиломъ съ подгородными крестьянами и мѣщанами дѣла не имѣтъ; татаръ обязывать строгими условіями на законныхъ основаніяхъ, а мордвину—*вѣрить на слово*.

Но чтобы составить себѣ полное понятіе о характерѣ мордвина, нужно видѣть его еще на работѣ. Невозмутимое спокойствіе, паразитическое терпѣніе и крайняя заботливость не покидаютъ его при этомъ ни на минуту. Выйдя на свою пашню, среди жаркаго знойнаго лѣта, часто въ овчинномъ полубубѣѣ, мордвинъ принимается безъ устали косить, жать или пахать, цѣлый день обливаясь потомъ, отъ усиленныхъ движеній подъ знойнымъ палящимъ солнцемъ.

Еще типичнѣе поведеніе мордвина на охотѣ. Къ различнаго рода звѣринымъ или лѣснымъ промысламъ мордвинны до сихъ поръ сохранили особенную страсть. Съ собакою, ружьемъ, тенетами и съ кускомъ чернаго хлѣба, мордвинъ ходитъ по цѣлымъ днямъ въ лѣсу или по берегамъ рѣкъ и озеръ, отыскивая зайцевъ, волковъ, лисицъ и разную дичь. Смѣшное мордвинъ на охотѣ; иногда онъ по цѣлымъ часамъ сидитъ въ кустахъ или чащѣ камышей, почти по полю въ водѣ, ожидая приближенія дичи на разстояніе вѣрнаго выстрѣла; въ случаѣ неисполненія ожиданій, переходитъ на другое мѣсто и опять принимается за то же самое, никогда не рѣшаясь рискнуть

хоть однимъ напраснымъ выстрѣломъ. Въ зимнее же время мордвинъ охотится на лыжахъ и мастерски управ. яеть ими.

Мордвины рѣдко отыскиваютъ промыслы на чужой сторонѣ. Напротивъ, въ своемъ родномъ селеніи, въ свободное отъ земледѣльческихъ работъ время, они занимаются плотничествомъ, распилюю лѣса, приготовленіемъ различныхъ издѣлій, охотою, а въ особенности — разведеніемъ пчель. Какъ пчеловоды — мордвины незамѣнимы по своей неутомимой заботливости въ этомъ дѣлѣ и по крайней внимательности къ самымъ ничтожнымъ мелочамъ пчелинаго хозяйства.

Привязанность къ родному селенію, уваженіе къ лѣсу и довольство вообще составляютъ отличительныя черты ихъ характера. Обитая въ мѣстностяхъ плодородныхъ, щедро надѣленныхъ дарами природы, защищенныхъ густыми лѣсами и богатыхъ водою, — мордва, при своемъ упорномъ трудолюбіи, успѣваетъ извлекать изъ нихъ немалыя выгоды, насколько это, разумѣется, позволяютъ имъ ихъ грубыя младенческія понятія и подчасъ первобытныя приемы.

Живетъ мордва большими деревнями, расположенными по большей части неправильно, съ кривыми улицами и разными закулками. Но это не мѣшаетъ имъ жить въ полномъ мирѣ и согласіи между собою. Безъ общаго обсуждения, безъ сельской сходки у нихъ не обходится даже такіа дѣла, какъ выборъ мѣста для отправленія «моляна», или другаго какого нибудь мордовскаго обряда.

Жилище ихъ — избу также съ перваго взгляда можно отличить отъ русской, хотя она и построена по образцу послѣдней. Мордовская изба выходитъ на улицу обыкновенно однимъ окномъ, маленькимъ и невзрачнымъ, прорѣзаннымъ ближе къ переднему углу. Такой видъ имѣетъ, обыкновенно, та сторона русской избы, которая обращена на дворъ. Соломенные крыши мордовскихъ избъ, покатыми своими сторонами обращены также вдоль улицъ, такъ что при вѣздѣ въ мордовскую деревню проѣзжему кажется, что всѣ избы въ ней стоятъ къ нему бокомъ.

По внутреннему устройству и убранству, мордовское жилище ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной курной русской избы: тѣ же въ ней скамейки, лавки и полки, тѣ же полати и волоковыя окна, та же печка, налѣво отъ входа, обыкновенно, курная, безъ трубы. Впрочемъ, встарину, въ мордовской избѣ печка ставилась въ переднемъ углу, и отверстіемъ обращалась прямо ко входу. Въ то время они не держали также другой посуды, кромѣ чугуна и мѣднаго котла; но теперь всѣ уже обзавелись обыкновенною русскою посудю.

Опрятностью или чистотою жилища мордвы далеко не отличаются. Въ избѣ мордовской вмѣстѣ съ людьми помѣщаются обыкновенно куры, гуси, овцы съ ягнятами, свиньи съ поросятами, а подчасъ и корова съ теленкомъ; если есть въ домѣ собака, то она непременно поселяется тутъ же. Оттого воздухъ въ избѣ всегда затхлый, сырой и нестерпимый для непривычнаго человѣка.

Къ избѣ прилегаютъ довольно узкія сѣни, по другую сторону которыхъ ставится обыкновенно горница или вышка. Это — чаще всего, тоже изба, только пустая, нежилая и безъ печки. Въ ней хранятся разныя вещи: одежда, посуда, молоко, яйца и проч. Подъ вышкою устраивается нижнее отдѣленіе, «подклѣтъ», куда помѣщаютъ на зиму овецъ, свиней, или ставятъ пчель. Различныхъ клѣтей и пристроекъ у богатыхъ бываетъ вообще много, и именно столько, сколько снохъ въ семействѣ. Каждая сноха имѣетъ свою клѣть и въ ней помѣщаетъ все свое имущество.

Земледѣльческія орудія и другіе хозяйственные предметы у мордвы совершенно одинаковыя съ русскими.

Относительно пищи мордвины нѣсколько болѣе разборчивы, чѣмъ относительно жилища. Обыкновенную ихъ пищу составляютъ: ржаной хлѣбъ (*кши*), по большей части хорошо пропеченный и мягкій; щи русскія; блины изъ гречневой муки (*пача*); ржаной пирогъ съ начинкою (*перяка*); *чукуръ* — маленький пирогъ изъ того же тѣста, съ тремя острыми углами и начиненный молочною пшеничною кашею. Въ

ФИННЫ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ.

ФИННЫ.

особенно торжественные дни мордвинъ ѣдятъ также *шатарамъ* — пшеничную кашу съ положенными въ нее кусочками хлѣба, говядины, курицы и яицъ. Мясо зайца мордвинъ охотно употребляетъ въ пищу и лакомятся имъ тайкомъ даже въ посты. Но особенно любимая пища ихъ — это гречневая каша и медъ (*мльдь*).

Изъ напитковъ мордва употребляетъ обыкновенный кислый квасъ и квасъ медовый (*пуряи*). Самый же любимый ихъ напитокъ составляетъ *пурэ* — медовая брага. Пурэ готовится изъ меду, который нѣсколько времени *томятъ* или *морятъ*, т. е. даютъ ему перебродить. Хотя въ мореный медъ и не кладутъ хмѣля, но онъ очень пьянъ. Если непривычному человѣку выпить стаканъ этого напитка, очень пріятнаго на вкусъ, голова у него останется свѣжею, но за то ноги какъ будто отнимутся, ножныя мышцы совершенно не повинуются волѣ человѣка. Послѣ сна бываетъ страшная головная боль, продолжающаяся по суткамъ и болѣе. Но мордвинъ пьютъ свое пурэ ковшами и бываютъ только веселы.

Относительно достоинства своей пищи и напитковъ сами мордвинъ держатся вообще высокаго мнѣнія. Въ одной пѣснѣ, распѣваемой обрусѣлыми мордвинами, они влагаютъ въ уста посланцевъ какого-то русскаго «Мурзы» слѣдующія похвалы своимъ кушаньямъ:

«Угостили насъ, напоили сусломъ сладкимъ,
«Накормили насъ хлѣбомъ мягкимъ»....

Вообще мирные трудолюбивые мордвинъ не совсѣмъ равнодушны къ какой-бы то ни было пищѣ. Можетъ быть, даже они ни къ чему не питаютъ такого пристрастія, какъ къ ѣдѣ. Правда, мордвинъ и нить охотникъ; но пьетъ онъ все-таки съ толкомъ; онъ старается, напримѣръ, напиться съ субботы на воскресенье, чтобы къ понедѣльнику, къ рабочему дню, быть уже вполне трезвымъ и бодрымъ. Ѣдятъ же мордвинъ иногда совсѣмъ безъ толку, забывая при этомъ даже всякіе расчеты и всю свою бережливость, доходящую въ другихъ слу-

чаяхъ до скупости. Случалось, напримѣръ, что мордвинъ, нанявшійся въ извозъ за довольно высокую цѣну, и расчитывавшій заранѣе на значительное сбереженіе отъ провозной платы, не привозилъ домой ни копѣйки — все проѣдалъ дорогою. Доберется до постоялаго двора, и незамѣтно для себя проѣстъ на кашѣ, на меду, на бѣломъ хлѣбѣ, на лещахъ — сразу полтинникъ или болѣе, и какъ ни сокрушается послѣ этого, но непременно повторитъ то же самое и на слѣдующемъ постояломъ дворѣ. Слабость свою мордвинъ сами хорошо подмѣтили; на этотъ счетъ у нихъ сохранилось даже нѣсколько преданій, по одному изъ которыхъ пристрастіе къ ѣдѣ было причиною даже потери ихъ независимости и подчиненія русскимъ. Вотъ какъ поется объ этомъ въ вышеупомянутой пѣснѣ про московскаго «мурзу», пославшаго пословъ въ Мордву съ подарками:

« . . . Мордовски старики отъ мурзы деньги получили,
Послѣ моляна судили, радили:
Что намъ мурзѣ въ даръ дать,
Что московскому царю послать?
Меду, хлѣба, соли взяли,
Блюда могучія поклали,
Съ молодыми ребятами послали....
Молодые ребята, приуставши сѣли,
Медъ, хлѣбъ да соль поѣли,—
Говорятъ: «старики не узнаютъ!»
Земли и желта песку въ блюда поклали,
Наклавши пришли
И мурзѣ, московскому царю, поднесли.
Мурза землю *) и песокъ честно принимаетъ,
Крестится, Бога благословляетъ:
«Слава Тебѣ, Боже царю!
Что отдалъ въ мои руки Мордовску землю!»

По другому старинному и довольно темному мордовскому преда-

*) Приношеніе въ даръ земли считалось у мордвы знакомъ покорности и подчиненія.

нію, многимъ изъ нихъ пришлось разъ навсегда лишиться ожидавшей ихъ впереди счастливой и свѣтлой будущности изъ за любви къ кашѣ. Праотцы мордвы, гласить это преданіе, жили въ мѣстахъ дикихъ и скудныхъ и сильно желали переимѣнить свое мѣстожителство. Разъ мордвина встрѣтили на полѣ мужика, который сталъ увѣрять ихъ что онъ князь. Желая подтвердить достовѣрность своихъ словъ, мужикъ воткнулъ въ землю сухую палку, и она тотчасъ же начала покрываться листьями и цвѣтами. Убѣжденные этимъ чудомъ, мордвина съѣлали мужика своимъ княземъ и предводителемъ. Князь этотъ, по имени *Тюмтян*, повелъ мордву отыскивать землю удобную для селитьбы и самую плодородную. Отправилась мордва въ путь, захвативши съ собою множество съѣстныхъ припасовъ, и наконецъ достигла берега моря. Здѣсь князь Тюмтянъ расположился на ночлегъ и велѣлъ приготовить каши болѣе обыкновеннаго. На другой день, рано утромъ, Тюмтянъ приказалъ народу слѣдовать за нимъ далѣе; но нѣкоторые изъ особенныхъ любителей каши, которой еще много оставалось отъ предъидущаго дня, не могли удержаться отъ соблазна, не послушались князя и принялись за кашу, вознамѣрившись во чтобы то ни стало покончить съ нею. Князь, съ вѣрными ему спутниками, не сталъ дожидаться ихъ и немедленно отправился далѣе по морю и пошелъ по немъ, какъ по-суху; видя это, ослушники начали снова умолять его взять и ихъ съ собою; но раздраженный жадностью мордвы, Тюмтянъ былъ уже неумолимъ, и, удалившись самъ за море, оставилъ ихъ на прежнемъ мѣстѣ.

Любя поѣсть вдоволь, сытно и сладко, трудолюбивый и мирный мордвинъ столько же любитъ и спокойную домашнюю жизнь среди многочисленнаго семейства, которое бы могло обезпечить ему полное довольство и достатокъ во всемъ. Дѣйствительно, можно встрѣтить мордовское семейство въ 20 и болѣе человекъ, живущихъ нераздѣльно, въ полномъ мирѣ и согласіи, и только влѣдствіе крайней тѣсноты помѣщающихся въ разныхъ избахъ, но всегда на одномъ и

томъ же дворѣ, подъ управленіемъ дѣда, или прадѣда, которому всѣ члены семьи оказываютъ полное повиновеніе. Безъ сомнѣнія, настоящій мордовскій семейный бытъ, сильно еще напоминаетъ ихъ прежній родовой бытъ, существованіе слѣдовъ котораго продолжаетъ и по настоящее время обуславливаться чисто экономическими соображеніями. Не даромъ во многихъ, кетати замѣтить — крайне безыскусственныхъ мордовскихъ молитвахъ — встрѣчаются такіа мѣста: «и скотину создай, Господи, такую, какую тебѣ угодно, создай также такъ, чтобы могла соху возить, аминь. И создай, Господи, ребенка, чтобы помогала мнѣ пахать землю, и поболѣе дѣтей». На основаніи подобныхъ соображеній, бездѣтность мордовки въ замужествѣ считается у нихъ семейнымъ бѣдствіемъ.

По тому же самому во время язычества мордва съ особеннымъ стараніемъ заботилась объ умилостивленіи безчисленными жертвами и молитвами своей богини плодородія — *Ане-Патля*. Нынѣ же мордва обращается съ подобными просьбами ко всякому святому, а преимущественно къ Св. Николаю Чудотворцу: «благослови насъ множиться, — молится мордва, — уроди хлѣба, были бы большія копны, умножь скоть, дай семьѣ жить легко, здорово». Впрочемъ, отношенія мордвы къ семьѣ, за послѣднее время, стали нѣсколько измѣняться, приближаясь постепенно къ русскимъ взглядамъ и понятіямъ.

Вліяніе русскихъ сильно отразилось и на одеждѣ мордвы. Зимняя верхняя одежда, какъ у мордвина, такъ и у мордовки, одинаковая и почти вся заимствована отъ русскихъ, какъ-то: зипунъ или армякъ, кафтанъ и полушубокъ, съ которымъ иной мордвинъ не разстается даже среди лѣта. Развѣ то еще отличіе въ зимней одеждѣ мордвы, что онѣ надѣваютъ лапти всегда поверхъ бѣлыхъ и чистыхъ суконныхъ онучъ.

Лѣтомъ, мордвинъ носитъ бѣлую рубаху, съ пестрымъ, особо вытканымъ воротникомъ, съ прорѣхою къ лѣвому плечу и съ красны-

ми, вытканными въ полотнѣ рубахи, коймами на рукавахъ, подолѣ и на плечахъ.

Волосы мордвинны стригутъ въ кружало, а надъ лбомъ подрѣзываютъ ихъ нѣсколько выше.

Встарину они носили еще поверху рубахъ длинныя бѣлыя балахоны. Цвѣтъ этой одежды, вѣроятно, и послужилъ основаніемъ слѣдующему мѣсту въ вышеупомянутой пѣснѣ о «Мурзѣ», гдѣ онъ говоритъ окружающей его дружинѣ:

«Слуги вы мои вѣрные,
Слуги вѣрные, неизмѣнные,
Поглядите-ка, посмотрите-ка,
Вы на тѣ ли на горы на Дятловы,
Что это за березнякъ мотается,
Мотается-шатается,
Къ землѣ матушкѣ преклоняется?»
Отвѣчаетъ ему дружина:
«То не березнякъ мотается,
Мотается-шатается
Къ землѣ-матушкѣ преклоняется —
То мордва своему богу молится,
Къ землѣ-матушкѣ преклоняется!...

Бѣлый цвѣтъ одежды — вообще любимый цвѣтъ мордвы. Объ этомъ уже можно судить по современному костюму мордовки. Женская мордовская одежда до сихъ поръ сохранила чисто національный покрой и отличается при этомъ крайнею своеобразностью, и сверхъ того нѣкоторою сложностью или, лучше сказать, — дробностью. Вотъ изъ какихъ частей состоитъ женская одежда:

На голову мордовка надѣваетъ *платку*, или «сороку», называемую русскими «рогами». Это плоская высокая изъ бѣлаго полотна кичка, имѣющая форму гребня, съ двумя острыми углами по сторонамъ, съ вертикальнымъ разрѣзомъ посрединѣ и съ широкою лопастью на затылкѣ. Спереди кичка вышивается разноцвѣтными шерстяными, мишурными нитками и блестками въ видѣ маленькихъ, сим-

метрично расположенныхъ, трехугольничковъ и четырехугольничковъ, а въ томъ мѣстѣ, которое нѣсколько прикрываетъ лобъ, унижается въ рядъ разными фигурками изъ прошивокъ, шелковыхъ ленточекъ, узкаго позумента и косичекъ изъ селезневыхъ перьевъ. Задняя же сторона кички, или лопасть, покрывающая часть темени и затылокъ, обтягивается сверху доскутомъ ситца, а по бокамъ подшивается краснымъ кумачемъ, который образуетъ въ серединѣ ничѣмъ небранный параллелограмъ; края кумача и параллелограмма вышиваются разноцвѣтною шерстью, мишурными нитками, бисеромъ, рядами мѣдныхъ пуговичекъ и маленькихъ бѣлыхъ раковинъ, называемыхъ «ужовками». Круги эти идутъ надъ затылкомъ, постепенно увеличиваясь по всей лопасти, края которой надъ ушами убираются сплошными рядами разноцвѣтнаго стекляруса, пересѣченнаго накрестъ мѣдными цѣпочками. Ниже кички, на лобъ, надѣвается убранный разноцвѣтнымъ бисеромъ вѣнокъ, который обхватываетъ также уши и затылокъ. Къ вѣнку надъ ушами прикрѣпляется — *се-кыня*, т. е. длинныя кисти изъ мишурныхъ нитокъ, унизанныя сверху бѣлыми раковинами въ два ряда, а къ низу убранныя десятью нитками изъ мѣдныхъ тенокъ *) и разноцвѣтнаго стекляруса; кисти эти болтаются надъ ушами какъ конская грива. — Въ ушахъ мордовки носятъ *пимксы*, оловянныя серьги съ продолговатыми стеклянными подвѣсками, а также съ привѣсками изъ завитыхъ проволокъ и съ шариками изъ гусянаго пуха, растертаго въ мукъ съ бѣлою краскою. При этомъ мордовки подстригаютъ волосы на вискахъ въ видѣ бахромы.

Дѣвушки мордовскія, вмѣсто «платки» или кички, надѣваютъ на голову *пархю-руцо*, — это высокій кокошникъ, верхніе края котораго нѣсколько покаты къ заду, но безъ крышки, которая замѣняется

*) Теньками называются тонкія круглыя пластинки, выбитыя изъ мѣди въ формѣ монетъ.

краснымъ шелковымъ платкомъ, перевѣшаннымъ изнутри черезъ край къ затылку. Убранство *пархи-ручи* состоятъ изъ нашитыхъ вокругъ нея рядами разноцвѣтныхъ лентъ, узкаго позумента, мишурныхъ нитокъ, мелкаго бисера и косичекъ изъ селезневыхъ перьевъ. Изъ подъ *пархи-ручи* дѣвушка выпускаетъ на спину косу, узкую широкими мѣдными бляхами.

Самая существенная часть костюма мордовки — это *паанаръ* — бѣлая, узкая и длинная рубаха, надѣваемая прямо на голое тѣло, съ прорѣхою противъ груди, безъ обшивки на шеѣ, но окаймленная по краямъ прорѣхи и вокругъ шеи широкою полоскою, вышитою разноцвѣтной бумагой: красной, зеленой и синей. Точно такія же полосы вышиты на плечахъ, по швамъ рукавовъ, по краямъ ихъ и отъ плечъ до подола — три полосы спереди и три — сзади. Такая рубаха называется «шестиполосною» и считается самою щегольской. Вокругъ подола ея вышивается тою же бумагою широкая кайма.

Застежкою рубашечной прорѣхи на груди служить *кирмижь-карчина* — родъ мѣдной круглой брошки; «кирмижь-карчина» вся перевита проволоками и убрана пуговицами, висячими нитками изъ пуннаго бисера и мѣдными цѣпочками съ теньками; къ внутренней сторонѣ ея прикрѣплена длинная булава, при помощи которой и застегивается рубашечная прорѣха.

Сверхъ рубахи, надѣвается *каштазынь-цукксъ* — наплечникъ, передняя часть котораго, надѣвается на грудь, имѣетъ форму широкой подковообразной полосы, сплетенной изъ разноцвѣтныхъ бисерныхъ нитокъ; отъ концовъ этой бисерной дуги идетъ длинный еревалъ на спину, убранный продольными рядами мишуры ихъ нитокъ, пересѣченныхъ по мѣстамъ проволоками съ мѣдными бляхами, узанный, между рядами мишуры, бѣлыми крупными раковинами и обрамленный на концѣ, вдоль нижняго края, висячими нитками изъ мелкаго бисера. *Каштазынь-цукксъ* накидывается на плечи и разстиляется по всей груди подъ брошкою, и по всей верхней части

спины. Поверхъ наплечника, на грудь надѣвается еще *ярмакынь-пильктъ*. Это двѣ продолговатыя полотняныя лопасти, съ закругленными концами; узанныя съ боковъ нѣсколькими рядами разноцвѣтнаго бисера, а въ серединѣ — мелкимъ серебрянымъ битьемъ, и обложенныя въ нижнихъ концахъ мѣдными пуговками, держащими по три нитки изъ крупнаго бисера съ наглухо перевитыми поперегъ проволоками и съ разными привѣсками на мѣдныхъ цѣпочкахъ. Лопасти эти надѣваются на шею посредствомъ ремня, пришитаго къ верхнимъ концамъ ихъ, и служатъ украшающимъ покрываломъ грудей мордовки. Кромѣ того, мордовка надѣваетъ на шею еще *ою-крестъ седьме* — широкій гайтанъ изъ сшивнаго холста, шириною въ $1\frac{1}{2}$ вершка, весь одинаково узорчато узанный разноцвѣтнымъ мелкихъ бисеромъ, и увѣшанный разными привѣсками на мѣдныхъ цѣпочкахъ, какъ то: теньками, старинными кофѣйками, крестиками, сросшимися орѣхами, медвѣжьими когтями, пучками человѣчьихъ волосъ, позвонками, клыками и всякой всячиной. Концы этого гайтана соединены между собой наглухо нѣсколькими бисерными нитками, такъ что онъ надѣвается на шею подобно хомуту, поверхъ всѣхъ означенныхъ нарядовъ.

Опоясывается рубаха низко подъ животомъ, узкимъ поясомъ изъ разноцвѣтной шерсти, съ кистями на концахъ, узанными стеклярусомъ. Поясъ этотъ называется *карксомъ*. Онъ обвивается вокругъ тѣла два раза, кистями назадъ, и такъ обхватываетъ рубаху, что она сзади плотно облегаетъ тѣло, а спереди собирается сумою и выпускается нѣсколько изъ-за пояса. Къ карксу со стороны бедеръ прикрѣпляются длинныя шерстяныя кисти, внизу раздвоенныя, и узанныя сперва кольцами и бляхами, потомъ — бѣлыми раковинами въ два ряда и затѣмъ — нитками изъ мелкаго разноцвѣтнаго бисера. Сверхъ каркса, также низко подъ животомъ, надѣвается красный шерстяной кушакъ — *стамедна*. Онъ отчасти придерживаетъ вышеупомянутыя длинныя кисти, прицѣпленныя къ поясу, за

него же заткнуты такъ называемыя *мазы-руця*—хорошія полотенца. Этихъ полотенець за «стамедной» у истой щеголихи должно быть двѣнадцать.

Всѣ мордовки носятъ также *понтсытз*—холщевыя порты, съ двумя завязками по бокамъ.

Ногами своими мордовки особенно щеголяютъ, для чего и стараются повыше поддерживать спереди рубаху. Условіе красоты ногъ заключается въ ихъ толщинѣ и крѣпкой походкѣ. Для этого онѣ наматываютъ на нихъ вмѣсто онучь по нѣскольку аршинѣ льнянаго, хорошо выбѣленнаго холста, и стараются, чтобы онѣ лежалъ, какъ можно глаже, отчего ноги кажутся прямыми и толстыми какъ бревна. Сверхъ этихъ холщевыхъ онучь надѣваютъ прямыя, съ маленькой головкой, лапти, которыя прикрѣпляются къ ступнямъ ременными оборами, перевитыми крестообразно вокругъ ногъ. Кромѣ того ноги обертываются еще такъ называемымъ *серге*, т. е. полосатымъ кушакомъ, вытканымъ изъ разноцвѣтной шерсти.

Мордовки отличаются бодрою походкою; онѣ всегда держатъ голову прямо и высоко, никогда не опускаютъ глазъ въ землю и ступаютъ сильною ровною поступью, отъ которой длинныя кисти на кичкѣ колышутся какъ лошадиныя гривы, а теньки, бисеръ, стеклырусъ и разныя украшенія на груди и спинѣ производятъ легкій звонъ и шумъ, концы же полотенець и кистей на поясѣ хлопаютъ какъ оружіе на галоширующемъ кавалеристѣ. Идеаль женской граціи воспѣвается слѣдующимъ образомъ въ одной мордовской пѣснѣ, приводимой здѣсь въ русскомъ переводѣ:

«Софья Рязанова! какъ облупленная липа — бѣло ея тѣло; какъ скатанный льняной холстъ — на ногахъ ея обувь; а походка ея какъ у дѣвятица лучшей лошади!»

Мордовки очень рѣдко носятъ лѣтомъ верхнее платье. Только особенныя щеголихи надѣваютъ иногда сверхъ рубахи — «шупунъ» — короткій кафтанъ изъ бѣлаго холста, обшитый, по краямъ

подола и рукавовъ, сплошными рядами красной бумаги, цвѣтныхъ шелковыхъ лентъ и позумента. На груди у шупуна дѣлается широкая вырѣзка, для того, чтобы видны были разныя украшенія на груди мордовки. Старухи иногда повязываютъ и на кичку такъ называемую *ширинку*,—т. е. продолговатый бѣлый холщевый платокъ съ двумя красными коймами на концахъ.

Слѣдующая сказка показываетъ положеніе мордовской женщины: жилъ былъ собака демонъ; у него было тридцать друзей разбойниковъ, а ворота были заперты. Собака разбойникъ-демонъ ударилъ въ ворота ногой и ворота въ лучину изщепалъ. Вбѣжалъ собака-демонъ съ товарищами къ Абызу на дворъ, а богатый Абызь съ женою въ бани парился. Вышелъ Абызь изъ бани и пришелъ въ избу; разбойники его встрѣтили и хотѣли сжечь. Абызь началъ ихъ просить жалобно: подождите, братцы, жену мою, она вамъ отдастъ золотую казну. Вошла въ избу Абызова жена, поклонилась на всѣ три стороны, на четвертую сама взошла и однимъ словомъ ихъ остановила. Разбойники всѣ стали въ пень, обезумѣли и начали на колѣняхъ просить, чтобы она ихъ отпустила, потому что день начинается и ихъ поймутъ; ихъ выпустили изъ избы, а со двора слѣда не найдутъ. Начали разбойники Абызову жену опять просить, чтобы отпустила ихъ, обѣщали дать ей половину своего добра. Она ихъ отпустила со двора, а изъ деревни слѣда не найдутъ. Тутъ они пали передъ Абызиной женой внизъ лицомъ и отдали ей все свое добро.

Изъ приведеннаго описанія мужскаго и женскаго мордовскаго костюма, можно видѣть, что женщины — мордовки, сравнительно съ мужчинами, являются наиболѣе строгими блюстительницами національных мордовскихъ преданій. Тоже самое можно сказать и относительно старинныхъ мордовскихъ вѣрованій, главными охранительницами которыхъ до сихъ поръ служили также — мордовки. Въ дѣлахъ вѣры женщины вообще играютъ у мордвы какую-то непонят-

ную, но очевидно важную роль, которой всё подчиняются безпрекословно и как-то бессознательно. Мордвинъ, въ этомъ отношеніи, такъ преданъ своей женѣ, что если мордовка захочетъ послать своего мужа, въ какихъ нибудь религіозныхъ видахъ, прямо въ воду и во всемъ, что только — есть на немъ — въ зипунъ или полубубкѣ, то мордвинъ никогда не откажется отъ этого. Онъ убѣжденъ, что если откажетъ женѣ въ исполненіи того, что дѣлали отцы и дѣды, то поплатится за это большимъ несчастіемъ въ жизни. Немудрено, поэтому, что старинныя мордовскія вѣрованія, не смотря на принятіе всѣми поголовно христіанства, до сихъ поръ еще имѣютъ мѣсто, какъ въ жизни, такъ и въ понятіяхъ народа.

Вѣрованія и обряды.

Встарину мордва были язычниками; ихъ религія была дуалистическая: она признавала два враждебныхъ начала — начало добра и зла. Сообразно съ этимъ, и ихъ боги, олицетворяющіе эти начала, дѣлились также на два враждебныхъ лагеря.

Главное божество называлось у эрзянъ *Пасъ*, а у мокшанъ — *Шкай*. Это богъ — добра и свѣта, невидимый духъ, всемогущій, творецъ видимаго и невидимаго міровъ и обитающій на небесахъ. Онъ назывался еще *Трякамкой* — господомъ - кормильцемъ. Мокшане молились ему такъ: «Шкай, оцю шкай, верду шкай, ванымьеть!» т. е. Боже, Боже верховный, Боже начальный, помилуй насъ. А эрзяне обращались къ нему съ такою молитвою: «Чамъ Пасъ, вель Пасъ, помилуй насъ!» т. е. Верховный Боже, Боже мірской (въ смыслѣ — щественномъ), помилуй насъ!

Главное-же божество, олицетворявшее начало зла — это шайтанъ — также духъ невидимый, бывшій прежде товарищемъ Чамъ-Пасу, но за свое непослушаніе заточенный имъ въ бездну, въ преисподнюю.

Желая какъ можно чаще и сильнѣе вредить людямъ и самому Шкаю шайтанъ создалъ множество мелкихъ боговъ, такихъ-же злыхъ, какъ и онъ самъ, и приставилъ каждаго изъ нихъ къ какому нибудь одному опредѣленному дѣлу, всякаго къ его специальному занятію. Во главѣ этихъ злыхъ духовъ стоитъ Кереметь или — Мастыр-пась.

Чтобы парализировать вредъ, наносимый людямъ злыми специалистами шайтана, Чамъ-Пасъ, съ своей стороны, создалъ также множество мелкихъ добрыхъ боговъ и каждому изъ нихъ поручилъ охраненіе извѣстнаго, опредѣленнаго предмета. Во главѣ этихъ добрыхъ духовъ стоитъ Анге-Патий — богиня жизни, охраняющая рожденіе челоуѣка, мать всего живущаго на землѣ и главная противница Керемету или Мастыр-Пасу. Ее называютъ иначе «Буламанъ - Патий», т. е. богиня - повитуха, такъ какъ она, изъ любви къ охраненію жизни и здоровья людей, покровительствуетъ также повивальнымъ бабкамъ и сама подчасъ не прочь отъ исправленія подобныхъ обязанностей. — За нею слѣдуетъ *Нишки-Пасъ*, богъ свѣта, живущій на небѣ, гдѣ онъ имѣетъ пчельникъ, населенный душами умершихъ. Какъ пчелы вьются вокругъ матки, такъ души добрыхъ людей вьются вокругъ Нишки-Паса. Далѣе слѣдуетъ *Верешки-Пасъ*, богъ земнаго общества людей, устроеннаго по образу небеснаго пчельника. Затѣмъ идетъ *Нишкинде-Тевляръ* — дѣвица Нишки, покровительница уже настоящихъ пчелъ, у которой есть свой пчельникъ на землѣ. Потомъ слѣдуютъ болѣе мелкіе безчисленные боги, какъ-то: *Кардо-сярко* — богъ скота, *Вирясъ* — богъ лѣса, *Юртосъ* — богъ домашній и проч., а за ними слѣдуютъ еще болѣе мелкіе добрые духи — *оскзы*.

Всѣмъ этимъ богамъ, и добрымъ и злымъ, и главнымъ и мелкимъ, мордвины совершали моленія и приносили жертвы, добрымъ — на открытыхъ поляхъ или дома, а злымъ — въ глухихъ мѣстахъ лѣсовъ, называемыхъ *Кереметями*.

Всѣхъ своихъ боговъ Мордва представляла въ видѣ незримыхъ и неизобразимыхъ духовъ, поэтому у нихъ не было ни истукановъ, ни идоловъ. Не смотря на это, по ихъ понятію, Чамъ - Пасъ, живущій на небесахъ, постоянно ходитъ въ баню мыться и обтирается тамъ особеннымъ чудодѣйственнымъ полотенцемъ. Точно также всѣ второстепенные боги имѣютъ способность дѣторожденія и часто похищаютъ къ себѣ на небо хорошенькихъ мордвонокъ. Вотъ какой былъ случай по одному старинному мордовскому преданію въ семействѣ одного мордвина.

Жила въ этомъ семействѣ дѣвка Сыржа. И красива была изъ себя, и работающая, и ноги толстыя какъ бревна, да какъ-то все не удавалось ей выйдти замужъ. Не то чтобы жениха не находилось, или родители не хотѣли отпустить отъ себя такую красавицу, а такъ ужъ, видно судьба ея была такая! Разъ приходитъ къ нимъ въ избу невѣдомый челоуѣкъ, съ лицомъ чернымъ, какъ уголь и съ глазами, сверкающими какъ горящія свѣчи. Послѣ оказалось, что это былъ *Пургине - Пасъ* — богъ грома. Хозяева приняли ласково неизвѣстнаго гостя и помѣстили его у себя въ избѣ. Тутъ скоро поправилась гостю дѣвка Сыржа, и онъ посватался за нее. Родители согласились что, дескать, засживаться ей въ дѣвкахъ! Стали праздновать свадьбу. Вначалѣ незнакомецъ - женихъ сидѣлъ смирно. Потомъ, вмѣстѣ съ прочими, подкутилъ, и пошелъ плясать: по лавкамъ, по столамъ, по скамьямъ, по палицамъ, по чашкамъ и по ложкамъ, — ужась овладѣвъ присутствующими и всѣ омертвѣли. Очнулись только тогда, когда ни Пургине-Паса, ни Сыржи уже не было въ домѣ — они унеслись на небо. Вотъ почему, когда случается гроза, мордва думаетъ, что это Пургине-Пасъ пляшетъ на небѣ по чашкамъ, по ложкамъ, по скамьямъ, по палицамъ, какъ онъ плясалъ на своей свадьбѣ предъ похищеніемъ Сыржи на небо, у ея родителей въ избѣ. Во время грозы, нѣкоторые изъ мордвиновъ и теперь еще выходятъ изъ домовъ на улицу, и, глядя на небо, поднимаютъ руки вверхъ и

кричатъ: «легцы легцы, ты чай наш!» т. е. легче, легче, ты, чай наш!

Моленія и жертвоприношенія богамъ у мордвы совершались общественныя и частныя. Общественныя моленія сопровождались вареніемъ медовой браги — пурѣ, приготовляемой на счетъ всей деревни, каждый разъ нѣсколькими дворами по очереди. Поэтому брага эта называлась *велимъ-бова* — мірское пиво. Въ жертву приносились разные животныя и каша, покупаемыя также на общій счетъ.

Жрецовъ наслѣдственныхъ не было. Они выбирались обыкновенно изъ среды стариковъ. Главный жрецъ назывался *возять*. Къ нему выбирались разные помощники: *ялбеды* — мясовщики, *кашангороды* — кашевары и проч.

Жертвоприношенія ихъ, кромѣ заклинанія животныхъ и варенія въ котлахъ, состояли также въ предложеніи богамъ разныхъ готовыхъ съѣстныхъ припасовъ. Напримѣръ, нальетъ «возять» ковшъ браги, или наложитъ чашку каши, поднимаетъ это кверху, и всѣ кричатъ за нимъ: «Чамъ-Пасъ, гляди, бери! Мастыръ - Пасъ, гляди - бери! Анге - Патий, гляди-бери!» и т. д. При этомъ возносились къ богамъ и разные просьбы, въ родѣ слѣдующихъ: «Чамъ - Пасъ, помилуй насъ! Анге - Патий - Пасъ, умоли за насъ, сохрани куръ, гусей и утокъ; Вирява - кормилецъ, спаси, сохрани насъ отъ лютыхъ звѣрей и злыхъ людей» и т. д.

Особенную роль играли при этихъ моленіяхъ — *штатовы* — восковыя свѣчи, согнутыя спиралью, и полотенца, которыми обматывались концы этихъ свѣчъ.

Нужно еще замѣтить, что каждому богу посвящалось для моленій свое время въ году; а такъ какъ боги эти, по ихъ спеціальностямъ и свойствамъ, были весьма различны, то и обряды ихъ на моленіяхъ также нѣсколько различались между собою. Такъ, при моленіяхъ богамъ женскаго пола жрецами и помощниками ихъ выбирались изъ

старухъ и даже дѣвицъ, да и вообще весь женскій полъ выдвигался въ этихъ случаяхъ на передній планъ.

Вотъ какъ изображается общая картина мордовскихъ моленій въ извѣстной пѣснѣ о «мурзѣ» московскомъ:

На горахъ то было, на горахъ, на Дятловыхъ,
Мордва своему богу молится,
Къ землѣ-матушкѣ на востокъ поклоняется...
Стоять у нихъ въ кругу бадья могучія,
Съ сусломъ сладкимъ бадья могучія,
Въ рукахъ держатъ ковши завѣтные,
Завѣтные ковши, больши набольшіе,
Хлѣбъ да соль на землѣ стоять,
Каша да ячница на рычагахъ висать.
Вода въ чанахъ кипить,
Въ ней говядину янберъ варить.

То, что оставалось отъ боговъ, т. е. всѣ приготовленные для нихъ припасы, частью дѣлились между всеми присутствующими поровну, а частью, по окончаніи моленій, истреблялись самими молящимися, которые наѣдались тутъ до сыта и напивались до пьяна.

Домашнія моленія совершались гораздо проще; жертва приносилась на шесткѣ, печкѣ или на загнеткѣ; она состояла большею частью изъ одной каши. — Изъ домашнихъ моленій особенными обрядами отличались только жертвоприношенія Кардось-сярко — богу скота. Если жертва ему приносилась на загнеткѣ печки, то хозяева дома растворяли настѣжъ двери изъ избы на дворъ, и, варя или жаря что нибудь на шесткѣ, обращались лицомъ къ растворенной двери и низко кланялись по направленію къ двору. Но для этого бога устраивался и особенный жертвенникъ. Посреди всякаго двора постоянно держали большой камень, называвшійся также «кардось-сярко». Когда рѣзали домашнюю скотину, то сливали кровь ея подъ этотъ камень, при чемъ молились о здоровьѣ скота. Совер-

шались также домашнія моленія и на гумнахъ, и на пчельникахъ, и т. д., смотря по специальностямъ боговъ.

Мордва молилась также солнцу и лунѣ, но жертвъ имъ не приносили.

Наконецъ, мордва поклонялась предкамъ — «атятъ». Вѣря въ загробную жизнь, мордвини думали, что умершіе продолжаютъ жить и на томъ свѣтѣ такъ же, какъ они жили на землѣ, то есть: пьютъ и ѣдятъ, работаютъ, заботятся о родственникахъ и проч. Поэтому мордва приносила на могилы своихъ родственниковъ разныя жертвы, стараясь тѣмъ умилостивить загробныхъ своихъ покровителей.

Принявши христіанство, мордва не отрѣшилась совсѣмъ отъ своихъ старинныхъ языческихъ вѣрованій, и частью перепутала ихъ съ новыми христіанскими понятіями, а христіанскихъ святыхъ перепутала съ языческими богами. Такъ, въ настоящее время, мордва молится слѣдующимъ образомъ: «Анге — Патая, мать Пресвятая Богородица, умоли за насъ, сохрани куръ, гусей и утокъ» и проч. Точно также въ день памяти Василя Великаго, совпадающій съ днемъ праздника ихъ старинному богу Таунсяго, мордва молится святителю: «Вельки Васял Таунсей, давай поросятъ черныхъ и бѣлыхъ какихъ самъ любишь.

Особеннымъ уваженіемъ у мордвы, какъ и у многихъ другихъ новокрещенныхъ инородцевъ, пользуются Св. Николай Чудотворецъ. Мордва приноситъ ему жертвы и называетъ «Николай-насъ, т. е. Николай-богъ». Въ день праздника Св. Николая Чудотворца, 6 декабря, мордвинъ собираетъ всю свою семью, зажигаетъ свѣчку, и кланяется передъ его иконой, съ хлѣбомъ и солью на рукахъ, и говоритъ: «Вотъ тебѣ большой хлѣбъ, дай больше добра, вотъ горшокъ каши, сколько крупинокъ, столько подай добра; — солоница соли, рыба голова, брага и вино: все на твое имя варили и жарили, больно отъ усердія съ чистымъ сердцемъ, — кланяемся тебѣ!»

Такимъ образомъ, мордва обоготворяетъ многихъ святыхъ, пере-

мѣшавъ ихъ отчасти съ своими языческими богами. Даже нѣкоторые изъ христіанскихъ дней, какъ напр. сочельникъ и великій четвертокъ олицетворяются ими и чествуются какъ святыя угодники.

Слѣды самыхъ моленій и жертвоприношеній языческихъ также до сихъ поръ сохранились у мордвы. Моленія эти и теперь совершаются ими, но лишь подъ русскимъ названіемъ *молянъ*. «Молянъ» мордовскіе совершаются нѣсколько разъ въ году, въ извѣстные, опредѣленные дни, каждое по своимъ обрядамъ и съ своими цѣлями. Вся разница нынѣшнихъ «молянъ» отъ старинныхъ языческихъ моленій заключается только въ томъ, что теперь молятся уже истинному Богу и православнымъ святымъ. Самые же обряды языческихъ моленій удержались на «молянахъ», хотя въ одномъ мѣстѣ—больше, въ другомъ—меньше. Вотъ образцы нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ мордовскихъ «молянъ».

Въ четвергъ, на Пасху, мордва съ блинами, яйцами, мясомъ, брагой и водкой выходятъ на гумна или въ овины, молится Богу о сохраненіи овиновъ отъ огня и о хлѣбородіи, при чемъ бросаютъ вверхъ яйца, обозначая этимъ, какой-бы высоты они желали своимъ хлѣбамъ. Въ заключеніе съѣдаютъ на мѣстѣ все принесенное.

Передъ Троицей, готовятъ на общій счетъ медовую брагу, — «великъ-бова», которую варятъ нѣсколько дворовъ по очереди каждый годъ. Въ самый же день праздника рѣжутъ и варятъ гдѣнибудь за селомъ быка или овцу, приобретенныхъ на общій счетъ. Сюда же привозятъ и часть медовой браги. Послѣ обѣдни выходятъ туда отъ cadaго дома по одному человѣку, всякій съ своимъ собственнымъ хлѣбомъ. Послѣ молитвы съ колѣнопреклоненіемъ, произнесенной вѣмънибудь изъ стариковъ объ урожаѣ, о здоровьѣ скота, о сохраненіи отъ пожаровъ, присутствующіе раздѣляютъ между собою моленое мясо и уходятъ. Къ вечеру мужчины и женщины сходятся въ назначенномъ мѣстѣ, гдѣ пивовары угощаютъ всѣхъ

приготовленною ими брагой. Праздникъ оканчивается пѣснями, пляскою и различными играми.

На Петровъ день совершаютъ «молянъ» — *петро-оскзъ* (Петръ-маленькій богъ) или *бабанъ-каша*. Въ этотъ день, на избранномъ мѣстѣ сходятся съ горшками каши. Ихъ ставятъ рядомъ и затѣмъ изъ cadaго берутъ по ложкѣ каши, которую всякій складываетъ въ корзину, сплетенную изъ прутьевъ. Наполнивъ корзину, поднимаютъ ее на дерево для того, чтобы хлѣба родились высоки, при чемъ молятъ также: «тихаго дождя, теплаго воздуха, хлѣба рожденія, скота умноженія». Затѣмъ, оставшаяся каша съѣдается на мѣстѣ.

Въ іюль мѣсяцѣ, въ новолуніе, молятся о здоровьѣ лошадей; при этомъ закалываютъ козла, а лошадей прогоняютъ чрезъ нарочно вырытый ровъ, въ которомъ расладывается огонь, добытый чрезъ треніе двухъ деревьевъ и называющійся *живымъ огнемъ*.

15 сентября совершается «молянъ» — *озимъ-туре*. Въ этотъ день сходятся около заветныхъ деревьевъ, устанавливаютъ бочку съ медовой брагой, прилѣпляютъ по краямъ ея зажженные восковыя свѣчи и произносятъ благодарственную молитву за благополучно оконченную уборку хлѣбовъ.

Въ Дмитріевскую субботу, передъ 26 октября, у мордвы бываетъ праздникъ «Жереметь». Тогда среди деревни ставятъ небольшой столбикъ, вблизи котораго устраивается часовня. Здѣсь, накануне «молянъ», варятъ медовую брагу, а въ самый день «молянъ» въ той же часовнѣ рѣжутъ и варятъ гуся. Затѣмъ начинается самый «молянъ». На столбъ ставятъ икону, зажигаютъ передъ нею свѣчу и просятъ Бога, *по своему обычаю*, о различныхъ милостяхъ, при чемъ поминаютъ усопшихъ родственниковъ. Послѣ молитвы входятъ въ часовню и, собравши тамъ со всѣхъ присутствующихъ деньги, употребленные на покупку меда и гуся, съѣдаютъ и выпиваютъ все приготовленное.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, около Казанской, справляютъ «молянъ» —

колдазь - оскэз, за здоровье скота, при чемъ привѣшиваютъ куданибудь сверху корзинки, наполненныя «чукурами» — трехугольными пирогами съ начинкою изъ молочной каши и съ другими съѣстными припасами.

Справляются «моляны» и на пчельникахъ, и на дворахъ, и въ избахъ, въ особенности «кардась - сярко» — богу домашняго скота, почти совсѣмъ обратившемуся теперь въ русскаго «сусѣдко». Нужно также замѣтить, что совершеніе всѣхъ «молянь» сопровождается пѣнствомъ, пѣснями, криками, ссорами и драками. Нѣсколько тише справляются православныя русскія праздники, изъ которыхъ также ни одинъ не проходитъ у мордвы безъ надлежащаго чествованія.

Помимо моленій мордва сохранила также множество другихъ старинныхъ языческихъ обрядовъ, которыми сопровождается у нихъ всякій случай въ жизни, начиная отъ рожденія человѣка и кончая его смертію. У мордвы и теперь, что ни случай, то особый обычай, и что ни обычай, то своего рода обрядъ, — и, кажется, нѣтъ суевѣрїе этого народа, до сихъ поръ еще любящаго жить вблизи лѣсовъ, уединенно отъ прочихъ племенъ. Недаромъ, почти всѣ мордовскіе обряды совершаются преимущественно женщинами.

Прежде всего особенныя обычая они соблюдаютъ при рожденіи человѣка. Такъ, мало обрусѣвшіе изъ мордвы, имѣютъ оригинальное обыкновеніе давать новорожденному имя, кромѣ христіанскаго, и свое мордовское, смотря, на примѣръ, по мѣсту, на которомъ находится во время нареченія младенца отецъ его. Если онъ ѣдетъ съ базара, то новорожденнаго называютъ «базаръ - га», т. е. базарная дорога; если онъ на гумнѣ, молотить хлѣбъ, то младенцу давали имя, «Тингай» или гумно, и т. д. Кромѣ того, по старинному обыкновенію, нѣкоторые даютъ новорожденнымъ имена птицъ, на примѣръ: «тырь - пыръ» (дикій голубь), и «тарай» (гусь) и т. д.

Но какое бы имя ни давалось младенцу, при этомъ непременно

присутствуютъ въ полномъ сборѣ близкіе родные и знакомые, являющіеся въ избу родильницы съ хлѣбомъ и солью.

Какъ только новорожденный получилъ имя, повивальная бабка, или старшая въ семействѣ женщина, беретъ ножъ и большой обрядовый хлѣбъ, нарочно на этотъ случай испеченный и называющійся *паба-кши* (бабій хлѣбъ). Хлѣбъ она кладетъ на столъ, а ножомъ обводитъ вокругъ младенца; потомъ такими же кругами обводитъ окна, двери, трубы и всѣ другія отверстія, находящіяся въ домѣ. Этимъ мордва думаетъ устранить новорожденнаго отъ вреднаго вліянія колдуна, летающаго въ воздухѣ. Затѣмъ бабка беретъ со стола хлѣбъ и отправляется съ нимъ подъ кожухъ просить Бога о висопсланіи здоровья, силы, долготѣтя и счастья новорожденному, послѣ чего разрѣзываетъ хлѣбъ на ломти, одѣляетъ ими посѣтителей, а на родильницу замахивается топоромъ, для отогнанія родильныхъ болѣзней.

При крещеніи, особенныхъ обрядовъ, собственно мордовскихъ, не совершается.

За то свадьбы мордовскія сопровождаются крайне оригинальными обрядами и обычаями. Языческая мордва допускала многоженство. Такъ, по одному преданію, встарину жилъ въ нынѣшней Нижегородской губерніи знатный мордвинъ, носившій, по мордовскому обыкновенію, птичье имя — Скворецъ. Онъ занимался скотоводствомъ и имѣлъ семнадцать женъ и семьдесятъ сыновей. Но большею частью имѣли по двѣ и по три жены. Точно также допускались у мордвы браки между родственниками, исключая ближайшихъ. Одовѣвшій супругъ могъ, на примѣръ, требовать свояченицу свою въ замужество. Вотъ какъ происходило дѣло въ такомъ случаѣ: зять, пришедши къ тестю, спрашивалъ: «содашь ли за меня *эной*» (свояченицу)? Если тестъ не соглашался и отвѣчалъ: «ашай», т. е. нѣтъ, то зять старался положить на столъ тайно принесенный имъ хлѣбъ, и если удавалось ему сдѣлать это и сказать: «вотъ ашаль (вотъ хлѣбъ

соль), войкъ» (береги мою эной), тогда онъ немедленно обращался въ бѣгство изъ дому тестя; за нимъ гнались и, если догоняли, начинали бить, если же онъ убѣгалъ благополучно, то тесть былъ уже обязанъ отдать за него вторую дочь свою. — Кромѣ того, имѣли право продавать своихъ женъ съ прижитыми дѣтьми и брать другихъ.

Браки между молодежью заключались или съ вѣдома родителей, или по ихъ инициативѣ по почину самой молодежи, безъ вѣдома родителей. Послѣдній родъ браковъ практикуется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и по настоящее время подъ названіемъ «самохотокъ» и «кражи невѣсты», *Самохотки*, или самокрутство, состоятъ въ томъ, что дѣвушка сама покидаетъ родительскій домъ и тайно обвѣнчивается съ возлюбленнымъ. Кража невѣсты болѣе сложный обычай. Онъ состоитъ въ томъ, что мордвинъ, потерявшій надежду выгодно жениться въ своей деревнѣ, подговариваетъ близкихъ товарищей отправиться съ нимъ на поиски невѣсты въ отдаленныя мордовскія селенія. Обыкновенно, рано утромъ, когда дѣвушки идутъ гурьбою на полевые работы, молодцы подѣзжаютъ къ избранному селенію. Поровнявшись съ дѣвушками, женихъ начинаетъ вглядываться въ нихъ, и запримѣтивъ красотку, указываетъ на нее товарищамъ. Молодцы тотчасъ схватываютъ ее и ввозятъ по окольнымъ дорогамъ въ густой сосѣдній лѣсъ. — Толпа таится въ лѣсу сутокъ двое или трое, уговариваютъ похищенную невѣсту полюбить жениха и получивъ, обыкновенно крайне дерзко, вынужденное согласіе, просятъ священника ближайшей деревни совершить брачный обрядъ. За похитителями снѣряжаются иногда погони изъ деревенской молодежи и происходятъ боевыя схватки, но дѣло, болшею частью, оканчивается попойкой и согласіемъ на бракъ. Вообще, тихіе трудолюбивые мордвинны болѣе склонны къ мирному рѣшенію дѣлъ и потому гораздо чаще заключали браки по первому способу, т. е. съ вѣдома родителей и по обоюдному согласію сторонъ.

Самый обрядъ вѣнчанія у языческой мордвы совершался гдѣнибудь въ глуши на берегу рѣки, или ручья, при чемъ произносились соотвѣтствующія случаю молитвы. Но, чтобы судить вообще о старинныхъ свадебныхъ мордовскихъ обрядахъ, для этого достаточно указать на тѣ обычаи, которые до сихъ поръ соблюдаются на мордовскихъ свадьбахъ. Вотъ какъ обыкновенно происходитъ теперь все дѣло, начиная отъ сватовства и кончая свадебнымъ пиромъ.

Выборъ невѣсты зависитъ теперь, болшею частью, отъ родителей жениха, и послѣдній никогда не противорѣчитъ ихъ волѣ. Женихъ долженъ внести за невѣсту калымъ или выкупъ, иногда до 100 рублей.

Засватанная дѣвица должна оставаться невѣстой годъ или болѣе и чѣмъ долше, тѣмъ болше ей почета и уваженія со стороны знакомыхъ. Женихъ же во весь этотъ промежутокъ времени, обязанъ навѣщать невѣсту въ недѣлю разъ, или въ двѣ недѣли разъ, или по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ, и каждый разъ привозить ей различные продукты, преимущественно меду, до одного пуда каждый разъ.

Дня за три до свадьбы, къ невѣстѣ пріѣзжаетъ ближайшій родственникъ жениха и объявляетъ ей о днѣ пріѣзда поѣзжанъ. Съ этой минуты мордовока начинаетъ плакать, прощаясь съ своею дѣвичьей жизнью, а поѣзжане начинаютъ готовить свадебные припасы къ свадебному торжеству.

Наканунѣ свадьбы поѣзжане отправляются къ невѣстѣ, но не входятъ въ домъ ея, а занимаютъ зимою нанятую для этого квартиру, а лѣтомъ останавливаются у околицы. — На другой день, рано утромъ они стучатся въ дверь избы, гдѣ живетъ невѣста; хозяинъ дома, и съ нимъ всѣ родственники невѣсты, открываютъ имъ дверь и впускаютъ въ избу, въ которой все уже приготовлено къ пиру: столъ уставленъ яствами и бутылками вина и медовой браги. Невѣста во

время закуски сидитъ покрытая краснымъ платкомъ. По данному знаку, отца или старшаго въ семействѣ, она встаетъ и уходитъ въ сѣни проститься въ послѣдній разъ съ своими подругами. Послѣ этого, лишь только покажется она снова въ дверяхъ комнаты, поѣзжане схватываютъ ее внезапно за руки, выносятъ изъ избы и сажаютъ на телѣгу.

Выѣхавъ со двора, поѣздъ, отправляющій невѣсту въ церковь для вѣнчанія, останавливается у воротъ, гдѣ дружка, съ послоннымъ ломтемъ хлѣба, съ ножомъ и кнутомъ, взятыми изъ дома жениха, обходитъ дворъ кругомъ три раза, начертывая ножомъ на землѣ кресты и размахивая кнутомъ въ воздухѣ, для отраженія вражескихъ козней.— Въ церкви дружка иногда стоитъ также съ кнутомъ, какъ бы охраняя безопасность невѣсты.

Послѣ церковнаго обряда, ведутъ невѣсту на рѣку, гдѣ она, поднявъ руки вверхъ, кланяется водѣ троекратно, а одинъ изъ мужчинъ держитъ на блюдѣ хлѣбъ, и отламывая отъ него кусочки, бросаетъ ихъ въ воду; въ это время всѣ присутствующіе становятся на колѣни и кланяются трижды на сѣверную сторону. Потомъ, изъ дома жениха приносятъ ушатъ немного налитый водою, дополняютъ его изъ рѣки, ставятъ тутъ же—на берегу,—и начинаютъ плясать вокругъ ушата, послѣ чего отсылаютъ его обратно въ домъ жениха, вмѣстѣ въ водою, которую употребляютъ въ послѣдствіи для варенія всякой пищи.

По оканчаніи брачныхъ обрядовъ на рѣкѣ, молодую везутъ въ домъ мужа, и телѣгу, въ которой она пріѣхала, свимаютъ съ передковъ и осыпаютъ хмѣлемъ.— Молодыхъ встрѣчаютъ родственники съ хлѣбомъ и солью, усаживаютъ въ передній уголъ, и начинается угощеніе.

На другой день послѣ брака, молодыхъ выводятъ въ сѣни или на дворъ, гдѣ всѣ гости съ пѣнями и пляскою обходятъ вокругъ двухъ ведеръ, наполненныхъ водою. Затѣмъ молодая вноситъ эти ведра

на коромыслѣ въ избу. Здѣсь дружка, или кабая нибудь старуха встрѣчаетъ молодую и ударяетъ ее по головѣ караваемъ хлѣба, приговаривая: «да будешь ты *мазай*, или *тезай*, или *тетай*» и. т. под. Эти названія служатъ ей собственно мордовскимъ именемъ, которымъ съ того времени называютъ ее всѣ младшіе члены семьи; старшіе же продолжаютъ и послѣ того называть молодую *рвения* (невѣста). Именъ, даваемыхъ дружками новобрачнымъ, множество, и всѣ эти имена намекаютъ обыкновенно на нравственныя качества молодой.

Брачныя узны у мордвы весьма крѣпки и чисты. Нравственность дѣвушекъ также можно назвать высоко-развитою.

Всего больше старинныхъ языческихъ обрядовъ и обычаевъ мордва удержала при погребеніи своихъ умершихъ и при поминовеніи ихъ. Въ этомъ случаѣ довольно полно сохранились даже самыя понятія ихъ о загробной жизни. Вѣрованія эти, какъ упомянуто было выше, состоятъ въ томъ, что умершіе продолжаютъ жить и на томъ свѣтѣ такъ же, какъ они жили и на землѣ, съ тою лишь разницею, что сами умершіе не могутъ добывать себѣ ни пищи, ни питья, ни одежды, поэтому на потомкахъ ихъ лежитъ обязанность позаботиться о доставленіи всяческихъ удобствъ къ жизни своимъ покойникамъ. Къ тому же приводило ихъ и то убѣжденіе, что умершіе, съ своей стороны, продолжаютъ также заботиться о своихъ живыхъ родственникахъ и въ особенности щедро платятъ тѣмъ, кто заботится о нихъ. Такимъ образомъ, услуги здѣсь обоюдныя. На этихъ вѣрованіяхъ и основываются всѣ обряды и обычаи мордвы при погребеніи и поминовеніи умершихъ. Обычай эти состоятъ въ слѣдующемъ.

Прежде всего, въ знакъ того, что смерть сразила въ домѣ человека, мордвина рѣжутъ курицу, которую послѣ варятъ и съѣдаютъ.

Услыхавъ о смерти мордвина или мордовки, приходятъ и посторонніе посѣтители, которые также приносятъ съ собою разные съѣст-

ные припасы. Войдя въ избу, гдѣ лежитъ покойникъ, они отвѣшиваютъ ему три поклона, пищу кладутъ на брусъ, и затѣмъ высказываютъ пожеланіе царства небснаго умершему. Велѣдъ за этимъ женщины поднимаютъ дикій вопль, обглаживая усопшаго съ головы до ногъ своими руками. Въ избыткѣ скорби, осиротѣлыя дочери, даже замужня, имѣютъ обыкновеніе царапать щеки свои ногтями.

Покойника мужчину одѣваютъ по верхъ нижняго бѣлья въ zipунъ, а на женщину надѣваютъ только рубаху, даже не опоясывая ее поясомъ, который вкладывается въ руки покойницѣ.

На окнѣ, ближайшемъ къ покойнику, выставляютъ любимые предметы послѣдняго: водку, трубку, или табакерку съ табакомъ и нѣсколько мѣдныхъ монетъ. По ученію мордвы, деньги нужны покойнику на табакъ, на водку, а также на переправу черезъ рѣку, протекающую на пути къ раю. Если ктонибудь изъ постороннихъ приноситъ для покойника монету, то старуха мордовка скоблитъ ее ножомъ, приговаривая умершему: «вотъ тебѣ (такой-то) принесъ денегъ, чтобы тебѣ на томъ свѣтѣ отъ смерти откупиться, по базарамъ ходить, все нужное купить и знакомыхъ не забывать, а вмѣстѣ съ ними тамъ пить и гулять».

Прежде чѣмъ положить покойника въ гробъ, одна изъ женщинъ три раза обводитъ (*по солнцу*) внутри гроба зажевною свѣчей, съ желаніемъ умершему вѣчнаго свѣта и теплоты, безконечной радости и веселья. Нѣкоторые же настилаютъ въ гробъ шерсти и окуриваютъ его ладономъ, вѣруя, что отъ этого покойнику будетъ мягко и тепло, весело и пріятно.

Въ гробу прорѣзываютъ отверстія или окна, съ одной стороны для того, чтобы было умершему освѣтлѣе и не такъ душно, а съ другой стороны для того, чтобы онъ могъ черезъ эти окна имѣть сношенія съ живыми родственниками.—Вмѣстѣ съ умершимъ кладутъ въ гробъ трубку, сосудъ съ водкою (до которой мордва охотники), чтонибудь изъ съѣтнаго, — рабочіе инструменты и какую

нибудь монету. На голову покойнику надѣваютъ шапку, чтобы въ будущей жизни онъ не озябъ отъ холода или не заболѣлъ отъ зноя; а въ руки ему даютъ платокъ или кусокъ холста, какъ запасъ для смѣны одежды. Если умершій былъ старикъ, то вмѣстѣ съ нимъ, сверхъ всего сказаннаго, кладутъ въ гробъ еще яйца, лепешки и орѣхи; это гостинецъ, посылаемый съ нимъ прежде умершимъ дѣтямъ и внучатамъ его.

По выносѣ гроба, оставшіяся въ избѣ женщины убираютъ подстилку, лежавшую подъ умершимъ, и, вымывъ лавку, кладутъ на то мѣсто, гдѣ лежалъ покойникъ, косарь или топоръ. Этимъ орудіемъ мордвини думаютъ устрашить смерть, чтобы, видя это, она не смѣла на будущее время войти въ осиротѣлое семейство. Затѣмъ, женщины выметають соръ, накопившійся въ избѣ со времени кончины усопшаго, поспѣшно складываютъ его въ корзины, берутъ затѣмъ немного блиновъ, яицъ и пирожковъ,—и со всѣмъ этимъ выходятъ на улицу, по дальше отъ двора; здѣсь бросаютъ соръ, закусываютъ, а потомъ молятся и кланяются въ слѣдъ покойнику, желая ему благъ въ будущей жизни, послѣ чего возвращаются домой.

Щепы отъ гроба считаются заразительными, и потому также складываются въ корзины и относятся далеко за деревню. Оттого вокругъ мордовскихъ деревень можно встрѣтить иногда кучи корзины съ щепами.

Хоропятъ мордвини своихъ покойниковъ въ отдаленіи отъ жилищъ мѣстѣ, верстахъ въ двухъ или болѣе, для того, чтобы пѣтухъ въ ночное время своимъ пѣніемъ не нарушалъ ихъ спокойствія.—По зарытіи умершаго въ землю, одна изъ почетныхъ старухъ кладетъ на могилу по кусочку разныхъ съѣтныхъ припасовъ, прося покойника поѣсть, и льетъ туда нѣсколько браги для утоленія его жажды.

Похороны кончаются пиромъ, пѣснями, а подчасъ и пляскою. Но покойника все таки не забываютъ. Спустя нѣсколько времени лѣтомъ, при уборкѣ хлѣбовъ, мордвини оставляютъ на полѣ неболь-

шой доскутокъ несжатаго хлѣба: это опять для продовольствія умершаго.

Вообще поминовение умершихъ совершается у мордвы очень часто. Но особенными обрядами и обычаями сопровождается у нихъ поминовение въ сороковой день. Вотъ какъ это происходитъ.

Всю ночь, предшествующую поминкамъ, мордовки занимаются чисткою и уборкою избы, постоянно приговаривая: «аляй сай, сюци саманъ» (отецъ придетъ, поборанить насъ). — На слѣдующій день, рано утромъ, одинъ изъ родныхъ, обыкновенно свертникъ умершаго, уходитъ на кладбище. . . . Остальные же домашніе отправляются всѣ на дворъ, гдѣ ожидаетъ своей печальной участи — быкъ, обреченный для поминокъ. Животному дѣлаютъ поясной поклонъ, а женщины, сверхъ того, набрасываютъ на рога платокъ или холстъ, затѣмъ поднимаютъ плачь, кланяясь быку въ ноги. Быкъ, приведенный на закланіе, служитъ у нихъ образомъ умирающаго человѣка. Оплаканный такимъ образомъ быкъ, закалывается ближайшимъ родственникомъ покойника и варится въ котлѣ съ простою водою. Кожа, снятая съ быка, послѣ поминокъ продается и на вырученныя деньги покупается котель для браги; котель этотъ называется *стариковымъ*.

Послѣ закалыванія быка, идутъ въ избу, гдѣ одни принимаютъ готовить обѣдъ ожидаемому дорогому гостю, а другіе разстилаютъ на лавкѣ, въ переднемъ углу, верхнюю и нижнюю одежду, оставшуюся отъ поминаемаго умершаго. Одежду располагаютъ такъ, чтобы она, по возможности, напоминала человѣческую фигуру. Въ часть одежды, соответствующую груди, вставляютъ восковую свѣчу, свернутую спирально, зажженную съ одного конца и обернутую съ другаго — полотенцемъ. Около описаннаго изображенія покойника, поближе къ иконамъ, кладутъ рубашку, лапти и балахонъ. Все это назначается для мѣны платья покойнику. На окнѣ стоитъ штофъ водки, лежитъ блинъ, трубка, или табакерка съ табакомъ и нѣсколько

монетъ; на столѣ — чашка съ мясомъ, пироги, котель медовой браги. Приготовивъ все это, какъ слѣдуетъ, вдоволь наплакавшись надъ изображеніемъ покойника, сынъ или близкій родственникъ послѣдняго подноситъ всѣмъ присутствующимъ по стакану водки или браги, и уговариваетъ ихъ сходить за самимъ умершимъ. Гости низко кланяются, забираютъ обрядовыя одежды, и съ воплемъ и плачемъ выступаютъ въ походъ.

Добравшись до могилы, всѣ падаютъ на нее, цѣлуютъ землю и выкликаютъ умершаго. Подсланный сюда съ ранняго утра мордвинъ не долго заставляетъ ждать себя, и на первый же призывъ появляется между плачущими родственниками. Все общество съ шумомъ и крикомъ бросается къ нему, одѣваютъ его въ принесенную одежду, и, взявши его подъ руки, приводятъ въ деревню.

Гостя вводятъ въ сѣни и тамъ вручаютъ ему зажженую свѣчу. Затѣмъ растворяются двери избы, всѣ кланяются порогу, и мнимому умершаго съ почетомъ ведутъ въ избу, гдѣ и усаживаютъ его въ передній уголъ.

Хозяинъ или хозяйка подноситъ мнимому покойнику по стакану водки и браги, и пока онъ пьетъ, всѣ стоятъ передъ нимъ на одномъ колѣнѣ, наклонивъ головы и опираясь рукою о полъ. Угостивъ мнимаго загробнаго гостя, хозяева угощаютъ тѣми же напитками и всѣхъ присутствующихъ при церемоніи.

Во время этого угощенія, гости по очереди подходятъ къ *живому покойнику*, подобострастно раскланиваются передъ нимъ и начинаютъ разспрашивать о житьѣ-бытьѣ на томъ свѣтѣ. Воображаемый пришлецъ съ того свѣта подноситъ каждому по стакану вина и передаетъ вѣсти о родныхъ и знакомыхъ его, въ родѣ слѣдующаго: «вашъ промотался, вашъ разводитъ пчель, вашъ пьянствуетъ, а вашъ пошелъ на поправку», и т. под.

Послѣ сытнаго обѣда, слѣдуетъ оплакиваніе мнимаго покойника. Зажигаютъ и ставятъ на свѣтецъ свѣчу, передъ нею становятся

женщины и начинают плакать о гостѣ, съ желаніемъ ему такого свѣта, какой распространяется въ избѣ отъ горящей свѣчи. По окончаніи этой церемоніи, общество провожаетъ гостя во свояси.

Придя на кладбище, съ него снимають одежду, послѣ чего много-умершій уже лишается своего званія и наряда, и съ прочими усаживается тутъ за принесенныя яства. Здѣсь часть съѣстныхъ припасовъ снова откладывается на могилу, для угощенія уже настоящаго покойника; въ подарокъ ему же одна изъ женщинъ скоблитъ ножемъ мѣдную монету, кланяясь и приговаривая, что «дарить покойника ста рублями и серебромъ». Мужчины-же, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, кладутъ на нѣсколько минутъ свои трубки и табакерки на могилу покойника, также для угощенія его.

Затѣмъ слѣдуетъ прощаніе съ умершимъ. Отошедши на нѣсколько сажень отъ могилы покойника, поминающіе останавливаются и льютъ на землю немного водки и браги. Это значитъ, что покойникъ, провожая своихъ гостей, какъ бы распиваетъ съ ними на этомъ мѣстѣ послѣдній стаканъ вина или браги. Послѣ этого обращаются къ покойнику съ слѣдующими словами: «теперь болѣе уже къ намъ не ходи: твой пиръ конченъ! Ступай, живи въ своемъ мѣстѣ; но когда придетъ праздникъ, опять милости просимъ, — ну прощай!» Вслѣдъ за этими словами, всѣ присутствующіе опрометью бросаются въ деревню. Около избы происходитъ толкотня и давка въ полномъ смыслѣ, въ силу слѣдующаго мордовскаго повѣрья: кто съ проводовъ покойника возвратится прежде, тотъ проживетъ долго, а кто — послѣ, тотъ скоро самъ умереть.

По возвращеніи съ кладбища, начинается повальная попойка, продолжающаяся до утра слѣдующаго дня.

Повѣрьями и разными примѣтами мордва также весьма богата. Мордвинны не дѣлають почти ни одного шага безъ того, чтобы не посоветоваться предварительно съ какою нибудь примѣтою. Родится ли ребенокъ, вступаетъ ли въ бракъ дочь или сынъ, заболѣлъ ли кто и

проч., на всякій случай въ жизни у нихъ есть своя особенная примѣта. Такъ, если родится ребенокъ съ круглою плѣшиною на темени, то это означаетъ, что онъ проживетъ долго; если упадетъ одна изъ свѣчей, которыя мордовка налѣпляетъ на лопату, сажая въ печку особенный брачный хлѣбъ, то это будетъ означать, что одинъ изъ супруговъ скоро умереть; если опяхать ночью всю деревню сохою, то прекратится падежъ скота, и т. д. и т. д.

Мордвинны лечатся отъ болѣзней преимущественно у колдуновъ и ворожей, которыхъ бываетъ у нихъ множество. Въ особенности славятся своимъ искусствомъ и магическою силою мордовки ворожен и мордва — пчелиницы, къ которымъ и русскіе пріѣзжаютъ за совѣтами и иногда за десятки верстъ. Все ихъ искусство состоитъ, обыкновенно, изъ различныхъ умываній и наговоровъ на пиво, на водкѣ и проч.

Но особенно замѣчательны ихъ *заговоры ружья*. Мордвинны вѣрятъ, что колдуны могутъ заговаривать ружья такъ, что сколько ни стрѣляй — ружье не выстрѣлитъ. Для того, чтобы оно выстрѣлило, нужно взять пять дробинъ и пять волосковъ щетины, раскусить дробины и вправить въ нихъ щетину. Если зарядить ружье такими дробинами, то ужъ никто не можетъ заговорить выстрѣла.

Изъ другихъ суевѣрій можно упомянуть еще о слѣдующихъ. Солнечное и лунное затмѣніе приписываютъ дѣйствию злаго духа, чтобы въ темнотѣ удобяѣе ловить въ свои сѣти христіанъ. Падающія звѣзды считаются за огненныхъ змѣй и демоновъ, которые будто бы вселяются въ людей и дѣлають ихъ бѣснующимися и кликушами. Кто родится въ пасмурный день тотъ будетъ богатъ. Во время предсмертныхъ конвульсій ставится на окно сосудъ съ водою, предполагая, что душа, выйдя изъ тѣла, непременно должна обмыться.

При лихорадкѣ подъ подушку больнаго кладутъ лошадиную голову или носятъ на шеѣ кожу змѣи, ужа и летучей мыши. Чесотку

лечать высѣкая огонь изъ кремня передъ ранами или намазываютъ тѣло сѣрой съ кислотою сметаной.

Игры мордва справляетъ почти тѣже, что и русскіе. Такъ, зимою устраиваютъ въ избахъ *посидѣлки*, на которыхъ дѣвицы прядутъ ленъ, а парни пляшутъ и играютъ на балалайкахъ или гармоніяхъ. На *святкахъ* наряжаются, ворожатъ, гадаютъ и проч., какъ и русскіе.

Весною по вечерамъ молодежь устраиваетъ на площадяхъ деревень хоробы, съ пѣснями, а старики въ это время выходятъ на заваленки и оттуда любятъ на забавы молодого поколѣнія. Послѣ Троицы дѣвицы провожаютъ русалку. По всей вѣроятности, этотъ обычай есть остатокъ отъ стариннаго мордовскаго празднества въ честь богини Анге - Патий. Мордовки наряжаютъ тутъ когонибудь лошадью, подвѣшиваютъ подъ шею колокольчикъ, сажаютъ верхомъ мальчика и ведутъ лошадь подъ уздцы въ поле. Сзади слѣдуетъ хорободъ съ пѣснями. Въ полѣ, наряженная лошадь разоблачается также съ разными пѣснями въ родѣ слѣдующей:

Тевтырь іоносъ татьянась,
Мѣздя паро сонъ?
Палипинза мазынить,
Ожания кувакать.
Сѣльми панза раужать.

т. е. «Дѣвка хорошая Татьяна, — а почему она хороша? Потому что рубашечка на ней красивенькая, рукавчики у ней долженькіе, глазки у ней черненькіе».

Веселость одна изъ отличительныхъ чертъ мордвы. И въ радости, и въ горѣ, и возвращаясь съ полевыхъ работъ, мордовки почти постоянно ходятъ съ пѣснями — Всѣ пѣсни ихъ, обыкновенно риемованныя, но напѣвы — заунывные, монотонные, даже непріятные. Вообще мордва, хотя и страстно любитъ пѣть, — племя все-таки не пѣвучее.

Смыслъ ихъ пѣсень весьма различенъ. Выше было уже приведено содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Кромѣ этихъ извѣстныхъ намъ пѣсень, у мордвы есть еще нѣсколько про рекрутчину, про любовь матери, расстающейся съ *сердечнымъ сыномъ*, есть и плясовые и колыбельныя; а въ особенности много у нихъ пѣсень про старыхъ злыхъ женъ, вѣчно замышляющихъ душегубство и изводящихъ отравой своихъ мужей. Значеніе послѣднихъ до сихъ поръ не выяснено надлежащимъ образомъ.

Въ заключеніе можно сказать, что мордва надѣлена отъ природы хорошими умственными способностями, имѣетъ острую память и довольно здраво судить о предметахъ серьезныхъ, но всѣ способности еще находятся въ младенчествѣ и требуютъ развитія, будучи подавлены различными заблужденіями и предрассудками.

ХИ. ВОТЯКИ.

Характеръ и бытъ.

Лучшую, полуденную, хлѣбородную и лѣсную часть Вятской губерніи занимаетъ самобытное и многочисленное племя *вотяки*, или, какъ ихъ называли наши предки-славяне «Чудь бѣлоглазая,» иначе «Воть.»

Кромѣ юговосточной части Вятской губерніи, племя это встрѣчается еще, хотя и въ меньшемъ числѣ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Пермской и Казанской губерній; такъ что общее чило вотяковъ достигаетъ цифры—235,000 душъ.

Откуда пришли вотяки на рѣку Вятку и какъ произошло самое названіе ихъ—до сихъ поръ неизвѣстно съ достовѣрностью. «Нѣтъ ничего въ русской исторіи темнѣ судьбы Вятки и земли ея», замѣчаетъ историкъ Костомаровъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій. Несомнѣнно только то, что вотяки принадлежатъ къ финскому племени и вмѣстѣ съ зырянами и пермяками составляютъ особую, такъ называемую пермскую вѣтвь его.

Что же касается до происхожденія вотяковъ, то одни ученые указываютъ на Алтай и при-енисейскую страну, какъ на первоначальную родину вотяковъ, гдѣ будто бы еще въ прошломъ столѣтіи встрѣчались остатки этого племени, называвшагося тамъ также «вотью», или по татарски «Ари», что значить—пчелы. Другіе же ученые видятъ родину вотяковъ въ нынѣшней Петербургской губерніи, гдѣ, во времена новгородской независимости, дѣйствительно существовало племя «воть», подчинявшееся Новгороду. Но, во всякомъ случаѣ, остаются неизвѣстными, какъ причины, такъ и время переселенія вотяковъ на р. Вятку. Только съ конца XII вѣка начинаютъ встрѣчаться въ нашихъ лѣтописяхъ болѣе или менѣе опредѣленные указанія на вотяковъ. Къ этому времени относится первое появленіе на р. Вяткѣ новгородскихъ «ушкунниковъ», встрѣтившихъ тамъ уже многочисленное вотское племя. Занимаясь въ то время преимущественно звѣроловствомъ и живя въ городкахъ, обнесенныхъ земляными насыпями и валами, вотяки дали сильный отпоръ смѣлымъ новгородскимъ завоевателямъ и долго сопротивлялись ихъ власти. Но въ концѣ концовъ, утративши воинственный духъ, вотяки должны были уступить мѣсто новгородскимъ пришельцамъ и малу по малу отошли въ глухіе вятскіе лѣса.

Съ распространеніемъ по р. Вяткѣ русской культуры, вотяки постепенно осваивались съ ея началами и въ послѣдствіи приняли много русскихъ обычаевъ, возрѣній и вѣрованій. Но и до сихъ поръ вотяки сохранили много чисто самобытныхъ чертъ, весьма характеристичныхъ и крайне устойчивыхъ, съ которыми еще и по сіе время приходится считаться русскому вліянію.

Одна изъ этихъ самобытныхъ чертъ до сихъ поръ сохраняется въ наружности вотяка. Между всѣми вотяками существуетъ удивительное сходство; нѣкоторые находятъ даже, что одинъ вотякъ походитъ на другаго, какъ двѣ капли воды.

Почти всѣ вотяки росту средняго, даже малаго, въ сравненіи съ

русскими. Цвѣтъ лица ихъ смугло-красноватый; волосы большею частью рыжіе, или совсѣмъ бѣлые, курчавые, или стоящіе снопомъ и почти никогда нечесанные. Голова круглая или угловатая. Глаза голубые или свѣтло-сѣрые, поделѣповатые; носъ небольшой, курносый. Скулы выдавшіяся, щеки впалыя; лобъ небольшой и сильно опрокинутый назадъ; борода маленькая, рѣдкая, рыжеватая. Станъ вотяка приземистый, на тощихъ ногахъ.

Одежда вотяковъ гораздо проще вышеописанныхъ другихъ народовъ. Мужчины носятъ родъ сѣраго армяка до колѣнъ, подпоясанный ремнемъ или шерстянымъ кушакомъ. Къ ремню прикрѣпляются ножны для ножа въ 6 вершковъ длины и желѣзная скобка для владыванія топора. Исподнее платье: холщевая бѣлая рубашка и шаравары. На ногахъ сапоги, а обыкновенно онучи и лапти, съ заостренными носками. Последнее довольно характеристично, какъ и вообще особенное обращеніе ими вниманія на содержаніе въ чистомъ видѣ исключительно ногъ и обуви, въ противоположность тѣлу и одеждѣ. На головѣ они носятъ разныя шапки: войлочную, какъ татары, или отороченную мѣхомъ, или наконецъ какой-то отрѣзокъ отъ рукава, надѣтый на голову и сверху зашитый, безъ козырька и околыша.

Зимою они носятъ подъ армякомъ овчинный полушубокъ и обертываютъ шею короткимъ чернымъ полотенцемъ.

Женщины одѣваются въ родѣ лѣсныхъ, луговыхъ черемисокъ, обшивая зипунъ по подолу и на концѣ рукавовъ красною лентою. Непремѣнная принадлежность ихъ наряда — передникъ ярко-краснаго цвѣта съ разными болѣе или менѣе прихотливыми рисунками. На шею онѣ надѣваютъ ожерелье изъ крупныхъ монетъ; серьги подобныя черемисскимъ. Вообще же у вотяковъ менѣе металлическихъ украшеній, нежели у другихъ финскихъ народовъ. На головѣ, вотяки носятъ, что-то въ родѣ тохьи или тибетейки, либо платокъ, повязанный передними и задними концами назадъ, или наконецъ надѣваютъ родъ шишака подъ названіемъ айшонъ, вышиною

$\frac{3}{4}$ аршина, унизанный спереди и сзади мелкою серебряною монетою, либо оловянными бляхами. Еще замѣчательно, что онѣ волосы на вискахъ завиваются буглями, спуская ихъ по бокамъ въ видѣ гирекъ.

Вообразите себѣ такого человѣка, вѣчно съ короткою, въ вершокъ, трубкою въ зубахъ — и вы будете имѣть предъ собою истаго вотяка, неповоротливаго, съ нѣкоторою угловатостью въ движеніяхъ, нѣсколько простодушнаго и въ то-же время наивно-лукаваго, крайне недовѣрчиваго и любящаго селиться уединенно, въ глуши лѣсовъ и вдали отъ людныхъ селеній.

Всѣ они очень нечистоплотны, а умственное ихъ развитіе стоитъ ниже черемисъ и чувашъ. Ихъ однообразная жизнь, скудная физическія силы, отсутствіе всякаго стремленія, ихъ робость, соединенная съ нѣкоторою хитростію и упорствомъ, отпечатываютъ вотяка съ точки зрѣнія самаго низкаго развитія, на измѣненіе чего и христіанство не имѣло ни малѣйшаго вліянія; но нельзя отвергнуть, чтобы они лишены были способности перенимать отъ другихъ. Вотяки, проживая постоянно въ сосѣдствѣ черемисъ, переняли отъ нихъ способъ построенія избъ и многое изъ ихъ жизни. Народомъ этимъ никто не занимался, онъ вѣчно былъ въ угнетеніи, и потому неудивительно, что не подвинулся впередъ ни на шагъ съ тѣхъ поръ, какъ усвоилъ себѣ способность выражаться. Разъ установившіяся понятія переходили отъ отца къ сыну безъ всякихъ усовершенствованій, и потому жизнь ихъ вращается въ еще болѣе узкой рамкѣ, сравнительно съ другими народами. Нѣкоторые изъ угловатыхъ дѣлъ весьма хорошо обрисовываютъ характеръ и нравъ вотяковъ. Такъ, лѣтъ 30 тому назадъ, было такое дѣло, гдѣ нѣсколько татаръ Агрызской волости Вятской губерніи, ограбили среди бѣлаго дня вотскую деревню, въ присутствіи населенія въ нѣсколько сотъ душъ. Когда уже и слѣдъ воровъ простылъ, деревня сознала, что ее обокрали. Поѣхала погоня, но уже было поздно. Другія дѣла возникали, когда вотякъ, съ досады на сосѣда,

распарывалъ себѣ брюхо, у него на дворѣ. Такое дѣйствіе называется тащить сухую бѣду и встрѣчается донынѣ.

Живутъ вотяки деревнями, дворовъ въ 15 или 30. Вотяцкую деревню можно съ перваго взгляда отличить по чрезвычайно безтолковому расположенію домовъ. Избы стоятъ въ такомъ безпорядкѣ, что одна изба упирается часто заднимъ угломъ въ переднюю стѣну сосѣдней избы, или-же одна стоитъ бокомъ къ задней стѣнѣ другой, а то такъ — двѣ сосѣднія избы смотрятъ лицомъ совсѣмъ въ противоположныя стороны и, обыкновенно, разными задворками и закоулками можно проѣхать всю вотяцкую деревню.

Каждый домъ раздѣляется на двѣ половины, съ сѣнями по срединѣ. Въ одной изъ половинокъ они проводятъ зиму. Въ домахъ большею частію по одному окну со стеклами; другія, если есть, то волоковыя, т. е. закрывающіяся подвижною внутреннею ставнею, или же они затянута пузыремъ. Въ теплой половинѣ избы устроены нары аршина два съ половиною въ поперечникѣ, и на нихъ лежатъ подушки, перины, войлокъ и прочая постельная и всегда грязная принадлежность. Кругомъ по стѣнамъ лавки. Въ одномъ изъ угловъ стоитъ столъ, на немъ лежитъ всегда хлѣбъ завернутый въ грязную скатерть и жбанъ съ ковшомъ. Каждый входящій можетъ ѣсть и пить, сколько кому угодно. Зимой всѣ спятъ въ повалку на полу, при самой душливой атмосферѣ, среди телятъ, козлятъ, птицъ и всякой твари. Грязь, нечистота, смрадъ поразительны, въ особенности если все это помѣщается, кромѣ того, въ курныхъ избахъ, но не въ бѣлыхъ, которыхъ весьма мало. Съ другой стороны сѣней находится подобная же комната, холодная половина, для храненія разнаго скарба. Дворъ обнесенъ заборомъ полъ названіемъ озборъ. Внутри него ставятся, по мѣрѣ необходимости, шалаши подъ названіемъ чумъ; число ихъ, по потребности семейства, увеличивается до тѣхъ поръ, пока есть мѣсто внутри, и потому такой дворъ, озборъ,

представляетъ одинаковый безпорядокъ расположенія построекъ, какъ и самая деревня.

Но все это не мѣшаетъ вотякамъ-односельчанамъ жить въ полнѣйшемъ согласіи между собою. Они тѣсно жмутся другъ къ другу, и общественность у нихъ сильно развита. Почти всякое, хотя-бы совсѣмъ пустынное дѣло, но мало-мальски касающееся всей деревни, они любятъ обсудить сообща, вслѣдствіе чего «кенешъ» (т. е. сходки) бывають у нихъ постоянно: даже по поводу опредѣленія времени, когда приниматься за посѣвъ яроваго, или когда начинать косить траву, а то такъ просто — по случаю устройства какого-нибудь праздника и выбора мѣста, гдѣ должно происходить назначенное торжество.

Такое тѣсное общеніе между вотяками есть, безъ сомнѣнія, слѣдъ прежняго родового ихъ быта. И до сихъ поръ еще почти въ каждой вотяцкой деревнѣ всѣ сельчане находятся другъ съ другомъ въ родствѣ, хотя-бы и въ дальнемъ.

Эта-же замкнутость въ самихъ себѣ можетъ быть и служить причиною недовѣрчивости вотяковъ ко всякому постороннему лицу и ихъ скрытности. Вотяки никогда не выдадутъ своего односельчанина, хотя-бы совершенный имъ проступокъ касался совершенно частнаго лица. На всѣ допросы въ этомъ случаѣ всѣ вотяки будутъ въ одинъ голосъ отвѣчать: «наша ничаво нѣтъ», и больше не добьетесь отъ нихъ ничего. Болтливыхъ-же на этотъ счетъ людей они называютъ «кушъ-тонъ», т. е. бросовыми, негодными для жизни въ обществѣ. Впрочемъ, недовѣрчивость ихъ значительно смягчается мягкостью характера; иногда достаточно одного ласково сказаннаго словечка, въ родѣ наприимѣръ: «уромушка», чтобы расположить къ себѣ вотяка совершенно.

Любовь вотяковъ къ общенію между собою обнаруживается въ особенности въ ихъ семейномъ быту. У нихъ очень рѣдки примѣры раздѣловъ; у нихъ одна только тѣснота избы заставляетъ се-

мейство расходиться по разным избамъ, но никакъ не дѣлиться. Когда въ одной избѣ нѣтъ возможности жить всему семейству, тогда на одномъ-же дворѣ вотяки ставятъ другую избу, куда и уходятъ одна половина семьи; но все-таки у нея остается одинъ главный хозяинъ. Хозяиномъ этимъ бываетъ: или старшій членъ семейства, или тотъ изъ младшихъ членовъ, которому, по общему согласію всей семьи, ввѣряется главное управленіе домою. И пусть это будетъ племянникъ, внукъ, даже приемышъ родоначальника — распоряженіямъ его подчиняются всѣ беспрекословно.

Такимъ образомъ, у вотяковъ вовсе не рѣдкость встрѣтить въ домоу семью человекъ въ 20 или 30. За исключеніемъ стариковъ, дѣтей и женщинъ, семья такая выходитъ въ поле на работы въ числѣ 15 или 20 человекъ. Оттого они и не могутъ сказать, чтобы мало зарабатывали.

Вотяки весьма трудолюбивы, хотя при этомъ не могутъ похвастаться ни проворствомъ, ни особенною сообразительностью въ работѣ. Вотякъ медленно и, можетъ быть, подчасъ безтолково, но неутомимо и прилежно копошится на пашнѣ или нивѣ, — и при своей бережливости, доходящей до скупости, успѣваетъ обставить свое гумно огромными «кабанами», т. е. (скирдами хлѣба), изъ которыхъ многія лѣтъ по 10-ти и болѣе стоятъ совершенно непочатыми.

Кромѣ хлѣбопашества, вотяки питаютъ еще нѣкоторую страсть къ пчеловодству, а въ особенности къ охотѣ. Ружье, собака и трубка во рту — это обыкновенно неразлучные предметы, съ которыми можно встрѣтить подъ осень любого вотяка, въ лѣсу, гдѣ онъ бьетъ бѣлокъ, рябчиковъ, зайцевъ, тетеревей и проч. Сверхъ того, приготовленіе лыка, мочаль и рогожъ занимаетъ также не малое количество вотяцкихъ рукъ.

Казалось-бы, при такомъ разнообразіи занятій и при большомъ трудолюбіи и бережливости вотяковъ, они могли-бы благоденство-

вать и жить въ довольствѣ. Однако этого далеко нѣтъ, что зависитъ отчасти отъ крайней неразвитости ихъ.

Прежде всего вотякъ изумительно неразборчивъ на пищу и охотно ѣстъ всякую мерзость, даже въ то время, когда есть возможность имѣть не только сносную, но и вкусную пищу. Обыкновенныя его кушанья: хлѣбъ неквашенный, невыпеченный, съ отвратительнымъ зольнымъ запахомъ; рѣдька, молоко квашенное, нечистое, нецѣженное; векша, или конина и «сюкисъ» — водянистый и до крайности соленый квасъ.

При этомъ, все, что вотяки носятъ на себѣ, все, что они имѣютъ: жилище, сани, телѣги, упряжь, — все это собственнаго издѣлья и все образцово-грубо. Въмѣсто желѣзныхъ гвоздей, они употребляютъ деревянные; замки, ключи, даже петли у дверей — все почти деревянное.

Обыкновенно многочисленная вотяцкая семья спитъ зимою вповалку: на полу, на нарахъ, на лавкахъ и на палатахъ. На полу-же лежатъ съ ними телята, ягнята, козлята, а подъ лавками, за деревянною рѣшеткою, живутъ куры, гуси, утки. Воздухъ въ избѣ, занятой семьей, — нестерпимъ, вѣроятно отъ нечистоты и зайчины, почти постоянно валяющейся передъ печкою, около которой расхаживаютъ ихъ любимыя животныя — собаки. Въ избѣ всегда бываетъ неприбрано и до-нельзя неопрятно. Гдѣ-нибудь на полу стоитъ незакрытая крышка козьего молока, на поверхности котораго плаваютъ четвероногіе прусаки; сюда-же подходитъ кошка или собака и, наловившись до-сыта, преспокойно уходитъ подъ лавку, а вотяку до этого и горя мало: то-же молоко онъ ѣстъ самъ и даетъ своимъ дѣтямъ.

Лѣтомъ вотяки въ избахъ не живутъ, а выходятъ въ свои чумы т. е. просто въ холодныя строенія, поставленныя на дворѣ прямо на землю и безъ моху. Посреди этого чума всегда есть мѣсто для огня, надъ которымъ вотяки, когда готовятъ свой обѣдъ или

ужинъ, вѣшаютъ котель. Для дыма сдѣлано отверстіе въ крышѣ. Прочая обстановка въ чумѣ та же, что и въ избѣ: столъ, лавки и полки; недостаетъ только печки да палатей. Чумъ развѣ еще немного поменьше избы. Спать вотяки лѣтомъ тоже въ особыхъ строеніяхъ: въ клѣткахъ или амбарахъ.

Крайняя неопрятность вотяковъ служитъ причиною развитія между ними многихъ болѣзней, въ особенности глазныхъ. Если эта неопрятность не влечетъ за собою всѣхъ гибельныхъ послѣдствій для вотяковъ, то развѣ потому лишь, что вотяки питаютъ особенную страсть къ банямъ. Какъ въ зимнее, такъ и въ лѣтнее время они парятся въ баняхъ по крайней-мѣрѣ по два раза въ недѣлю, что дѣлаютъ, разумѣется, далеко не изъ желанія подражать нѣмецкой чистоплотности, а просто изъ любви къ тому пріятному физическому ощущенію, какое доставляетъ имъ процессъ паренья. Но, не смотря на такое частое посѣщеніе бани вотяками, они при этомъ никогда не мѣняютъ бѣлья. Женщины, изъ любви къ своимъ дѣтямъ, стараются, конечно, доставить и имъ это удовольствіе; онѣ имѣютъ привычку парить даже своихъ грудныхъ дѣтей, въ особенности свѣжими вѣниками. Вѣники поэтому имѣютъ въ быту вотяковъ довольно важное значеніе; они заготавливаютъ ихъ помногу, и до тѣхъ поръ, пока не кончатъ вязать, не выѣзжаютъ даже косить. Окончивъ вязку вѣниковъ, вотяки, обыкновенно, день или два пируютъ.

Любовь вотяковъ къ удовольствіямъ выражается въ особенности въ какой-то непонятной привязанности ихъ къ «кумышкѣ». Кумышка—это та же водка, только очень слабая, и притомъ собственнаго вотяцкаго издѣлія, съ сильнымъ запахомъ дыма и сивушнаго масла и вдобавокъ прескверная на вкусъ. Курятъ кумышку чрезъ мѣдныя трубы, по неопрятности вотяковъ, сплошь да рядомъ открыты зеленью и грязью, отчего знаменитая кумышка, помимо своего отвратительнаго вкуса, становится еще вредною для здоровья.

Но не это мѣшаетъ вотякамъ пить кумышку съ наслажденіемъ. Пьютъ ее не только мужчины, но и женщины вотяцкія и даже дѣти. Родители охотно даютъ кумышку даже груднымъ своимъ дѣтямъ.

Вообще кумышка играла не маловажную роль, какъ въ частномъ быту вотяковъ, такъ и въ судьбѣ всего ихъ племени. Курятъ ее, по обычаю, въ каждомъ вотяцкомъ семействѣ, и исключительно одні лишь женщины и дѣвушки, такъ какъ для самаго вотака занятіе это слишкомъ хлопотливое. Куреніе кумышки и по закону разрѣшалось вотякамъ, но лишь до известной степени крѣпости, до 60°, въ видѣ легкаго пива. Но, желая часто приготовить кумышку покрѣче, въ особенности къ какому нибудь большому празднику, вотяки обыкновенно удалялись для того въ глухія мѣста вятскихъ лѣсовъ, чтобы скрыть недозволенное куреніе отъ преслѣдованія корчемныхъ сыщиковъ. И тутъ-то для вотяковъ начинается цѣлая эпопея приключеній изъ-за кумышки. Обыкновенно, робкій и до скупости бережливый, вотякъ становился тутъ отчаянно храбрымъ, непокорнымъ и вдобавокъ расточительнымъ до безразсудства. Изъ за кумышки онъ ополчался всею деревнею, чтобы отнять у корчемныхъ сыщиковъ найденную у него завѣтную флягу; готовъ открыто напасть на своего заклятаго врага — корчемнаго сыщика и до смерти избить его; готовъ свою голову положить въ этой борьбѣ. Изъ за нея же онъ разорялся, платя штрафы за противозаконную выкурку. Подвергается наказанію, попадаетъ въ тюрьму, лишается потомъ навсегда права курить кумышку; но все-таки выкуриваетъ ее снова и снова разоряется....

И все это претерпѣвается изъ за кумышки, о которой сами же вотяки говорятъ: «чортъ ево знаетъ, уваритца што-ли она такой—и немного пьешь ево, а се бидто сердца давить»!...

И дѣйствительно, послѣ праздниковъ вотяки часто приглашаютъ священниковъ на исповѣдь къ больнымъ отъ похмѣлья.

Но, не смотря ни на что, вотякъ такъ привязанъ къ своей род-

ной кумышкѣ, что готовъ пить ее постоянно, и, кажется, будто она ему дороже всего въ жизни. Недаромъ вотяцкое племя, вообще весьма бѣдное преданіями, относительно кумышки имѣетъ ихъ все-таки нѣсколько. Такъ одно преданіе гласитъ, что у нѣкоей царицы корабль потонулъ и повелѣла она всѣмъ народамъ молиться о спасенія его; стали и вотяки молиться по своимъ обрядамъ и, къ счастью, тутъ же догадались плеснуть на огонь чудодѣйственную кумышку,—и вотъ, по мѣрѣ того, какъ паръ отъ нея поднимался къверху, началъ подниматься и корабль изъ воды.... Тогда-то царица и издала указъ о дозволеніи вотякамъ курить кумышку.

Особенное уваженіе ихъ къ кумышкѣ проглядываетъ также и въ тѣхъ многочисленныхъ обрядахъ, которые свято соблюдаютъ вотяками при угощеніи кумышкою своихъ гостей. Вотьякъ или вотячка наливаетъ всѣмъ гостямъ по маленькой чашечкѣ кумышки, и, униженно кланаясь передъ каждымъ гостемъ, подноситъ ему эту чашечку,—и какъ только разъ прихлебнетъ изъ нея гость, прихлебнетъ разъ изъ той же чашечки и хозяинъ, постоянно при этомъ приговаривая: «ю-ю-ю!» между тѣмъ, какъ гость, отдавая обратно чашечку послѣ каждаго глотка, говоритъ: «ме-ме-ме»!... Эта церемонія повторяется предъ каждымъ гостемъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ выпита вся кумышка, послѣ чего идутъ въ сосѣдную избу, для продолженія того же. Сколько такимъ образомъ подчиваніе кумышкой займетъ времени у вотяка,—можно сообразить уже по тому, что въ большой праздникъ въ избѣ у него въ одинъ день перебываетъ до 200 человекъ...

Иногда церемонія угощенія усложняется еще, такъ сказать, побочными обрядами: угощая какого нибудь гостя кумышкою и желая при этомъ выказать передъ нимъ свое особенное расположеніе, хозяинъ дома объявляетъ, что его жена и сноха хотятъ, по ихъ вотяцкому обыкновенію, сдѣлать ему подарки. Послѣ этого сажаютъ гостя за столъ, и каждая изъ женщинъ, по старшинству ихъ въ

семьѣ, подходитъ къ нему поочереди, подноситъ кумышку и, прихлебнувъ немного изъ чашечки отвратительнаго напитка, говоритъ: «слабось» (т. е. на здоровье, пей до дна)! Гость пьетъ и возвращаетъ чашечку женщинѣ, а та вѣшаетъ ему на шею своей работы полотенце, обыкновенно вышитое по концамъ красною бумагою и желтымъ шелкомъ.

Обряды и религіозныя вѣрованія.

Случаевъ попить кумышки и вообще разныхъ праздниковъ у вотяковъ очень много. Кромѣ всѣхъ христіанскихъ праздниковъ, они справляютъ еще русскія національныя гульбища и вдобавокъ отдають должную дань и своимъ собственнымъ вотяцкимъ праздникамъ, сохранившимся еще отъ временъ ихъ идолопоклонства. Такъ послѣ масляницы, когда кончатъ пировать мужчины, наступаетъ день вотяцкаго бабьяго праздника. Въ этотъ день бабы ходятъ изъ дома въ домъ съ пѣснями, и въ каждомъ домѣ пьютъ кумышку. При этомъ, ради забавы, выбираютъ изъ мужчинъ бабьяго голову, который обязанъ смотрѣть за цѣлостью рядовъ пирующихъ женщинъ, въ противномъ случаѣ отвѣчаетъ своею спиною, подставляемой подъ удары лутошками.—Послѣ Пасхи, вотяки празднуютъ день выгона шайтана. Мужчины съ утра садятся верхами на лошадей и съ дубинами въ рукахъ выгоняютъ шайтана, съ громкими криками, изъ своей деревни, послѣ чего празднуютъ свою побѣду роспиваніемъ кумышки.—Почти вслѣдъ за выгономъ шайтана, наступаетъ «праздникъ вотяцкихъ окайшекъ». Обыкновенно, день этотъ опредѣляется на сходѣ, съ общаго согласія, и долженъ предшествовать посѣву яроваго. Въ этотъ день всѣ мужчины выѣзжаютъ въ поле съ сохами, проходятъ съ ними по пашнѣ раза два или три, и тотчасъ же возвращаются домой и угощаются неизбѣжною кумышкою.

У вотяковъ вообще много такихъ праздниковъ и торжествъ, которые носятъ на себѣ явные слѣды язычества. Но понять смыслъ и значеніе ихъ теперь трудно, такъ какъ вотяки чрезвычайно скрытны въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, а, можетъ быть, и для нихъ самихъ давно уже утратился первоначальный смыслъ вотяцкихъ обрядовъ, такъ что хотя многіе вотяки продолжаютъ и въ настоящее время придерживаться своей языческой религіи, но узнать отъ нихъ болѣе или менѣ существенныя подробности объ ихъ религіи — до сихъ поръ еще никому не удавалось. Вотякъ ни молитвы своей не скажетъ никому, ни обряда не объяснитъ. Извѣстно только, что они признаютъ «Имара» — бога неба, олицетворяющаго доброе начало, и «Кереметь» — брата Имара, исконнаго врага людей, олицетворяющаго зло, и наконецъ признаютъ «Шайтана» — злаго духа, живущаго въ водѣ.

Имару вотяки совершаютъ моленія и приносятъ жертвы, обыкновенно у себя дома, въ лѣтнихъ чумахъ («куало»), которые держатъ поэтому въ болѣе опрятномъ видѣ чѣмъ жилища избы, и даже неохотно пускаютъ туда постороннихъ лицъ.

Доброе начало у вотяковъ называется Имаръ, которое живетъ на солнцѣ, вмѣстѣ съ своею матерью Мумукольциною. Злое начало Шайтанъ, или Вуморъ (водяной человѣкъ) живетъ на днѣ воды. Первый человѣкъ, по понятіямъ вотяковъ, сотворенъ изъ красной глины и потому у нихъ повѣріе, что покойника непременно слѣдуетъ хоронить въ красной глинѣ, а за неимѣніемъ ея они считаютъ обязанностію ее отыскать и привести хотя бы малое количество. Кереметь у нихъ — также младшій братъ Имара, который не столько причиняетъ зло, сколько мучитъ чловѣка. По ихъ понятіямъ, Уромъ, первый человѣкъ, другъ бога, но сотвореніи былъ очень скученъ, не смотря на то, что постоянно пилъ кумышку, о чемъ каждодневно доносилъ Кереметь Имару. Послѣдній не повѣрилъ и разсердился на Кереметь, и съ этихъ поръ началась ихъ вражда, которая обна-

руживается въ Кереметѣ всегда тѣмъ, что онъ постоянно смѣется надъ Имаромъ. Такимъ образомъ, когда Имаръ узналъ причину грусти Урома, что нѣтъ у него жены, то тотчасъ же сотворилъ ее, но Кереметь испортилъ женщину, сдѣлавъ ее любопытною и прозорливою. Это послѣднее свойство женщины поставило ее въ глазахъ семьи очень высоко, и ни одно важное дѣло не рѣшается безъ ея приговора.

Изгнаніе изъ рая и самую смерть вотяки приписываютъ также Кереметю слѣдующимъ образомъ: Имаръ не приказалъ Урому и его женѣ открывать нарочно поставленную чашку съ кумышкою, но они не послушали его и выпили кумышку, которая была осквернена Кереметемъ. Съ тѣхъ поръ Урома изгнали изъ рая, и люди начали умирать.

Охраненіе людей, сотворенныхъ во второй разъ, было довѣрено черному псу, что похоже на черемисское повѣрье. Съ этихъ поръ собака составляетъ непремѣнную принадлежность вотяцкаго двора, для его охраненія и спокойствія. Также они полагаютъ, что послѣ этого у нихъ уже нѣтъ грѣховъ, а если и бываютъ, то Имаръ по добротѣ своей не обращаетъ на это вниманіе. Впрочемъ среди такой непривлекательной жизни, вѣчныхъ трудовъ и занятій, и черезъ чуръ ограниченныхъ желаній, вотяки на столько же грѣшны, какъ каждая безсознательно дѣйствующая тварь, и это подходитъ къ ихъ понятіямъ о безгрѣшности.

Но главныя заботы вотяковъ обращены преимущественно на умиловленіе злаго «Кереметь», почитаемаго ими виновникомъ всякихъ бѣдствій, какія только могутъ постигнуть вотяка, или все вотяцкое племя. Моленія Кереметю бываютъ у нихъ общественныя и частныя, и состоятъ главнымъ образомъ изъ приношенія въ жертву разныхъ животныхъ. Время этого моленія и самый родъ жертвы, обыкновенно, произвольно опредѣляетъ вотяцкій знахарь или предсказатель — «Туно».

Мѣстомъ же моленія Кереметю у вотяковъ бываютъ преимущественно рощи, въ особенности дубовыя, такъ какъ, по убѣжденію ихъ, Кереметь любитъ понѣжиться подъ сѣнью вѣтвистаго дуба. Съ этою цѣлью вотяки часто оставляютъ на своихъ поляхъ небольшія группы деревьевъ, которыя и слывуть подъ именемъ — «кереметей».

Жертвы Кереметю иногда бываютъ разорительны для вотяковъ, такъ какъ вотяцкіе «туно» не всегда умѣренно пользуются своимъ правомъ объявлять о гнѣвѣ Кереметя и о необходимости умиловленія его. Къ счастью вотяковъ, у нихъ считается позволительнымъ нецеремониться особенно съ коварнымъ Кереметемъ и, по возможности, обманывать его. Такъ, иной разъ «туно» назначить вотяку принести въ жертву барана, а вотякъ тащитъ поросенка, и чтобы Кереметь, по визгу этого крикливаго животнаго, не догадался о совершаемомъ обманѣ, вотякъ еще дома прирѣзываетъ визгуна.

Въ загробную жизнь вотяки вѣрятъ также по своему. По ихъ понятіямъ, человѣкъ по смерти продолжаетъ не только жить, но и ѣсть и работать. Поэтому они считаютъ своею священною обязанностью почаще класть на могилу своихъ родственниковъ разныхъ яствъ и напитковъ, какъ-то: хлѣба, конины, рябчиковъ, векши, сюкьясь, трубку съ табакомъ, а въ особенности — кумышку. Кладутъ на могилу и тѣ инструменты, которыми покойникъ работалъ при жизни: кочедыкъ для плетенія лаптей, топоръ, какой нибудь синокъ для ловли куропатокъ, и т. п. Поминки совершаются исключительно вслѣдствіе сновидѣній. Для поминокъ готовятъ кумышку и блины. Послѣ молитвы, въ которой просятъ объ успокоеніи умершаго, старшій въ семействѣ беретъ блины, обмакиваетъ въ кумышку и подаетъ собагѣ. Если она ихъ съѣсть, то значитъ покойнику хорошо; въ противномъ случаѣ жизнь его на томъ свѣтѣ тяжела.

Къ особенностямъ ихъ обычаяевъ слѣдуетъ отнести тотъ, который установился при прощаніяхъ. Уѣзжающій или уходящій въ сол-

даты, простившись со всѣми, вколачиваетъ въ знакъ памяти, по четыремъ угламъ стола, четыре мѣдныя монеты, въ воспоминаніе о себѣ, во время трапезы домашнихъ. Присяги совершались еще очень недавно особымъ способомъ. Нарѣзывали кусочки хлѣба, посыпали солью и подавали ихъ остриемъ ножа черезъ лукошко присягавшему, который въ это время стоялъ на колѣняхъ. Показанія подъ такою присягою всегда были вѣрны и обстоятельны. При переправѣ вотяка чрезъ рѣку, онъ непременно бросаетъ горсть травы шайтану, приговаривая: «не держи меня».

У вотяковъ, какъ и у другихъ подобныхъ имъ народовъ, есть свои жрецы, которые играютъ весьма важную роль. За нѣсколько дней до моленія собирается сходка, чтобы рѣшить — какое животное принести въ жертву. Вопросъ этотъ разрѣшается всегда жрецомъ, который уходитъ въ лѣсъ узнать желаніе Иймара или Кереметя. Возвратившись оттуда, сходка узнаетъ волю своего бога отъ жреца. Назначенное для жертвоприношенія животное, извѣстной шерсти, возможно купить исключительно у жреца, который такимъ образомъ, кромѣ подаенія и платы за службу, получаетъ еще большое вознагражденіе за покупаемое у него животное безъ всякаго торга и уступки.

Весьма интересны ихъ молитвы, при разныхъ случаяхъ, такъ напр. *передъ поствомъ хлѣба*: «Господи, благослови и утверди корень, чтобы отъ одного зерна было семьдесятъ семь колосевъ; чтобы на семь составовъ они дѣлились; чтобы солома была толста, какъ камышь. Дай Господи, чтобы зерно уродилось столько же велико, какъ куриное яйцо».

При выходѣ на сѣнокосъ. «Дай Господи, чтобы трава, когда я три раза ударю косою, собиралась пластами; чтобы между копнами были копны и между зародами стояли бы зароды». Вотяки начинаютъ эту работу очень поздно и потому ихъ трава, какъ у чувашей, жестка и не вкусна.

ЭТЫ ИЛИ ЭТОНЦЫ

При выходѣ на жатву: «Дай Господи, чтобы между снопами стояли снопы; между суслонами стояли суслоны».

Предъ кладкою хлѣба: «Дай Господи, чтобы кладуха была также велика, какъ велико небо».

Когда приносятъ въ жертву быка: «Господи, отпущенный въ поле скотъ, да будетъ въ большой прибыли, мы отдаемъ его тебѣ въ жертву съ золотою шерстью».

На случай зѣрловства: «Когда нападеть снѣгъ, дай, Господи, хорошей погоды. Помоги въ лѣсъ зайти и обратно выйти. Чтобы звѣрь показался лицомъ и шерстью. Ежели пойдѣмъ на рѣку, то пусть въ рѣкѣ будетъ рыба. Пусть попадаются бобры и ловятся выдры. Когда случится идти мимо берлоги, то увидѣть бы медвѣдя, а при первомъ выстрѣлѣ изъ ружья, текла бы изъ него кровь и былъ бы шерсти хорошъ. По возвращеніи домой, дай Господи похвалиться удачею; съ покупателями также дай счастья быть знакомымъ и торговаться. Великому Государю, пособи Господи, подать заплатить».

Крещенные вотяки очень оригинальны по исполненію церковныхъ обрядовъ. Такъ, они постоянно переставляютъ свѣчи отъ одного образа къ другому и не дозволяютъ вынимать огарки, а уносятъ ихъ съ собою для другаго раза.

Во время праздниковъ, вотяки, возвращаясь изъ церкви или съ моленья, ѣдутъ семьей и потомъ отправляются въ гости, отъ одного сосѣда къ другому, въ полущьяномъ видѣ, вовсе забывая свой домъ, который остается безъ присмотра иногда цѣлую недѣлю.

При семейной ѣдѣ, въ праздникъ соблюдаются также нѣкоторыя обряды. На столѣ стоитъ каравай хлѣба, пиво и кумышка. Хозяинъ садится на завѣтный стулъ, единственный въ домѣ, изготовленный имъ для себя до бракосочетанія. Затѣмъ онъ отрѣзываетъ верхушку каравая себѣ, а всѣмъ остальнымъ изъ семьи по тоненькому кружечку. Также отлиываетъ въ каждую деревянную чашку кумышку. По-

слѣ того хозяинъ беретъ любимаго члена семейства подъ руку и съ хлѣбомъ и съ чашкою выходитъ изъ избы помолиться Инмару. По возвращеніи его назадъ, онъ снова садится, и тогда всѣ имѣютъ право ѣсть и пить. Угощая друзей, послѣдніе пьютъ не раньше какъ послѣ того, какъ хозяинъ нѣсколько отошьетъ. Тоже затѣмъ дѣлаетъ гость, и такъ помаленьку, какъ бы пробуя вкусъ, допивается чашка съ той и съ другой стороны до конца и снова наполняется. Тоже повторяетъ хозяинъ со всякимъ гостемъ, и потому подъ конецъ угощенія не слѣдуетъ удивляться его безобразію и безпамятству.

Не смотря, однакоже на всю простоту и неразвитость религіи вотяковъ, нравы ихъ все-таки отличались всегда большою строгостію. Честность и трудолюбіе, на примѣръ, всегда были присущими имъ качествами.

Нельзя только сказать того же развѣ о нравахъ вотяцкихъ дѣвушекъ, которымъ до замужства ихъ предоставлена полная свобода, и которыя большую часть своего времени проводятъ въ играхъ и забавахъ съ вотяцкой молодежью. Такъ, время бѣленія холстовъ, для вотяцкихъ парней и дѣвушекъ есть время забавъ и игрищъ, потому-то бѣленіемъ холстовъ и занимаются преимущественно незамужнія вотячки. Онѣ выбираютъ для этого болѣе обширный лужокъ, около рѣчки или ручья, и сходятся сюда со всей почти деревни. Днемъ на лужкѣ бываетъ тихо: тогда можно увидеть тутъ 5 или 6 дѣвушекъ, лѣниво намачивающихъ или разстилающихъ по травѣ холсты, между тѣмъ какъ прочія дѣвушки спятъ, потому что вся ночь прошла у нихъ въ играхъ и забавахъ. Съ закатомъ солнца лужокъ начинаетъ оживляться: сюда приходятъ парни, дѣвушки начинаютъ пѣть пѣсни и играть въ хороводы, а иногда и въ горѣлки. Здѣсь можно увидѣть ту свободу нравовъ, какой нельзя встрѣтить нигдѣ. Только предъ восходомъ солнца парни расходятся по домамъ, а дѣвушки ложатся спать. И такъ, пока бѣлятся у нихъ холсты, онѣ постоянно ночуютъ на лужкѣ. Осенью, по окончаніи

уже всѣхъ полевыхъ работъ, вотяцкія дѣвушки принимаются прясть и сходятся для этого въ бани. Въ каждую баню набивается по столько парней и дѣвушекъ, сколько ихъ можетъ помѣститься безъ тѣсноты. Сходбища эти бываютъ вечеромъ. Сначала дѣвушки прядутъ и поютъ пѣсни, а парни или играютъ на гармоніи, или валяются на полкѣ. Когда же наступаетъ пора расходиться, одинъ изъ парней неожиданно гаситъ горящую лучину между рукавицами и вся компанія расходится по парно.

Замужнія же вотячки, напротивъ, отличаются большою строгостью нравовъ. На нихъ и у мужчинъ вотяковъ совсѣмъ иной взглядъ, чѣмъ на незамужнихъ. — Вотякъ самъ охотнѣе женить сына на той дѣвушкѣ, у которой уже есть дѣти, въ особенности мальчики, и всякій мужъ любить этихъ дѣтей, какъ своихъ собственныхъ. Вотяки философствуютъ объ этомъ по своему: «что, говорятъ они, жонитца на такой дѣпко, у куторова ребято нѣтъ; мы беромъ жону не для забавки, а семья штобы больше была. Безъ семья худо бываетъ житья».

Вотяки часто принимаютъ къ себѣ въ дѣти даже совсѣмъ постороннихъ мальчиковъ, чьихъ нибудь сиротъ и заботятся о нихъ не меньше, чѣмъ о своихъ кровныхъ. «Ево оншо больше надо жалѣть», говоритъ вотякъ о пріемышѣ, — матери нѣтъ, «такъ кто ево пожалѣеть?»

Въ жены себѣ вотяки рѣдко берутъ изъ одной съ собою деревни, а по большей части вереть за 10 и даже болѣе. Почему у нихъ такъ дѣлается, они и сами не знаютъ, а говорятъ только, что старики ихъ такъ дѣлали.

Невѣсту сватаетъ, обыкновенно, кто нибудь изъ родныхъ жениха — отецъ или дядя. Случается, что женихъ до самой свадьбы не знаетъ, какая будетъ у него жена.

Какъ свадьба, такъ и самый бракъ вотяковъ, имѣютъ свой особый оттѣнокъ и достойны наибольшаго вниманія по характеристич-

ности взгляда вотяковъ на этотъ предметъ. Выдавая за мужъ дочь, либо вводя въ домъ невѣтку, та и другая причиняютъ вотяку и горе, и радость. На приданое дочери и на угощеніе нужны расходы, въ наименьшемъ размѣрѣ до 20 р. с. Если сынъ женится, то это стоитъ еще дороже, такъ какъ калымъ доходитъ до 60 р. с. Тутъ однако же та выгода, что въ семью вступаетъ лишняя работница, чему нельзя не радоваться вотяку; но скудные средства не всегда позволяютъ копить столько, сколько потребно для совершенія брака. Кромѣ того, вотяки слишкомъ дорожатъ исключительно такими женщинами, которыя способны къ дѣторожденію, мало уважая бездѣтныхъ. Такъ какъ они такую способность почитаютъ за главную въ женѣ, то не рѣдко живутъ съ дѣвками до брака и жепятся лишь тогда, когда она дѣлается беременною. Разумѣется, что этому препятствуютъ какъ духовныя, такъ и полицейскія власти, но вотяки того убѣжденія, что гораздо было бы выгоднѣе лучше и проще, украсть жену безъ калыма и жить съ нею безъ всякаго брака. Способная къ дѣторожденію женщина почитается у вотяковъ одинаково какъ у чувашъ. Она имѣетъ голосъ, помогаетъ мужу во всѣхъ работахъ, смотритъ за скотиною и воспитываетъ дѣтей. На послѣднее обстоятельство мужа обращаютъ особенное вниманіе, обвиняя во всемъ мать, если дѣти къ работѣ лѣнны. Уже съ пяти лѣтъ ихъ заставляютъ помогать отцу. Бывали случаи, что вотяки бросали своихъ женъ изъ за лѣности дѣтей. Такое практическое направленіе вотяка ясно обрисовываетъ все, къ чему онъ стремится, чего онъ желаетъ, что думаетъ и какъ смотритъ вообще на человѣка и свое семейство.

Свадьба совершается похищеніемъ или сговоромъ. Въ первомъ случаѣ женихъ, сговорившись заранѣе съ невѣстою, назначаетъ день часъ и мѣсто. Въ этотъ день, угостивъ всю свою родню до пьяна кумышкою, онъ въ сопровожденіи всѣхъ наличныхъ мужчинъ отправляется верхомъ за невѣстою. Пріѣхавъ, сажаетъ ее, какъ у чувашъ,

верхомъ и ведетъ подь поводья къ себѣ домой. Невѣста во время дороги весела и спокойна, но, подъѣзжая къ дому своего будущаго мужа, начинаетъ плакать, выть, просить отпустить ее, обращаясь то къ жениху, то къ поѣзжанамъ. Войдя въ избу, повторяется то же самое: она кидается во всѣ стороны, умоляетъ защитить ее, пока, угомонившись нѣсколько и угостившись кумышкой, ее не запрутъ въ амбаръ или чумъ. Родители ея, узнавъ о похищеніи, верхами прѣзжаютъ въ деревню, вламываются съ шумомъ и съ полнѣйшимъ неудовольствіемъ въ избу, причемъ начинается общій переполохъ, кончающійся тѣмъ, что родня невѣсты узнаетъ, гдѣ она сидитъ. Тогда отецъ ея подходитъ къ двери чума и спрашиваетъ, желаетъ ли она остаться тутъ и хорошо ли ей жить. Невѣста отвѣчаетъ, хотя и не совѣмъ хорошо, но для милаго она готова остаться. Тогда начинается мировая, угощеніе кумышкой, сговоръ о калымѣ и приданомъ.

Если сватовство дѣлается не насильственно, то свать ѣдетъ къ отцу невѣсты и уже возвращается не раньше, какъ сосватавъ невѣсту. Когда всѣ уговоры кончены, то невѣста подаетъ кумышку и двѣ чашки, которыя выпиваются отцомъ и сватомъ до половины. Потомъ обѣ оставшіяся половины кумышки въ чашкахъ сливаются въ одну и все подносится невѣстѣ, которая въ знакъ согласія выпиваетъ ее залпомъ. Сосватавъ, женихъ ѣздитъ каждый день къ невѣстѣ и привозитъ ей подарки въ родѣ полотенца, рубашки, краснаго платка.

Свадьбы бывають въ свободное отъ занятій время, большею частью за недѣлю до масляницы, одна за другою. Въ этотъ день собираются всѣ поѣзжане въ домъ жениха, разукрасивъ своихъ лошадей лентами, привѣсивъ бубенчики и шаркуны. Чтобы лошади во время свадьбы не дремали, что почитается за дурной знакъ, ихъ въ этотъ день не кормятъ. Верхами, въ кибиткахъ и въ другихъ повозкахъ, отправляются всѣ къ невѣстѣ. Но при этомъ вся послѣдующая церемонія только въ такомъ случаѣ бываеть при жени-

хѣ, если невѣста не украдена, иначе ее привозятъ къ жениху, въ сопровожденіи свахи и дружки. Подъѣзжая ко двору невѣсты, дружка спрашиваетъ дома ли она, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, отвѣзжаетъ со всѣми обратно. Не доѣзжая до деревни жениха, поворачивають назадъ въ предположеніи, что невѣста гдѣ нибудь спряталась. Въѣхавъ на дворъ невѣсты, всѣ начинаютъ ее искать и наконецъ выводятъ посреди двора, гдѣ начинается нескончаемый плачь и вой. Тогда подходитъ къ ней женихъ, даритъ чѣмъ нибудь, либо общаетъ купить на передникъ, головной уборъ и т. п. Но невѣста не успокоивается и на всѣ доводы отвѣчаетъ однимъ плачемъ. Потомъ она начинаетъ прощаться со всякою вещью, со всякимъ предметомъ, который увидитъ или вспомнитъ, благодаритъ отцовскихъ лошадей за хорошую ѣзду, корову за молоко и т. д. Если это прощанье и завыванье продолжается слишкомъ долго, то женихъ вмѣстѣ съ дружкой кладутъ невѣсту лицомъ къ землѣ покрываютъ ее подушкой и стягаютъ по ней возжами, что и укрощаетъ эту печально-смѣшную сцену. Послѣ того она входитъ въ избу, женихъ наливаетъ въ чашку кумышку и подаетъ ей, вмѣстѣ съ подарками, которые принимаетъ невѣста на колѣняхъ. За тѣмъ запрягается тройка, и женихъ съ невѣстою въ сопровожденіи поѣзжанъ, объѣзжаютъ всю деревню. На другой день, а большею частію вечеромъ, бываеть свадьба. Передъ отправленіемъ въ церковь, либо въ деревню жениха, у дѣвицъ вотачекъ обыкновеніе даритъ невѣсту разными предметами. Иногда послѣ этого слѣдуетъ вколачиваніе монетъ по четыремъ угламъ стола. У крещенныхъ благословеніе родителей сопровождается иконою, а у некрещенныхъ мать кладетъ руки на голову и воетъ надъ дочерью нестерпимо долго. Потомъ дочь садится на лавку, поплачетъ, поклонится всѣмъ, выходя изъ избы садится на порогъ, также плачетъ, тоже повторяется на крыльцѣ, послѣ чего, снова перецѣловавъ всѣхъ и простившись со всѣми, усаживается на повозку и ѣдетъ къ жениху.

По приѣздѣ въ домъ жениха начинается пиръ, состоящій въ угощеніи главнымъ образомъ пивомъ и кумышкой и въ сопровожденіи доморо. енной музыки: гармоніи, балалайки и пузыря. Въ это время поютъ разныя нескладныя пѣсни въ родѣ слѣдующей:

Мы взяли красную манишку,
А сами оставили черную.
Мы отдали со шляпу,
А взяли въ цѣлый сундукъ.
Мы отдали съ сундукъ,
А взяли съ цѣлый амбаръ.
Мы приѣхали по рыбчиковой дудочкѣ,
Мы прибыли по тропинкѣ вешей.
Мы прибыли сюда по такованью глухаря,
Мы вниз спустились на маленькой лодкѣ,
А къ верху поднялись на большой.
Войной прини и взяли!
Цѣлыхъ десять недѣль ѣздили;
Ѣздили да свое взяли!
Весь городъ тамъ былъ,
Весь базаръ тамъ стоялъ,
А мы только семеро, прини и взяли.

Вмѣстѣ съ тѣмъ танцуютъ по своему, кружась, прищельивая и шума до буйства и драки.

На третій день молодые ѣздить къ родителямъ невѣсты, привозятъ имъ подарки въ видѣ холста или лаптей, если бѣдны, причемъ установлено обычаемъ, чтобы молодая была какъ можно развязнѣе и бойчѣе.

Послѣ замужества вотячки нѣсколько измѣняютъ и свой костюмъ.

Нынѣ вотяками перенято уже многое изъ русской культуры, и всего больше, кажется, изъ русской пѣсни. Национальныхъ пѣсенъ они почти совсѣмъ не имѣютъ, а поютъ постоянно русскія, хотя, конечно, въ сильно исковерканномъ видѣ. Собственная же вотяцкая пѣсня состоитъ обыкновенно изъ однихъ только заунывныхъ и крайне однообразныхъ припѣвовъ, въ родѣ слѣдующаго: «ай—дай», «до—шу», «ай—ай» и т. п.

Такимъ образомъ, не смотря на то, что общественный и частный бытъ вотяковъ носить еще на себѣ слѣды самобытности, и какъ ни упорно держатся въ самомъ характерѣ ихъ нѣкоторыя своеобразныя черты,— но и на нихъ успѣло уже сильно отразиться влияніе русской образованности, и отъ какихъ бы причинъ ни зависѣла нѣкоторая неподатливость вотяковъ къ сближенію съ господствующею народностью, во всякомъ случаѣ надалеко то время, когда и вотяцкое племя окончательно сольется съ великою русскою семьей.